

история / география / этнография

Владимир Соколов

Львы и розы ислама

Историческое путешествие
от Мекки до Багдада

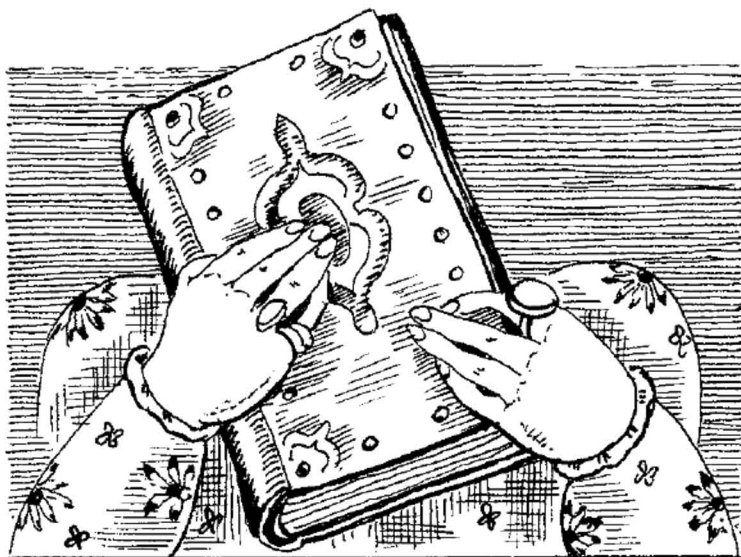
Ломоносовъ
издательство

Владимир Соколов

Львы и розы ислама

Историческое путешествие
от Мекки до Багдада

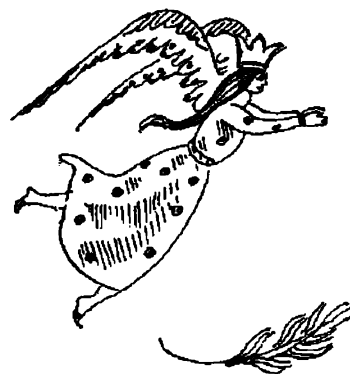

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 94(53)
ББК 63.3(5)
С59

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

ISBN 978-5-91678-516-6

© Владимир Соколов, 2019

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019

Предисловие

Мир Востока, и особенно мусульманского Востока, всегда представлял для европейцев трудную загадку. Отношение к нему, как у некоторых изменчивых влюбленных, колебалось между отталкиванием и влечением, зачарованностью и враждой. В западной культуре долго господствовал интригующий образ арабско-персидского эдема, где смуглый падишах в узорчатом кафтане и чалме льет на «шальвары пену сладких вин», а полногрудые красавицы в газовых шарфах услаждают его взор, извиваясь в томном танце среди пестрых ковров и надушенных мускусом подушек. В таком пряном, экзотическом Востоке, полном роскоши, неги и соблазна, европеец находил воплощение своих гедонистических мечтаний о *dolce far niente* — приятном ничегонеделанье, о вседозволенности плотских наслаждений, а за-

одно — и детской тяге к чудесам, поскольку сказать «Восток» и «сказка» было почти одно и то же. В долгие холодные зимы простодушным северянам грезилось, как где-то далеко, к югу от последних христианских стран, живут таинственные заклинатели змей и гадатели по звездам, волоокские невольницы прячутся в тени гарема, холя свои нежные тела, а злобные ифриты время от времени похищают их и уносят в набитые сокровищами пещеры, давая пылким юношам повод проявить свою смекалку и бесстрашие.

Но это была только одна сторона европейского ориентализма. На другой ее стороне стоял глубокий, ксенофобский скептицизм в отношении всего восточного, «варварского», нехристианского, инородного, предельно чуждого по духу и культуре. Как только речь заходила об обществе, политике или религии, сладостный мираж рассеивался и в дело вступал трезвый разум, говоривший, что исламский Восток — неприятное, грубое и отсталое общество, где помимо бесчеловечных нравов и смехотворной веры в Магомета существует множество вещей, неприемлемых для цивилизованного разума и вкуса. В сознании просвещенного Запада жизнь мусульман состояла почти целиком из крикливого бескультурья и пережитков азиатской дикости, бытовой нечистоплотности, работорговли и уродливого низкопоклонства перед властью. В таком мире европейцу не только не хотелось жить — ему приходилось с ним бороться, как борются с сильным и опасным противником, чьи обычаи и идеалы радикально противоположны твоим собственным и с которым поэтому невозможно ни сосуществовать, ни договориться.

Прошло не одно столетие, прежде чем представления Запада о восточном мире начали меняться. Обратившись к библиотекам и архивам, европейские ученые нашли тысячи новых первоисточников и перевели множество увлекательных книг, где прошлое Востока предстало в своем подлинном обличье. Вместо мифов и фантазий в арабской истории зазвучали голоса живых людей: правителей, поэтов, ученых, торговцев, путешественников, летописцев. Исламская культура, когда-то вдохновлявшая Европу, а потом забытая, снова раскрылась и засияла перед европейцами во всем своем великолепии, словно старые сундуки в сокровищнице султана.

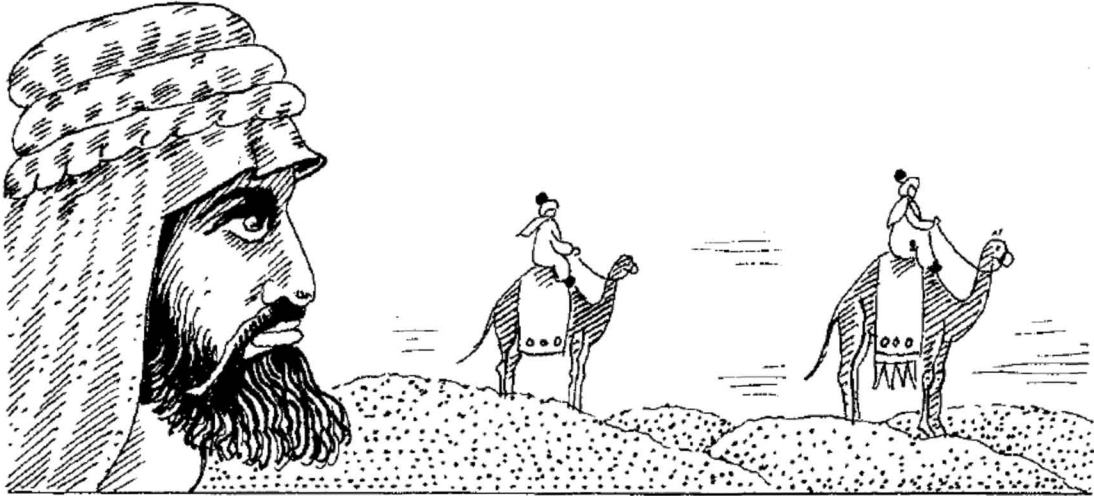
Однако и сегодня с восточной историей далеко не все обстоит благополучно. На карте исламского прошлого по-прежнему, по-

добно выжженным пустыням, зияют пустые пятна, не освещенные никакими фактами и документами. Не только конкретные детали, но и общая канва событий часто колеблется и ускользает из рук исследователя, словно легкий дымок из курильницы для благовоний. Знаменитый русский арабист Игнатий Крачковский жаловался, что востоковеды буквально тонут в море второсортных рукописей, где только с трудом можно найти что-то ценное. Другой выдающийся историк, Василий Бартольд, писал, что для истории Востока не выполнена еще самая предварительная, черновая работа и что даже крупным специалистам в этой области приходится больше задавать вопросы, чем получать на них ответы. Неудивительно, добавлял он, если не слишком сведущий читатель примет чью-то догадку за историческую истину, а предположение — за непреложный факт.

Книга, с которой мы предлагаем ознакомиться читателям, — не столько академически точный и выверенный труд, сколько популярный обзор тех неполных и неокончательных результатов, которых на сегодняшний день достигла история мусульманского Востока. Это больше историческое и даже туристическое путешествие, чем серьезное научное исследование. Следуя за путеводными звездами нескольких надежных и признанных имен, имеющих твердую репутацию в истории Востока, — таких как ат-Табари, аль-Масуди, Рашид ад-Дин, Джувейни, — мы отправимся по странам и эпохам блестящего халифата, заглянем в самые дальние уголки исламской империи, окинем взглядом устройство мусульманского общества и попытаемся не запутаться в паутине бесчисленных княжеств и династий. Мы узнаем, как и почему арабам удалось с такой головокружительной быстротой стать хозяевами полумира, кто были те удивительные люди, которые с помощью меча и Книги выковали новую цивилизацию, что представлял собой ислам при своем зарождении и как он повлиял на жизнь арабов и других народов. Но не только история и вера станут предметами нашего интереса. Мы пройдем по восточным базарам и невольничьим рынкам, заглянем в мечеть и дворец халифа, посетим дома зажиточных мусульман и городские бани, попробуем проникнуть в гарем и поучаствовать в состязаниях поэтов, побеседовать с учеными и проникнуться мудростью законоведов. Наш взгляд будет обращен на все, что поможет лучше понять жизнь мусульман и по достоинству оценить всю сложность и богатство исламского мира,

сотни лет существующего рядом с нами: смысл и основание его правил и устоев, его правду и его заблуждения, его успехи и неудачи. Быть может, ознакомившись с этим трудом, кто-то придет к выводу, что западная и восточная цивилизации в основе своей очень близки друг к другу и разногласия между ними — только следствие застарелых мифов и легенд. А кто-то, наоборот, еще больше укрепитя в мысли, что «Восток есть Восток» и пропасть между ним и Западом непреодолима. Как бы там ни было, корни многих проблем, существующих сегодня в мусульманском мире, и ключи к пониманию его мотивов и устремлений лежат в описываемой здесь эпохе, и цель этой книги будет вполне достигнута, если благосклонный читатель, пролистав ее страницы, получит если не удовольствие, то хотя бы пользу.

Часть I На пути Аллаха

Глава 1. Аль-Джазира

Географическая пустошь

С географией и климатом Аравийскому полуострову не повезло: находясь на самом «горячем» перекрестке Земли, между Азией, Европой и Африкой, он почти весь покрыт бесплодными пустынями. На том месте, где могла бы бурно кипеть жизнь, расти города и развиваться богатая культура, тянутся только песчаные дюны и барханы, из которых торчат голые камни.

Самая характерная черта Аравии — это красный песок, весь взрыхленный и измятый, по выражению одного историка, «как будто его с утра до ночи топтали табуны лошадей». Пустыня здесь вся красная, и даже пшеница — ее называют *фасс* — дает красноватые зерна, из которых получают красноватую же муку. Плоская земля кое-где покрыта полукруглыми возвышениями в форме копыта, обрамляющими занесенные песком впадины глубиной до полусотни метров и диаметром от нескольких десятков метров до нескольких километров. Реже встречаются более крупные, тянущиеся от горизонта до горизонта плоскогорья,

изрезанные глубокими ущельями. В этих горах по ночам холодно даже летом, а зимой можно замерзнуть насмерть. В одном из таких мрачных ущелий, наводящих своим видом неизъяснимую тоску, по преданию, был похоронен Каин.

Ветра в Аравии чаще всего дуют с востока. Восточный ветер саба считается у арабов самым мягким и приятным, а западный самум («отравленный») — самым ужасным: он высушивает воду и убивает людей зноем и жаждой. Северный ветер шималь несет резкий холод и вызывает пыльные бури, а южный каус опасен для моряков, поскольку вызывает штормы.

Постоянных водоемов на полуострове нет, но есть подземные реки, выходящие то там, то здесь мелкими ручьями. Иногда встречаются русла пересохших рек — вади, наполняющихся водой после дождя и становящихся настоящими реками раз в двести—триста лет, когда в их бурных потоках можно утонуть. Еще воду можно найти в остающихся после дождей прудах, называемых гадир.

Дождь здесь называют «милостью Бога», а слова «щедрость» и «влажность» на арабском — синонимы. Лучшее время после зимних дождей — это *раби*, арабская весна, когда стоят теплые солнечные дни и прохладные ночи.

Самая большая пустыня Аравии, Руб-эль-Хали, — по-арабски «пустая четверть», — занимает миллион квадратных километров. Самой страшной считается ее западная часть — Бахр-Ас-Сафи, так называемое море чистоты. Кроме невыносимой жары, здесь полно зыбучих песков и подвижных дюн, которые могут засосать человека вместе с верблюдом и где исчезали без следа целые караваны.

Температура в тени +50. Все вокруг раскалено добела, на небо невозможно смотреть, воздух превращается в колышущееся море. Каждый шаг дается с трудом, все время мучает жажда. Аравийский зной, как писал один впечатлительный путешественник, «выжигает мозг в костях, мечи в ножнах делает мягкими, как воск, а драгоценные камни превращает в уголь».

Путешествие по пустыне — пытка. В летописях говорится, что воины царя Кабмиза и Птолемея Лага, вторгшиеся в эти земли, могли идти только по ночам. Каждый переход через пустыню был риском, и требовались большая смелость и знания, чтобы пуститься в путь от Омана до Мекки или из Хаиля в Джауф. Знаменитый переход кавалерии Халида ибн аль-Валида

через абсолютно безводную пустыню из голого известняка (634) считался образцом невиданной храбрости. Обычные караваны шли короткими переходами по три—пять дней, от одного оазиса до другого. Оазисы были мелкие, состоявшие из нескольких шатров вокруг колодца, а были большие и богатые — целые города с пальмовыми рощами, роскошными домами, где жили купцы и знать, базарами, лавками ремесленников и всеми благами, которые могла дать цивилизация. После суровой безводной пустыни, где каждый шаг был борьбой за выживание, для путника это составляло поразительный контраст: он словно попадал из ада в рай. Некоторые из оазисов — например, Джубба, — были очень древними, здесь находили камни и скалы, испещренные рисунками и надписями, которые уже никто не мог прочесть.

Глубина пустыни была неизвестна — никто не отваживался там бывать. Ходили слухи, что в самом ее центре существовала страна изобилия, полная деревьев и воды. Говорили также, что путешествие у ее границ так трудно, что каждый день там проходит как три года и юноша после трех недель пути возвращается глубоким стариком. Иногда в переходах бедуины встречали людей, говоривших на непонятном языке. Пустыню населяли демоны, джинны, шайтаны, призраки и боги.

Еще больше таинственности пустыне добавляли миражи, показывавшие то, что происходило не здесь или не происходило совсем.

В Аравийской пустыне живут весьма ядовитые существа — гюрза, эфа, рогатая гадюка, тарантулы, скорпионы. Все живое здесь постоянно и отчаянно борется за воду. Свежая сочная зелень появляется только в короткий сезон дождей и исчезает два-три месяца спустя, едва успев дать семена. Мясистые суккуленты — вроде молочая и алоэ — на время засухи накапливают воду в своих толстых стеблях, из-за чего те кажутся неестественно раздутыми. А деревца побольше, акации и другие многолетники, почти все время проводят в спячке и лишь ненадолго просыпаются вместе с дождями.

В Аравии всегда высоко ценились финиковые пальмы, которые в оазисах растут целыми лесами. Из фиников делают мед, вино, уксус, настоем фиников поят скот, а косточки используют как топливо. Пророку Мухаммеду приписывают такие слова: чтите пальму, она сделана из той же глины, что и Адам. У арабов

существовал целый культ финиковой пальмы, она описывалась в поэзии и прозе в бесчисленных вариантах, детально и любовно, со множеством красочных сравнений.

Но главное в Аравии — это верблюды, которые могут долго обходиться без воды и дают молоко, заменяющее в пустыне воду. Не будь верблюдов, путешествовать в пустыне было бы невозможно. Эти невероятно выносливые животные могут носить почти полтонны груза, проходить за день десятки километров и целую неделю обходиться без питья. В отчаянных случаях, когда кочевникам грозила смерть от жажды, они убивали верблюдов и выпивали жидкость, хранившуюся в их желудках. Именно благодаря верблюдам бедуины стали полными и единственными хозяевами аль-Джазир, или Полуострова, как называли его арабы.

Племя вместо государства

Сегодня принято считать, что арабы переселились в Аравию из древнего Междуречья. В то время обитаемыми на полуострове были только южные районы, где жители вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Арабы первыми заселили внутренние, пустынные районы и занялись кочевым скотоводством. По преданию, возглавлял этих переселенцев дядя Авраама по имени Кахтан (в Библии его называют Иоктан), чьи потомки и по сей день считаются «истинными арабами».

С самого начала арабы делились на северных и южных. Северные — называвшиеся бедуинами или кайситами, — отличались смелостью и воинственным характером. Это были бедные кочевники и пастухи, «горячие парни», мужественные и стойкие, но невежественные и не склонные к культуре. Полную противоположность им составляли южные арабы, известные как йеменцы или калбиты, — состоятельные землевладельцы, ценители мирной и приятной жизни, знавшие толк в деньгах и приносимых ими благах.

Бедуины и йеменцы все время спорили между собой, кто из них настоящие арабы и кто превосходит других своими достоинствами. Южане, более зажиточные и цивилизованные, свысока смотрели на грубых и нищих северян и считали себя потомками праведного Исаака, а северян — изгоя Исмаила, сына Авраама от рабыни Агари. Бедуины отвечали презрением к южанам-не-

женкам и обвиняли их в недостатке благочестия и отсутствии хороших манер. Себя они видели наследниками традиций и защитниками древних устоев, а южан — развращенными и ни к чему не годными людьми.

Обе стороны были по-своему правы. Южанам жилось гораздо легче и привольней, чем кочевникам пустыни. В географическом Йемене, который называли «страной направо», то есть на юг, население благоденствовало благодаря теплему климату и щедрости природы. Прибрежные воды у йеменских берегов изобиловали таким количеством рыбы, что даже верблюдов здесь кормили сардинами. В местных рудниках жители добывали золото, на горных террасах выращивали благовонный ладан, а в море ловили драгоценный жемчуг.

Лежавший к югу от Йемена горный Оман, столь же плодородный и цветущий, богател на благовониях и сладких финиках. Это был крупный военный и торговый порт, знаменитый своими пиратами и сильным флотом: южные арабы с древних времен славились как рыбаки и мореплаватели. В Омане из индийского малабарского леса и кокосовых пальм строились великолепные корабли, не уступавшие по качеству финикийским. Когда в Египте правили еще первые династии, оманцы уже добирались морем до Китая, Индонезии и Мадагаскара: как и йеменцы из Адена, они были первыми настоящими моряками, плававшими не только вдоль берега, но и в открытом море. Но ко времени появления ислама от этих славных и богатых государств не осталось никаких следов.

На севере государств не было вовсе. Бедуины не имели никакой центральной власти: они питали отвращение к любому принуждению. Функцию и назначение государства у них целиком выполняло племя, которое по-арабски называлось *кабила*. Племена делились на кланы, кланы — на хамулы, группы из нескольких семей. Хамулы собирались в кочевые общины, которые вместе передвигались по пустыне и разбивали отдельный лагерь, где каждая семья жила в своем шатре. Шатер был домом, частной собственностью, принадлежавшей только семье, а пастбища, земли, вода — собственностью племени и клана.

Размер племени мог быть самым разным, от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч человек. Самыми крупными арабскими племенами считались Мудар, Рабиа и Ваиль, которые постоянно враждовали друг с другом. Слабые племена со временем

исчезали или вливались в сильные. Племена то и дело заключали между собой мирные договоры, но соблюдали их только до тех пор, пока одно племя не становилось сильнее других: тогда оно нарушало договор и действовало силой.

Настоящее государство в Аравии было невозможно уже потому, потому что в ней не было постоянных поселений. Любые границы в пустыни были зыбкими, как песчаные барханы, которые ветер может носить туда и сюда, как хочет. По выражению одного немецкого историка, вся аравийская топография была начертана на спине верблюда.

Не способствовал общественным союзам и гордый, заносчивый нрав кочевников. Между ближайшими союзниками по сущим пустыням в любой момент могла вспыхнуть смертельная вражда, после чего запускался маховик кровной мести, который было очень трудно остановить.

Примером может служить «война Габры», вспыхнувшая из-за коня. У Кайса, сына Зухейра из рода Абс, был знаменитый скакун Дахис, считавшийся самым быстрым в Аравии. Но Хузейф и Хамаль из соседнего племени Зубьян стали спорить, утверждая, что их кобыла Габра лучше. Кайс долго уклонялся от пари, боясь, что это приведет к раздору, но насмешки зубьянцев заставили его принять вызов и даже увеличить ставку — с десяти верблюдов до ста. Лошадей не поили двое суток, потом наполнили ров водой и выпустили их в поле, договорившись считать победителем ту, что первой припадет к воде. Дахис обогнал Габру, но в последний момент зубьянцы сжульничали, отогнав его от водопоя, и Габра пришла первой. Кайс и его племя почувствовали себя одураченными; пролилась кровь и вспыхнула война. Только спустя сорок лет нашлись люди, которые сумели добиться мира, выплатив контрибуцию в 3000 верблюдов, но сам Кайс отказался принимать в этом участие. «Я больше не могу смотреть в глаза женщинам зубьянцев, — сказал он, — потому что у каждой из них убил сына, мужа или брата». Бросив все, он уехал из Аравии в Оман, принял христианство и стал монахом.

Кичась мужеством и гордостью, бедуины постоянно попадали в одну и ту же ловушку — непрерывную кровавую бойню между двумя равно храбрыми и непримиримыми противниками, которые не могли ни победить друг друга, ни прекратить войну. Каждый раз происходило одно и то же. Сначала арабов обуревали вспышки гнева, призывы к мести и боевой азарт, пылкое не-

терпение воинов, воодушевленных своей правотой и жаждущих справедливо наказать обидчиков, а заодно изумить всех своими подвигами и добыть славу и трофеи. Потом война затягивалась, и в людях нарастало уставание от драк, сражений, крови, смертей своих и чужих. Наконец, наступала последняя степень утомления и отвращения, когда всех уже тошнило от бесчисленных убийств и идея примирения начинала сама собой носиться в воздухе. Тогда появлялись мудрые миротворцы, восхваляемые всем народом, поэты мрачно кляли ужасы войны, а измученные бедуины заключали новые союзы, чтобы вскоре снова разорвать их по первому пустяшному поводу.

Племенная и родовая связь у арабов была так сильна, что позже, когда они начали заселять города, представители одного племени селились в одном квартале и отделялись от других стеной. В результате город оказывался разделен множеством перегородок, обозначавших границы племен.

Одиночки

Арабы по убеждениям и складу характера были яркими индивидуалистами. «Символ веры» бедуина выглядел примерно так: каждый член племени — свободный воин, он делает только то, что сам считает нужным, и никто не может ему ничего приказать, даже шейх. Бедуин не платит племени никаких налогов, потому что это оскорбительно: воин должен сам собирать дань. Что касается веры, то верить он может в любых богов.

Кочевник следовал примерно тем же правилам, что средневековые рыцари или пираты. Он был всегда вооружен, независим, в любой момент мог уйти куда пожелает, жил грабежом и силой оружия. Считалось, что бедуин — это смелый боец, готовый бросить вызов или принять его от кого угодно: он должен верить и всегда доказывать, что он сильнее и лучше всех, даже самых прославленных воинов. Если такой вызов был сделан, у него оставался только один выбор — победить или умереть.

Разумеется, такая свобода могла существовать только в рамках определенных правил. Бедуины выработали обязательный набор качеств, которым должен был следовать каждый воин, чтобы уважать сам себя и быть уважаемым другими. Этот арабский кодекс чести назывался *мурувва*, то есть «обладание мужскими качествами». Сюда входили смелость, благородство и велико-

душие, верность своему слову, соблюдение кровной мести, почитание старших, щедрость. Были тут и благородные, «рыцарские» свойства: защищать слабых, жертвовать всем ради чести, терпеливо переносить несчастья и боль. Неудивительно, что впоследствии араб Саладин и европейские рыцари хорошо понимали друг друга.

Но у этой свободы была и обратная сторона. Человек не мог существовать один, без племени: если племя его изгоняло, он превращался в *хали* — изгоя, которого не защищали никакие законы. Вся жизнь и весь закон целиком заключались внутри племени, за его пределами царили только беззаконие и произвол сильных. Одиноким человек становился добычей и мишенью для каждого, кто превосходил его силой или числом: «каждый дюжий ему господин». К тому же внутри племени почти все были связаны друг с другом кровной связью. Родство могло быть не только по крови, но и по браку, по клятве — когда люди или целые общины давали друг другу клятву верности, и это заменяло кровную связь. Даже в именах арабов на первом месте стояло название племени и лишь потом — личное имя. Родословие было в таком почете, что бедуины знали имена своих предков до восьмого колена. Довольно часто родословную подделывали, чтобы придать себе побольше веса.

Бедуины говорили: кровная связь крепка, как асир (веревка, которой палатку привязывали к кольям). Самыми тяжелыми считались преступления против родства, и только потом шли моральные и уголовные. Бедуин видел себя живущим внутри своего клана, весь остальной мир для него не существовал. История мироздания сводилась для него к основанию рода, а о том, что было раньше, он не думал. Даже под «Аравией» араб понимал только ту территорию, на которой жило его племя. Это было единственно возможное место обитания, родина, окруженная землями врагов и чужаков. Границы владений кланов тщательно размечали, и переступить их означало войну. Правда, особо воинственные племена любили подчеркивать, что у них нет границ, что они «ставят свои палатки, где хотят». Буйное воображение рисовало им, как они захватывают весь мир, «суше становится от них тесно» и даже «спину моря они покрывают кораблями». «Весь свет и все, что есть на свете — наше», — писал поэт, восхваляя свой клан.

Занятия арабов

По представлениям бедуинов, любой араб — прежде всего скотовод. Выпас скота и связанный с ним природный ритм почти целиком определяли его образ жизни. Зимой, когда шли дожди, кочевники странствовали от пастбища до пастбища. Воду в это время почти не использовали: люди пили верблюжье молоко, а скоту хватало сочной и свежей травы. Летом, когда всюду царила засуха, кочевые арабы собирались у колодцев, принадлежащих племени. Пастбища и колодцы приходилось защищать: соседи зарились на них, и если проявить слабость, их могли отнять. Отсюда вечная вражда между кланами, с объединением племен в союзы и т. д.

В связи со скотом у арабов была своя классификация. Верблюжатники считались выше и важнее, чем те, кто разводил овец и коз. Они были самыми неутомимыми странниками, не боявшимися безводных пустынь. Гордость их была так велика, что они считали для себя позорным заниматься чем-то, не имеющим отношения к верблюдам. У них были верблюжьи шкуры, шерсть и мясо, а все остальное они выменивали на них: кофе, финики, пшеничное зерно, ткани, оружие, посуду, инструменты. Постоянных поселений у них не было, все нужное верблюжатники возили на своих верблюдах, в том числе шатры, которые разбивали на привалах. Расставили жерди, натянули верблюжьи шкуры — вот и готов дом.

Кочевники гордились своими верблюдами, одногорбыми дромадерами, не только выносливыми и незаменимыми во время переходов, но и быстрыми бегунами. Часто бедуины устраивали соревнования, где каждое племя выставяло на гонки своего претендента, а победитель получал общее уважение и почет. Особенно славились дромадеры Махры — махари: считалось, своей необыкновенной быстротой они были обязаны тем, что рождались от союза верблюдиц с джиннами.

Овец и коз арабы ценили намного меньше. Овцеводы больше стремились к оседлости, прибывались к деревням и городам и в конце концов превращались в простых пастухов.

Особое отношение у бедуинов было к коням. Если верблюды считались «рабочей лошадкой», то кони — чем-то вроде спортивного автомобиля. Их использовали на скачках, ездили на них на прогулки, но никогда не применяли для работы. Конь — это предмет гордости и престижа араба и в то же время — верный

друг, чуть ли не самое родное и близкое существо, с которым хозяин ощущает почти кровную связь. Кони стоили очень дорого, иногда на хорошего коня меняли 25 верблюдов. Содержать их тоже было невыгодно: они потребляли много корма и воды.

Кроме коней и верблюдов, были еще ослы, но их употребляли только на юге и только для работы: ездить на ослах у арабов считалось позором. Иногда кочевники держали у себя сторожевых собак, похожих на шакалов, и крупных кошек, а в оазисах — кур, гепардов, ручных обезьян.

Помимо скотоводства, арабы знали еще один распространенный способ зарабатывать на жизнь — набеги. Они без конца воювали за землю и воду. Им всегда не хватало пастбищ и колодцев, и они захватывали их у соседей. Это были стремительные и внезапные рейды на территорию противника, чтобы угнать его скот и забрать женщин и детей, за которых потом требовали выкуп. Во время набегов арабы проявляли свою смелость и молодчество.

Третьим любимым занятием бедуинов была охота. Каждый араб являлся прирожденным охотником и часто именно этим добывал себе пропитание в пустыне. В арабской поэзии, книжных миниатюрах, биографиях, записках путешественников полно живописных сцен с охотой на птиц, львов, зайцев или антилоп. Вот как описание охоты звучит у бедуинского поэта Имру аль-Кайса:

Сколько раз он в засаде следил
За газелью, ступавшей устало

К водопою по узкой тропе,
И стрела антилопу пронзала,

И мелькала в полете стрела —
Так летят угольки из мангала.

У стрелы были перья орла
И о камень отточено жало.

Старый ловчий без промаха бил,
Лань, сраженная им, не вставала.

Лишь охота кормила его,
Был он крепок, хоть прожил немало.

Перевод А. Ревича

Наконец, четвертым и, возможно, самым популярным занятием у арабов была торговля. Торговые пути пересекали Аравийский полуостров во всех направлениях, с севера на юг и с запада на восток. Из Йемена через Мекку и Медину шла «дорога благовоний», по которой на Запад везли ладан и мирру — ароматические смолы басвеллии и комифоры. От Мекки на восток груз благовоний доставляли в порт Герру, торговавший с Индией и Вавилоном.

Земледелием и ремеслами арабы занимались только в оазисах. Здесь жили уже не бедуины, люди бадии (пустыни), а люди хада-ра — огороженных селений. Жизнь в таких местах была намного мягче, цивилизованней и культурней. В богатых оазисах можно было встретить рабов, предметы роскоши, купцов из дальних стран — все то же, что и в других восточных странах.

Мужчина и женщина

Все хозяйство, вся жизнь племени лежали на мужчине, поэтому женщины не представляли особой ценности и не имели никаких прав. Женщина принадлежала отцу, потом мужу, после его смерти — родственникам мужа. Мужчина мог иметь сколько угодно жен и наложниц и расставаться с ними по первому желанию. Правда, иметь много жен могли только богатые люди, главы клана, а обычному бедуину приходилось довольствоваться одной — больше он не мог прокормить. Единственное, что ограничивало произвол мужчины по отношению к жене, — ее родственники, которые могли вступить за честь своего рода.

Женщины были нужны, чтобы рожать, готовить еду, ткать ткани и смотреть за маленькими детьми, а для этого женщин всегда хватало — в отличие от сильных воинов, которые составляли основу племени. В поэзии арабов конь и верблюд занимали больше места, чем любовь. Конь для бедуина был важнее любой женщины. Рождение сына считалось благом, дочери — злом; девочек-младенцев иногда убивали, закапывая живыми в землю. В шатре женщины сидели в отдельной зоне — гареме, где их никто не видел. Желая кого-нибудь оскорбить, арабы называли его не по отцу, а по матери: не сын такого-то, а сын такой-то.

В то же время женщины бедуинов не были затворницами и не закрывали своих лиц. В некоторых племенах они сохраняли самостоятельность и могли наследовать имущество. Цело-

мудрие до свадьбы и верность мужу считались обязательными качествами. Женщины могли стать и инициаторами развода: для этого надо было просто развернуть палатку в противоположную сторону. Если муж, придя к палатке, не обнаруживал входа — поскольку тот оказывался на другой стороне, — развод считался свершившимся.

Обычаи и одежда арабов

Всем хорошо известен священный на Востоке закон гостеприимства. Арабы соблюдали его неукоснительно. Всякий, прикоснувшийся к шатру, считался гостем и попадал под защиту и покровительство хозяина шатра. Гостя принимали, даже если он был злейший враг: на него не распространялся закон кровной мести. Его кормили всем, что было в доме, а если нечем было угостить, отдавали последнее.

Другой незыблемый закон кочевников — кровная месть — неизбежно следовал из родственных отношений внутри племени. К «внешним» людям клан выступал как единое целое — каждый отвечал за всех. Кровная месть в какой-то степени сдерживала бедуинов и заставляла осторожней вести себя во время грабежей. Ограбить — одно, а убить — совсем другое: это означало начать цепочку кровной вражды, которая могла тянуться целыми столетиями. Поэтому кровь проливали только в крайнем случае.

Одевались бедуины бедно и практично. Обычный наряд любого кочевника или пастуха — это длиннополая рубаха (джалабия), поверх нее просторный халат (абая) и накидка из овечьей шерсти (рида). Голову заматывали в несколько слоев пестрой тканью и скрепляли обручем, скрученным из козьей шерсти, — получалась чалма, надежно защищавшая от ветра и песка. Верхний халат обычно перетягивали поясом — хизамом, на который вешали оружие, кошелек, кремь и всякие мелочи, нужные в дороге. Каждый араб носил на боку меч — сейф или кинжал с сильно загнутым клинком — джамбию.

Женская одежда отличалась от мужской только тем, что после рождения ребенка у нее распускали воротник, чтобы мать могла кормить грудью.

В более зажиточных оазисах оседлые арабы носили тонкое нательное белье, легкие туфли без задников, плащи (дурра) и про-

сторные накидки с широкими рукавами — джуббу. Описание одежд пророка Мухаммеда в одном из мусульманских хадисов дает приблизительное представление о том, во что одевались арабы среднего достатка. Поверх нарядного кафтана (*каба*) они накидывали полосатый плащ (*бурда*), на голову надевали зеленую или черную чалму с откинутыми за спину концами, а под чалму — маленькую войлочную шапочку, называвшуюся *калансува*. Больше всего арабам нравилась простая длинная рубаха — *камис*. В числе других вещей были приняты *фарруджа* — верхняя широкая одежда с большими рукавами, *изар* — длинная накидка из оманской ткани, *джубба* с красивой вставкой из парчи и драгоценная, атласная, расшитая мехом *мустака*.

Арабские модницы. Простоту наряда бедуинки дополняли обилием недорогих украшений из металла и стекла: перстни, серьги, ожерелья, «запонки» в носу, цепочки с подвесками, браслеты на руках и на ногах. В косы вплетали длинные ленты с большими тяжелыми монетами. Брови бедуинские красавицы красили индиго, ресницы — сурьмой, а волосы и ногти — хной. В Центральной Аравии девочки до сих пор покрывают себя татуировками и раскрашивают синей краской тело и лицо — чаще всего лоб и подбородок, но также щеки, губы, грудь, ладони и подошвы ступней.

Религия арабов

До ислама главное место в бедуинской религии занимали не боги, а судьба — слепая, разрушительная сила, стойкость перед ударами которой служила мерилom мужества. «Судьба настигнет тебя, как старый слепой верблюд», — писал арабский поэт Зухайр. Ее нельзя было ни предвидеть, ни избежать, можно было только принять с достоинством. Боги находились на втором месте.

В Аравии люди сами изготавливали себе богов и повсюду возили их с собой как сосредоточие магической силы. Они высоко ценились — потерять бога означало потерять и силу.

Каждое племя почитало только своих, местных богов. Они были как бы старшими родственниками, покровителями, противостоявшими другим племенам и их богам. В древнем мире часто возникала тема, чьи боги сильнее. Иметь сильного, мо-

гущественного бога считалось благом для племени, поскольку он обеспечивал ему благосостояние и победу над врагами. Родственные отношения с богами подчеркивались тем, что боги были похожи по характеру на своих подопечных: какое племя, такие и боги, и наоборот. Божество представляло собой как бы проекцию, собирательный образ племени.

Боги делились на южных и северных. На юге боги жили на звездах, планетах, Солнце и Луне. Луна, холодная и бесстрастная, считалась мужским богом; солнце, горячее и бурное, — женским. Это были более культурные божества, заимствованные у древних цивилизаций. Почитали звезду Сугейль — путеводный знак в ночном небе. В Мекканском святилище, построенном, по преданию, самим Авраамом, хранилось триста шестьдесят племенных идолов, которым курили благовония. Здесь находился священный источник Замзам, некогда напоивший Исмаила и Агарь, и стояла знаменитая Кааба — гранитный куб, в северо-восточный угол которого был вделан черный камень, брошенный ангелом Адаму. К нему шли паломники, каждый из которых семь раз целовал камень. Говорили, что сначала камень был абсолютно белым, но потом почернел от грехов прикасавшихся к нему людей. Справа и слева от Каабы стояли два холма, на одном из которых возвышался бог Исаф, а на другом — богиня Наила. Считалось, что это мужчина и женщина, которые предались любви прямо в Каабе и за богохульство превратились в камень. В нише над священным источником стоял главный мекканский бог Хубала в виде высеченной из сердолика статуи с золотой рукой. Хубала мог предсказывать будущее, для этого существовало специальное гадание на стрелах.

На севере боги были гораздо проще. Кочевники поклонялись большим и высоким камням — бетилам, стоявшим вертикально посреди степи и видимым издалека. Они казались бедуинам окаменевшими гигантами, загадочными и могущественными существами. Например, у племени тайи был идол аль-Фалс — красный выступ черной скалы, похожий на человека.

Бетилы поменьше возили с собой, в качестве «карманных» богов. Их везли под балдахин на верблюде, в сопровождении кахин — предсказательниц с длинными распущенными волосами, которые били в барабаны и нараспев выкрикивали пророчества на особом ритмизированном языке садже (позже запрещенном Мухаммедом как «дьявольский»).

Арабам вообще очень нравились идолы. Расположившись на привал, они собирали четыре камня, выбирали из них самый красивый и делали его богом, а из трех остальных сооружали подставку для котла. Названный богом камень ставили в каком-нибудь приятном месте и обходили вокруг него, как вокруг Каабы. Такие камни называли ансаб, а обход — давар. Но все это были младшие, неглавные камни: главный камень находился в Каабе.

Арабы сознавали, что их идолы примитивны, поэтому могли и низложить их, если они чем-то им не нравились. Так, один араб разгневался на камень, от которого разбежались его верблюды, и объявил его не богом. Поэт Имру уль-Кайс однажды отправился на войну и стал гадать перед идолом Зу-л-Халасам по стрелам — какая из них выпадет: разрешающая, откладывающая и запрещающая. Когда выпала запрещающая, он в гневе сломал стрелы, ударил ими по лицу идола, воскликнув: «Да укусишь ты член своего отца!» — после чего отправился в поход и благополучно его завершил. В племени бен-ханиф однажды сделали идола из молока, масла и финикового теста, а когда настал голод, съели его.

Однако все это были как бы младшие, подчиненные боги, игравшие большую роль в жизни людей, но являвшиеся частью мироздания, а не его основой. Основным же Богом-Творцом было невидимое и непостижимое существо, стоявшее далеко от людей и слишком возвышенное, чтобы непосредственно влиять на их судьбу. Он не имел имени, и его называли просто Бог (аль-Илах, или Аллах) или определяли его по качествам: Милосердный, Всевышний, Владыка.

Кочевники сознавали себя частью племени, а не народа, поэтому местные боги для них были важнее всеобщего. Однако уже и в то время встречались люди, которые почитали единого Бога, а не племенных богов. Их называли ханифами. Ханиф — имя презрительное, значит безбожник или еретик. Ханифы верили в загробную жизнь и старались жить праведно, чтобы получить награду после смерти. Тем самым они выделяли себя из клана, как особую личность, для которой важнее всего она сама, а не жизнь племени.

Арабы были удивительно невосприимчивы к другим религиям, которые они видели вокруг себя. Их почти не затронули ни христианство, ни зороастризм, ни иудаизм. Христиан (в Аравии их называли насара, то есть назореи), живших в арабских оазисах, не преследовали и не гнали — каждый мог верить во что

угодно, — но считали чужаками. В основном это были сектанты, раскольники, бежавшие из Византии от преследований властей: несториане, монофизиты. Только в пограничных областях их влияние было довольно сильным: гассаниды приняли монофизитство, а лахмаиды сочувствовали несторианам. В Северном Йемене был целый город, Наджран, населенный одними христианами и имевший своего епископа. Семена христианской веры посеял здесь некий Фамийун, обративший местных жителей с помощью чуда: силой молитвы он вырвал из земли пальмовое дерево, которому поклонялись арабы.

Огромное впечатление на арабов произвел Симеон Столпник. Жизнь этого аскета, простоявшего на каменном столбе 38 лет, поразила бедуинов и склонила многих к христианству. При этом они продолжали вести прежний образ жизни, кочуя по пустыне и устраивая церкви у себя в палатках. После смерти Симеона арабы пытались отбить его тело у сирийских христиан, приведя для этого множество людей с верблюдами.

Но если воображение арабов увлекали монахи-отшельники и красочные христианские церемонии, то в суть догматики они не вдавались. Христиане казались им людьми склочными и беспокойными, постоянно ссорящимися друг с другом.

Гораздо сплоченней и влиятельней христиан выглядели иудеи. После разрушения Иерусалима и восстания Бар-Кохбы они рассеялись по разным землям, в том числе и по Аравии. Арабы называли иудеев «яхуди». Иудаизм был особенно силен в Йемене, где находилось Сабейское царство. Его жители без конца вели войны с христианами, порой очень жестокие. Один из йеменских правителей-иудеев Зу Нувас отправился в поход против христианского Наджрана и, не сумев его взять, пообещал жителям пощадить их жизнь и оставить им их веру, если они сдадутся. Однако слово свое он не сдержал: войдя в город, йеменцы выкопали в нем большие ямы, залили горючей жидкостью и сожгли в ней всех, кто отказался принять иудаизм.

Еще меньше влияния в Аравии имел буддизм, эхо которого иногда доносилось из далекой Индии. Царь Ашока, правитель империи Мауриев в Индии, в III веке до н.э. посылал сюда миссионеров-буддистов, но их проповедь успеха не имела.

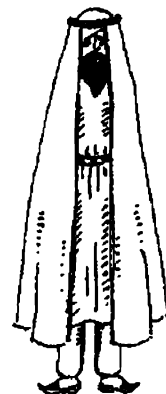
Кроме богов, арабы верили в духов и джиннов. По представлениям арабов, джинны стояли ниже богов, но выше человека. Они имели воздушное или огненное тело и обычно были не-

видимы. Ибн Халдун писал, что джинны не имеют собственной формы и изображения, но способны принимать разные обличья: животных, деревьев, кувшинов, красивых женщин. Джинны живут в камнях, в деревьях, в идолах — у каждого свое жилище. По природе они не добрые и не злые, но могут причинять добро или зло, когда захотят. Поэтому арабы на всякий случай приносили им жертвы и просили о помощи и защите.

Поэзия

Арабская поэзия — одно из самых удивительных явлений мировой культуры. В Аравии почти не было никакого искусства и никакой литературы, кроме поэзии, зато эта поэзия была замечательна и до сих пор поражает своей свежестью и красотой. Строение и ритмика арабских стихов были настолько изощренными, а среда, в которой они рождались, настолько дикой и суровой, что, по выражению одного литературоведа, этой поэзии просто не могло существовать. Тем не менее она существовала. В более позднюю мусульманскую эпоху считалось, что золотой век поэзии уже давно позади и ни один современный поэт не может сравниться с поэтами доисламской эпохи. Поэты у арабов считались почти неземными существами, способными напрямую общаться с богами, которые вдохновляли их и вдыхали гармонию в их стихи. Быть в родстве с поэтом считалось высокой честью, поэта с радостью принимали в любом доме, никто не мог причинить ему зло — это было почти святотатством.

Темы арабских стихов были почти всегда одни и те же. Поэты описывали природу пустыни, обаяние вольной жизни на коне, в скитаниях и охоте, мужество и гордость странника, привязанного только к своему верблюду или коню. Любовные переживания обычно сопровождала грусть, сознание тщетности и мимолетности красоты, в которых, однако, заключалось особое очарование. Бедуины чем-то напоминали самураев — это были одновременно воины и поэты, сочетавшие культ мужества, смелости и жестоких сражений с утонченной лирической чувствительностью и созерцательной меланхолией. Вот поэтически настроенный бедуин забирается на скалу и там, сам застыв, как камень, озирает с высоты окрестности, а вокруг бродят дикие козы, не замечая одинокого, погруженного в созерцание путника. Он сейчас блуждает в глухих пустынях, томимый какой-то смутной тревогой, полагаясь толь-

ко на свой меч и путеводные звезды. Его спутники — терпение, стойкость, смелость, непреклонность духа, не отступающего ни перед чем, никого не боящегося: ни голода, ни зноя, ни диких зверей, ни ночных духов, ни смерти. Смысл его жизни — быть смелым и свободным, все видеть, все понимать, но ни от кого не зависеть, в том числе от Бога; упиваться миром во всех его переходящих и изменчивых деталях и в то же время трезво смотреть на жизнь, видя ее трагичность и красоту.

Глава 2. И Мухаммед — пророк Его

Мекка

Мекка стоит посреди пустыни, окруженная голыми скалами. Это самое сердце Аравии — пекло здесь такое, что его с трудом переносят даже сами арабы. Здесь нет ни ладана, ни золота, ни финиковых пальм. Все процветание города издревле зиждилось на двух вещах: торговле и религии.

Через Мекку проходила дорога между Йеменом и Сирией — это был важнейший торговый путь, соединявший восток и запад, страны Средиземноморья с Индией и Китаем. Каждый год из Мекки на север и на юг отправлялось два больших каравана — один летом и один зимой. Каждый из них состоял из двух тысяч верблюдов, а его груз стоил пятьдесят тысяч золотых монет.

В Мекке ежегодно проходили знаменитые ярмарки, где проводились состязания воинов и поэтов, составлялись торговые союзы и заключались деловые сделки. Ярмарки длились по четыре месяца, во время которых во всей Аравии царил мир. В это время в город стекались паломники из многих арабских племен, чтобы поклониться стоявшим в нем богам и идолам, и главному из них — Каабе.

Посреди Мекки, как и во всяком городе, имелась рыночная площадь, а на краю ее стоял храм, имевший форму куба, поэтому ее называли Кааба — игральная кость.

Незадолго до появления ислама власть в Йемене захватила абиссинская династия, исповедующая христианство. Ее правитель по имени Абраха решил перенести религиозный центр Аравии из Мекки в свою столицу Сану. Он построил в городе большую церковь, но арабы ее осквернили, разбросав по ней на-

воз. Разъяренный Абраха собрал большую армию и отправился в Мекку, чтобы сокрушить Каабу. В его войске был привезенный из Африки боевой слон, поэтому армию Абрахи прозвали «людьми слона», а год, в который состоялся поход, — «годом слона».

Сила йеменцев была так велика, что мекканцы даже не пытались ей сопротивляться: они оставили город и удались на соседние холмы, заявив, что бог Каабы сам о себе позаботится. И произошло чудо: Абраха не смог войти в город, его армия была разгромлена, а сам он с позором отступил. По легенде, на солдат напали птицы и забросали их камнями и осколками скал. В Коране говорится, что Аллах «превратил их в мертвое поле соломинок и стеблей с разъеденным нутром» (105:1—5). Сохранилось даже подробное описание этих птиц: зеленых, с желтыми клювами, размером с ласточку; в клювах они держали по большому камню и еще по одному — в каждой из лап.

В «год слона» (570) в Мекке родился Мухаммед ибн Абдаллах, пророк Аллаха.

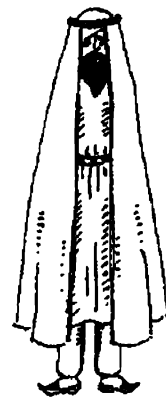
Мухаммед

По преданию, Мекку основал сын библейского патриарха Авраама — Исмаил. Он дал начало роду амаликитов, которых сменило племя джурхум. Племя джурхум со временем было вытеснено племенем хуза, а хуза — курейш, племенем пророка.

Племя курейшитов состояло из нескольких кланов, которые жили в разных кварталах города. Самым могущественным и богатым был клан омейя, а среди мелких и незначительных был клан хашим. Из хашимитов происходили отец и мать Мухаммеда — Абдаллах и Амина.

О рождении Абдаллаха есть предание: его отец Абд аль-Муталиб будто бы пообещал божеству Хубалу, что, если у него будет десять сыновей, он принесет в жертву одного из них. Десять сыновей действительно родились, и по жребию жертвой оказался Абдаллах. Тогда, чтобы уклониться от выполнения своего обещания, Абд аль-Муталиб обратился к гадалке из Йасриба, которая сказала, что вместо сына можно отдать 100 верблюдов. Для любого араба это было целое состояние, но Абд аль-Муталиб не пожалел денег и спас сына с помощью верблюдов.

Есть и другая легенда, гласящая что в ночь рождения самого Мухаммеда подземные толчки сотрясли царский дворец в пер-

сидской столице Ктесифоне и погасили священный огонь, горевший 1000 лет. Произошло это, конечно, неслучайно: следом за огнем по вине Мухаммеда вскоре угасла и сама персидская династия.

Абдаллах умер очень рано, в 25-летнем возрасте, возвращаясь с караваном в Мекку и не успев увидеть родившегося сына. Семье осталось небогатое наследство: пять верблюдов, несколько коз и одна рабыня. То ли из-за бедности, то ли по давнему обычаю Мухаммеда отправили на воспитание бедуинке, жившей в предместье Мекки. Женщина по имени Халима из племени хавазин вскормила его грудью, а потом растила в своем доме.

Уже в раннем возрасте у Мухаммеда начались загадочные припадки. Болезнь то оборачивалась лихорадкой, то повергала в столбняк, то вызывала лицевые судороги. Мусульмане верят, что именно в это время к мальчику явился архангел Гавриил, который удалил из Мухаммеда первородный грех, вырвав из его груди кровавый кусок со словами: «Эта часть от дьявола». Затем, омыв его сердце водой из священного источника Замзам, Гавриил вернул сердце на место и закрыл грудную клетку, на которой с тех пор остался глубокий шрам.

Когда Мухаммеду исполнилось шесть лет, его мать умерла, и рабыня увезла мальчика к его деду Абд аль-Мутталибу, а когда тот умер — к дяде Абу Талибу. Дядя имел многочисленное семейство — двух жен и не меньше десяти детей — и был небогат, поэтому Мухаммеду пришлось самому заботиться о своем питании. Он кормился тем, что пас чужой скот — овец и собирал за городом дикий виноград. Позже на вопрос, пас ли он овец, Мухаммед с гордостью отвечал: да, как и все пророки.

Печать. Когда племянник повзрослел, дядя стал брать его с собой в купеческие поездки. Однажды, идя с караваном в Басру, Мухаммед встретил христианского монаха Бахиру, который уже давно ждал пришествия последнего пророка, предсказанного в какой-то имевшейся у него книге. Мухаммед точно подходил под это описание, но монах на всякий случай осмотрел его спину, на которой между лопатками должен был стоять особый знак — печать пророчества. Знак был на месте. После этого сомнений уже не оставалось: Мухаммед — последний пророк, которому суждена великая судьба.

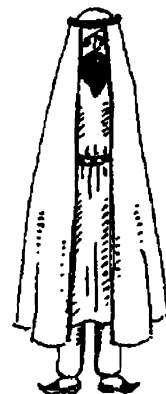
В 24 года Мухаммед начал самостоятельную жизнь. Он расстался с дядей и поступил на службу к богатой вдове Хадидже. Ей было сорок лет, она похоронила уже двух мужей, имела троих детей и сама вела свое хозяйство. Мухаммед начал с должности погонщика мулов, но вскоре выдвинулся и стал помощником и управляющим. В его обязанности входило совершать поездки с торговыми караванами, в состав которых входили и верблюды Хадиджи.

Молодой Мухаммед произвел большое впечатление на Хадиджу, и дело кончилось браком. Однако родные невесты встали на дыбы: Мухаммед был бедняк, неровня их богатой семье. В конце концов отца Хадиджи Хувейлида пришлось напоить вином, чтобы вырвать у него согласие на брак. Протрезвев, он сильно разгневался, но дело было сделано.

У Мухаммеда и Хадиджи родились двое сыновей, умершие в младенчестве. Его четыре дочери: Зейнаб, Рукайе, Умм-кулсум и Фатиме, — достигли взрослых лет и были выданы замуж. Несмотря на разницу в возрасте, к жене Мухаммед относился с любовью и уважением. Даже смерть обоих сыновей не заставила его взять вторую жену, хотя отсутствие наследников считалось для араба несчастьем и позором. Говорили, что после ее смерти он имел обычай резать барана и раздавать мясо беднякам в память о Хадидже. Говорили также, что до брака с первой женой Мухаммед хранил целомудрие: не потому, что по природе был воздержан, а потому, что во время своего пастушества совсем не видел женщин. Раза два он собирался пойти в город, чтобы познать сладость женской любви, но разные препятствия каждый раз его задерживали и не давали осуществить это намерение.

Люди, лично знавшие Мухаммеда, отмечали, что он был необыкновенно мягок и кроток в речах. В его внешности и поведении не было обычной для бедуина суровости и мужественности: наоборот, он отличался неровным характером, склонностью к меланхолии и женской чувствительностью. Он не переносил дурных запахов, а во время болезни мог жаловаться и плакать, как ребенок. Не доставало ему и деловой хватки, практичности в делах: не будь брака с Хадиджей, вряд ли ему удалось бы достигнуть заметного положения в обществе.

Что касается его внешности, то это был человек среднего роста, крепко сбитый, широкоплечий, большеголовый, с высоким ясным лбом и румяным худым лицом, обрамленным длин-

ными вьющимися волосами и густой бородой. Нос у него был продолговатый и слегка изогнутый, брови сросшиеся и черные, походка решительная и тяжелая.

К сорока годам будущий пророк стал состоятельным и уважаемым купцом. Он смог усыновить сына своего благодетеля Абу Талиба, по имени Али, и отпустить на свободу любимого раба Зейда, которого потом тоже усыновил. Так он обрел двух новых сыновей вместо умерших. В это время у него появилось много досуга, чтобы предаваться своим размышлениям, которые неотступно преследовали его уже много лет.

Долгие годы религиозные взгляды Мухаммеда ничем не отличались от взглядов его соплеменников, по крайней мере, внешне. Своего первого сына он назвал Абд-Менаф, то есть раб Менафа — одного из языческих идолов. Имя это вряд ли мог дать почитатель единого божества аль-Илаха. Но старая религия в то время уже многих не устраивала. Мухаммед волей-неволей общался с иудеями, христианами и арабами, искавшими новой веры. Его родственник Варака ибн Науфаль, недовольный первобытным и бессмысленным идолопоклонством бедуинов, обратился в христианство и начал переводить Евангелия на сирийский. Будущий пророк близко знал многих христиан. Одно время он даже странствовал вместе с ними и слушал проповеди наджранского епископа ал-Касса ибн Саида, славившегося своим красноречием.

Несмотря на это, Мухаммед имел смутные представления о христианстве. Знания о нем он черпал из апокрифов и еретических сект, часто имевших мало общего с ортодоксальной верой. В Коран вошли сказания, почерпнутые из апокрифических Евангелий, полных волшебства и чудес. Например, там есть эпизоды, повествующие о том, как Иисус оживил вылепленных из глины птиц или заговорил еще в люльке. Разнообразие мнений в разных христианских сектах наводило Мухаммеда на мысль, что в Евангелиях нет полной истины и что эти книги искажены.

Одной из идей, твердо усвоенных Мухаммедом у христиан, был Страшный суд — неотвратимая и окончательная кара, которая ждет всех грешников и идолопоклонников. На деле это означало, что и сам он, и все его соплеменники обречены на адские муки: ведь они занимались идолопоклонством. Со временем Мухаммед все больше приходил к убеждению, что поклонение идолам — это заблуждение, которое ведет к гибели. Существует только единый Бог, «у которого нет товарища».

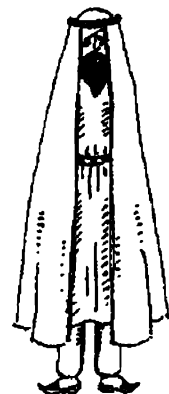
Что же делать, чтобы спастись? Христианская вера, раздробленная, противоречивая и слишком сложная, не подходившая ни обычаям, ни нравственному складу арабов, не удовлетворяла Мухаммеда. Он искал свой путь, новое откровение, которое должно было дать ответ на все его вопросы. В этой новой религии не должно было быть ни отвлеченных размышлений, ни логических выкладок: нужны были ясные и конкретные указания, что и как нужно делать. Причем эти указания должны были быть абсолютно достоверными и авторитетными, то есть исходить напрямую от Бога.

За Мухаммедом начали замечать странности. Богатый купец все чаще впадал в мрачное настроение, старался уединиться и отправлялся в долгие прогулки по соседним холмам. Среди возвышенностей возле Мекки, примерно в часе ходьбы от города, была гора Хира, а в горе — пещера, где часто проводил время Мухаммед. Местность здесь была живописна, но уныла: никакой зелени или ручьев, только скалы, камни и обрывы. Днем огромные глыбы раскалялись на солнце так, что прикосновение к ним вызывало ожог. В одном из таких мест он заснул после очередной прогулки, и ему показалось, что кто-то подошел к нему близко и сказал: читай! Мухаммед стал читать появлявшиеся перед ним слова, а когда проснулся, они ясно отпечатались у него в памяти. Так появились пять первых строчек Корана, священной книги, название которой происходит от слова «читать».

Потрясенный своим сном, Мухаммед бросился домой и рассказал обо всем Хадидже. Призванный в дом родственник Варака объявил, что Мухаммеду явился Святой Дух, тот самый, что говорил с Моисеем.

Это значило, что Мухаммед — новый пророк, посланный арабам.

Но первое откровение едва не оказалось последним. Долгое время Мухаммед больше ничего не видел и не слышал и только в тоске скитался по горам. Им овладело отчаяние, и он подумывал о том, чтобы броситься в пропасть и умереть. Наконец, пришло новое видение — некоего божественного существа, архангела Гавриила или самого Господа, спустившегося с неба на высоту в «два выстрела стрелы». Мухаммед вернулся домой, дрожа от волнения, и попросил завернуть его в теплое одеяло. В этот момент он услышал слова: «Закутанный, встань и увещевай!» (74:1). После этого Мухаммед долгое время пребывал почти

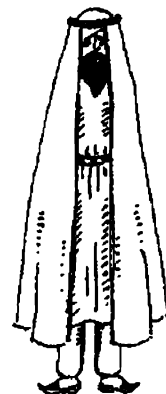
в постоянном озарении, принимая поток изливавшихся на него слов, которые составляли все новые главы Корана.

О новом пророке пошли слухи, и скоро у него появились первые последователи. Сначала обратилась его семья: жена, дочери и оба приемных сына — Али и Зейд. К кружку первых мусульман присоединились несколько дальних родственников Мухаммеда: Саид ибн Абу Ваккам, Зубайр ибн аль-Аввам, Тальха ибн Убайдулла. Большим приобретением стал давний друг Мухаммеда — купец Абу Бакр. Сам Мухаммед был человек экзальтированный и неуравновешенный, склонный к сомнениям и меланхолии, а Абу Бакр воплощал в себе спокойную твердость и надежность, соединенную с ясным разумом и добрым нравом. В будущем он проявил себя как его самый надежный помощник и союзник, ни разу не усомнившийся ни в одном слове и поступке пророка.

Утвердив веру среди родных и близких, Мухаммед собрал весь клан хашим, чтобы объявить о своей священной миссии. Но его слова были встречены с недоумением. «Будь ты проклят, так вот зачем ты нас собрал!» — с досадой воскликнул его дядя Абу Лабах. После этой встречи Аль Лабах разорвал помолвку своего сына с дочерью Мухаммеда, красавицей Рукайей, и Мухаммед выдал ее за представителя омейядов Османа, тоже ставшего его последователем. Число почитателей Мухаммеда, называвших себя мусульманами (по-арабски — *муслимуна*, то есть «вручившие себя Богу»), достигло к этому времени 43 человек, включая женщин и рабов.

Окончательно осознав себя пророком, Мухаммед решился объявить о своих откровениях всем мекканцам, но встретил только насмешки и ругань. Когда он шел по улице, мальчишки швыряли в него грязью и кричали: «Смотрите, вот идет сын Абдаллаха, он несет нам вести с неба!» Во время его проповедей зрители поднимали шум, начинали громко петь или читать стихи, чтобы заглушить его слова. Его называли помешанным и больным, предлагали лечить лекарствами и пытались вразумить. Скептики спрашивали, чем он может подтвердить свои слова, и требовали чуда: пусть он воскресит своих родителей. Глава омейядов Абу Суфьян относился к нему с вежливым презрением, другие авторитетные мекканцы не скрывали откровенной вражды. Валид ибн Мугира, шейх клана махзум, собрал в своем доме авторитетных и знающих людей, которые должны были поймать Мухаммеда на противоречиях и доказать, что он лжец и самозванец.

Мухаммеда все это не смущало: он не сомневался в своем призвании. На пятый год проповеди произошло обращение еще одного крупного сподвижника Мухаммеда — Омара. Сын негритянки, богатырь огромного роста, Омар был на голову выше всех остальных. Его называли «двуруким», потому что левой рукой он владел так же хорошо, как правой. По преданию, как-то вечером Омар отправился в кабак, чтобы выпить и развлечься, но дверь оказалась заперта. Слоняясь без дела возле Каабы, он услышал, как Мухаммед читает 69-ю суру из Корана. «Как хорошо написано, наверно, это поэт», — подумал великан и услышал: «Это речь не поэта; в вас мало веры». — «Должно быть, он колдун, раз знает мои мысли», — решил Омар. Мухаммед продолжал: «Это речь не колдуна». Услышав эти слова, Омар уверовал.

Омар стал третьим выдающимся приверженцем ислама, после самого Мухаммеда и Абу Бакра. Если первый был вдохновителем и источником новой веры, второй — ее разумом и здравым смыслом, то третий — силой и энергией. Мухаммед изрекал откровения, Абу Бакр говорил речи и вел переговоры, а Омар действовал.

Десять лет Мухаммед твердо и мужественно проповедовал свою веру в Мекке, несмотря на притеснения и гонения, доходившие до угрозы смерти. Мужья изгоняли дочерей Мухаммеда из своих домов. Новообращенных мусульман морили голодом, заключали в тюрьму, избивали и выставляли днем на солнечное пекло. Несколько рабов были убиты, других удалось выкупить Абу Бакру. Сам Мухаммед сделать этого уже не мог: после начала откровений он забросил свои дела, и его состояние расстроилось. Преследования привели к тому, что большая часть верующих, около сотни человек, бежали из города и, переплыв через Красное море, поселились в Абиссинии.

В это трудное время даже сам Мухаммед на минуту пошатнулся в вере: он согласился признать трех языческих богинь аль-Лат, Оззу и Манат, если мекканцы признают Аллаха. Сделка состоялась, но в тот же день к пророку явился архангел Гавриил и укорил его за отступничество. Мухаммед поспешил отказаться от своих слов, заявив, что его соблазнил дьявол.

Йасриб

Проходили годы. Убежденный в своей правоте, Мухаммед неустанно продолжал искать сторонников везде, где мог: не добив-

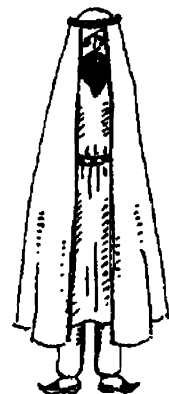
шись успеха с мекканцами, он взялся за паломников, в изобилии посещавших город. Но и здесь его усилия долго ни к чему не приводили: бедуины, приезжавшие почитать своих идолов, не спешили верить проповеди новой веры, да еще из уст человека, имевшего дурную репутацию в Мекке. Все шло к тому, что Мухаммед останется «семейным» пророком, а его немногочисленные приверженцы — одной из множества второстепенных сект, которые могут прозябать в течение нескольких столетий, прежде чем исчезнуть в небытии.

И вдруг ему улыбнулась удача. В потоке паломников Мухаммед встретил горстку людей из племени хазрадж, живших в Йасрибе, большом оазисе к северу от Мекки. Пророк завел с ними разговор и рассказал об Аллахе и своих пророчествах. Хазраджи часто слышали от иудеев о грядущем мессии и решили, что перед ними тот самый пророк, которого ждут их еврейские соседи. Они приняли ислам и пообещали рассказать о нем своим соотечественникам. На следующий год в Мекку прибыло уже двенадцать мусульман из Йасриба. Мухаммед отправил вместе с ними своего сподвижника Мусаба ибн Умейру, способного проповедника, который должен был увеличить число обращенных в Йасрибе. Мусульманская община в городе стала быстро расти.

Мухаммед подтвердил знаменитые слова Христа: нет пророка в своем отечестве. Мекканцы, хорошо и близко знавшие Мухаммеда как человека из своей среды, не приняли его пророчеств, как и жители Назарета не поверили в божественность Иисуса. Слишком уж земными, обыденными выглядели эти пророки в их глазах. Другое дело чужаки йасрибцы: они слышали о Мухаммеде как о необычном проповеднике, человеке исключительном, особенном, с какими-то чудесными видениями, таинственным и уже имеющем много приверженцев. Ситуация, сложившаяся в их городе, еще больше склоняла их к принятию новой веры. Когда-то Йасриб был целиком еврейским, но бедуинские племена хазрадж и аус потеснили иудеев и начали воевать между собой. Это была одна из тех кровавых безнадежных междоусобиц, которые легче начать, чем закончить. Измученные бесконечными столкновениями и кровавыми стычками, йасрибцы надеялись, что мекканец Мухаммед, этот долгожданный пророк, сможет их примирить и восстановить мир и процветание.

Переезд

Мухаммед продолжал жить в Мекке, но почти не выходил из дома и мало с кем общался: все его мысли были в Йасрибе. Пророк задумал неслыханное: оставить свой родной город, разорвать все племенные связи и переехать вместе со своими приверженцами в Йасриб, где его почитали. Для этого он должен был официально объявить о своем желании выйти из собственного рода хашим и перейти под покровительство другого.

Мирадж. По мусульманскому преданию, в эту зиму произошло его знаменитое путешествие в Иерусалим — мирадж, продолжавшееся не дольше секунды. Глубокой ночью, когда Мухаммед крепко спал, его разбудил архангел Гавриил и посадил на чудесное животное по кличке Сполох (аль-Бурак) — крылатого коня с человеческим лицом. Аль-Бурак мгновенно перенес его в иерусалимский храм, где пророка встретили Авраам, Моисей и Христос. После того как они вместе помолились в храме, Мухаммеду предложили выбрать из трех сосудов, наполненных вином, водой и молоком. Пророк предпочел молоко — более питательное и не затемняющее разум. Затем перед ним открылась лестница, и Мухаммед поднялся на небо к ангелам. Один из них, по имени Малик, показал ему адское пламя и души грешников, которых Адам отправлял в геенну криком «тьфу!». От этого зрелища пророк пришел в ужас и попросил поскорей закрыть от него преисподнюю. Потом он последовательно прошел все небеса, встретив Иоанна Крестителя, Иосифа Прекрасного, патриарха Еноха и других персонажей Библии, и, наконец, попал к самому Аллаху, который предписал ему читать каждый день по 50 молитв. Мухаммед, ссылаясь на немощь людей, упросил снизить эту цифру сначала до 10, а потом и до 5. Затем он в один миг вернулся в Мекку и застал свою постель еще теплой, а опрокинутую чашку — не успевшей пролиться.

Рассказ Мухаммеда был так чудесен, что даже многим правоверным показался слишком сомнительным. Только Абу Бакр твердо заявил, что если Мухаммед так сказал, значит, так и есть. За это пророк прозвал его Ас-Сиддиком — «свидетелем правды».

На следующий год в Мекку прибыла новая делегация паломников из Йасриба, и в глубокой тайне были проведены переговоры. Разрыв с семьей и родом означал, что Мухаммед и уезжавшие с ним теряли насиженные места, связи, имущество и средства к существованию: без договора с йасрибцами они превратились бы в чужом городе в кучку бесправных изгоев. От имени рода хашим выступил один из дядей Мухаммеда аль-Аббаса, человек дальновидный и практичный, считавший, что оказанная новой секте услуга может принести пользу в будущем. Как законный представитель рода, он передал Мухаммеда и его людей под покровительство жителей Йасриба, которые поклялись защищать их так же, как «защищали бы своих жен и детей».

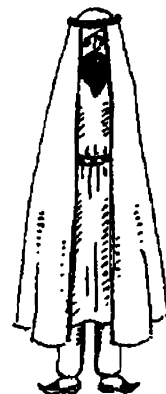
В Мекке быстро узнали об этом совещании, но сделать ничего не могли: по закону каждый мекканец мог отправляться куда хотел, и никто не имел права ему препятствовать. За несколько дней мекканские мусульмане покинули город вместе со своими семьями, взяв только то, что смогли унести с собой. Последними уходили Мухаммед и Абу Бакр. По легенде, курейшиты не хотели отпускать Мухаммеда и даже договорились его убить. Узнав об этом, он ночью тайно сбежал через окно из дома, оставив вместо себя племянника Али, который, завернувшись в его зеленый плащ, изображал для врагов пророка. За городом Мухаммеда уже поджидал Абу Бакр с двумя быстрыми верблюдами; покинув город, они укрылись в горах и три дня жили в пещере, ожидая, когда затихнет погоня. Чтобы скрыть беглецов, вход в пещеру заткал паук, голубь свил перед ней гнездо и т. д. Через восемь дней Мухаммед и Абу Бакр, сделав большой крюк по берегу моря, въехали в предместья Йасриба.

Местные жители сбежались посмотреть на знаменитого пророка. Его верблюд сам остановился перед домом Абу Аюба аль-Ансари из клана хазраджитов. Хозяин выделил ему несколько комнат и поручил своей жене готовить для пророка. Мухаммед поселился у них скромным постояльцем, который сам прибирался у себя в комнате и нахваливал стряпню хозяйки.

Жены Мухаммеда

Свой первый год в Йасрибе Мухаммед прожил в этом доме вместе с присоединившимися к нему женами и дочерьми. Пророк глубоко почитал свою первую жену Хадиджу, но это не поме-

шало ему через два месяца после ее смерти жениться на Саиде, некрасивой и немолодой вдове одного из своих соратников. Еще через несколько месяцев он обручился с Аишей, шестилетней дочерью Абу Бакра. Через три года она переехала к нему в дом и стала его женой. В то время Муххамед был так беден, что даже не смог сделать ей свадебный подарок. На деньги Абу Бакра он построил для Саиды и Аиши два новых дома, а позже, когда жен стало больше, для каждой из них строил новый дом, пока их число не достигло девяти. Обстановка в этих домах была скромной: стены из необожженного кирпича, крыша из пальмовых ветвей, на полу циновка и матрац, набитый пальмовыми волокнами.

Ранний брак. Вокруг малолетства Аиши и ее раннего замужества в свое время было сломано немало копий. Европейцы и сейчас нередко упрекают Мухаммеда в педофилии. Стоит отметить, что по арабским законам девочка могла вступать в брак в возрасте одиннадцати лет. Но некоторые исламские богословы и историки пишут, что и в браке с девятилетней не было ничего необычного, поскольку в таких южных странах, как Аравия, месячные у девочек начинаются в 8 лет, а в 9 или 10 они становятся невестами. Кроме того, в мусульманской литературе нет единого мнения о том, в каком возрасте Аиша вступила в брак с Мухаммедом: по разным источникам выходит 12, 17 и 27 лет. Правда, эти цифры нигде не указаны прямо, а получаются в результате косвенных вычислений.

Аиша стала любимой женой Мухаммеда. Он ценил ее выше всех, давал ей ласковые прозвища — Хумайра («Румянькая»), Шукайра («Беленькая»), аль-Муаффака («Счастливица»), — и одаривал подарками. С каждой из жен пророк проводил одну ночь, но только в ту, когда он приходил к Аише, его посещали божественные видения. Он позволял ей много вольностей — например, давал подсматривать за играющими в мечети суданцами, прикрыв ее полой халата, — и молился в то время, когда она лежала рядом с ним в постели. Словно дети, они бегали наперегонки и мылись из одного сосуда. Аиша гордилась тем, что была единственной девственницей среди жен пророка. Она часто спрашивала его, насколько крепка его любовь к ней, и Мухаммед всякий раз отвечал — «как канатный узел». Даже умер он, положив голову на ее колени, а после смерти был похоронен в ее доме.

Об остальных женах пророка известно гораздо меньше. Четвертой женой Мухаммеда, следующей после Аиши, стала восемнадцатилетняя Хафса, молодая вдова бин Умара, погибшего в битве с мекканцами при Бадре. Биографы пишут, что она отличалась «непокорным характером» и по натуре была раздражительна. В одном предании рассказывается, что однажды она застала пророка со своей служанкой и дело едва не кончилось разводом. Но тут возмутился отец Хафсы: чем провинилась его дочь, что пророк с ней разводится? Тогда архангел Джабраил объявил, что Мухаммед не должен разводиться с Хафсой, поскольку она благочестива, и дело было закрыто.

Пятая жена по имени Зайнаб бинт Хузайма умерла всего через три месяца после замужества, поэтому о ней мало что можно сказать. Шестой женой была еще одна вдова, Умм Салама, тоже пожилая женщина, имевшая несколько детей, а седьмой — Зайнаб бинт Джахш, бывшая жена его приемного сына Зайда, который с ней развелся. Причиной развода обычно называют высокомерие Зайнаб, гордившейся своим древним родом и не считавшей Зайда — бывшего раба — себе ровней. Женитьба на разведенной жене собственного пасынка была настолько необычным делом, что для оправдания ее понадобился специальный аят в Коране: «Мы женили тебя на ней, чтобы верующие не испытывали никакого стеснения в отношении жен своих приемных сыновей после того, как те удовлетворят с ними свое желание» (33:37). После этого Зайнаб стала гордиться тем, что стала женой пророка не по воле людей, а по велению самого Аллаха, — чем сильно раздражала ревновавшую к ней Аишу.

Среди жен и наложниц Мухаммеда было несколько иноплеменниц и иноверок. Пророк брал жен из пленниц и рабынь, как правило, дочерей вождей захваченных племен или красивых вдов, чьи мужья были убиты мусульманами. Христианку Марию он получил в подарок от египетского правителя, и она родила ему единственного сына, Ибрагима. К этой красивой египтянке Аиша ревновала больше всего. Мухаммед с гордостью показывал ей на малыша: смотри, как похож на меня! — на что Аиша мрачно бурчала: совсем не похож. Этот ребенок умер, не прожив и полутора лет.

О точном количестве жен Мухаммеда историки спорят до сих пор. Не все его сватовства были удачными. В Мекке Мухаммед хотел жениться на дочери убитого мекканца. Когда он вошел

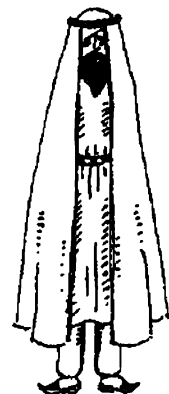
к ней в дом, она воскликнула: «Прибегаю к помощи Аллаха!» — и Мухаммед, устыдившись, отступился от невесты. Была у него и неудачная попытка развода с Саудой, которой уже исполнилось 60. Усевшись на улице с вещами, она начала так громко возмущаться, что пророку пришлось принять ее обратно, при условии, что свой день она уступит Аише.

Год хиджры

День переселения (по-арабски — хиджры) в Йасриб стал начальной точкой нового мусульманского летоисчисления. До этого у арабов не было единого календаря, и счет они вели по-разному: то от «года слона», то от смерти легендарного основателя арабской нации Кусая. Но когда арабская держава разрослась, такие разночтения стали неудобны: читая отчеты из дальних областей, халиф часто не мог понять, к какой дате отнести описанные в них события. После долгих раздумий и обсуждений было решено взять за точку отсчета переезд в Йасриб — 24 сентября 622 года. К этому времени название города поменялось на Медину, точнее, на Мадинат ан-Наби — «город пророка».

В Медине Мухаммед очень скоро стал непререкаемым авторитетом. Если раньше он был только лидером религиозной группы, то теперь превратился в лидера политического. Произошло это не сразу. В городе жило два арабских племени — хазрадж и аус и три еврейских — кайнука, надир и курайза. Мухаммеду пришлось с ними договариваться, чтобы определить свой официальный статус и права. Все стороны, включая иудеев, согласились не воевать друг с другом, вместе выступать против внешнего врага и подчиняться авторитету Мухаммеда при решении общих дел. Пророк стал чем-то вроде мединского верховного судьи, к которому обращались для рассмотрения личных тяжб и межплеменных раздоров.

В договоре с мединцами мусульмане выступили как новый клан, в который при желании могли переходить представители других кланов. Семейно-родственные отношения здесь уже не имели значения — важней была близость к пророку и заслуги перед исламом. Первая община делилась не на хазраджей, аусов и курайшитов, вечно враждовавших друг с другом, а на ансаров, то есть местных мусульман, и мухаджиров (совершивших хиджру), приехавших с Мухаммедом из Мекки. Мединские

и мекканские мусульмане к тому же побратались — религиозное единство было скреплено кровными связями.

Внутри мусульманской общины — по-арабски уммы — Мухаммед обладал безраздельной властью. Он единолично устанавливал все законы, как религиозные, так и светские, определял имущественные отношения между членами общины, предписывал новые правила исполнения обрядов, количество молитв, нормы поведения в личной и семейной жизни. Во всем этом было много привычного, старого, основанного на давних племенных традициях и обиходе бедуинов. В умме сохранялись кровная месть, правило виры (выкупа) за убитого и подобные им обычаи.

В Медине ислам стал не только идеологией, но и повседневной практикой. Раньше у арабов не было храмов, кроме Каабы. Теперь Мухаммед построил для мусульман *масджид* («место поклонения») — первую мусульманскую мечеть, где могли собираться правоверные. Это было большое квадратное сооружение из камня и кирпича, с пальмовыми стволами вместо колонн и крышей из пальмовых листьев. По повелению Аллаха мусульмане молились в сторону Иерусалима пять раз в день: на восходе, в полдень, после полудня, на закате и перед сном. Правоверным предписывались обязательные омовения перед каждой молитвой или в других случаях, требовавших ритуальной чистоты.

Неимущие, ожидавшие помощи от Мухаммеда, жили прямо вокруг его дома: их называли *суффа* — «люди веранды». Чтобы содержать бедных, все правоверные должны были давать милостыню, позже превратившуюся в обязательный налог.

В новых установлениях Мухаммед намеренно подчеркивал отличие ислама от других религий. Например, посещение мечети было обязательным по пятницам — в этот день в полдень в храме собиралась вся община, — а не по субботам, как у иудеев, и не по воскресеньям, как у христиан. Был установлен 40-дневный пост, как у христиан, но не перед Пасхой, а в месяц рамадан. Вместо христианских колоколов и иудейских труб на молитву созывали голосом. Один из подвижников пророка, Билал, обладал очень зычным голосом — он забирался на крышу дома Мухаммеда и звал всех мусульман в мечеть, возглашая: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его». Этот призыв стали называть *азаном*, а провозглашающего — *муэдзином*. Вместо «доброе утро» мусульмане говорили — мир с тобой (салам алейкум), при каждом упоминании об Аллахе прибавляли «святой» или «вы-

сочайший», а если речь заходила о каком-то будущем действии, обязательно добавлялось «иншалла» — если будет угодно Аллаху.

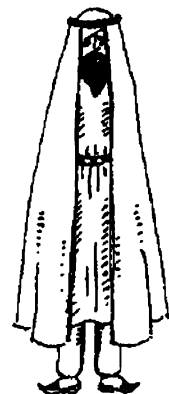
Мусульман в Медине становилось все больше, и вскоре местные жители совсем перестали поклоняться идолам. Недовольные и несогласные с исламом постепенно теряли влияние и авторитет, выдавливались из общества и уходили из города. Так ушел Абу Амир, местный религиозный лидер, ханиф, возглавлявший в Медине общину почитателей единого Бога. Он стал заклятым врагом Мухаммеда и сражался с ним до последнего вздоха. Многие принимали ислам только формально, по примеру большинства. Таких Мухаммед называл «лицемерами»: они поддерживали пророка внешне, но втайне были недовольны властью чужака и про себя вспоминали арабскую поговорку: «Откормишь собаку, она тебя и съест».

С иудеями отношения сложились неудачно. Поскольку Мухаммед утверждал, что продолжает традицию Авраама и Моисея, они стали задавать ему вопросы, проверяя его знания Торы, и обнаружили, что эти знания неудовлетворительны. Евреи смеялись над невежеством Мухаммеда в учении Торы, а он называл их «ослами, нагруженными священными книгами», то есть людьми, которые сами не понимают, что проповедуют. Мухаммед заявлял, что его учение подлинное и первоначальное, а иудеи отпали от Бога и исказили истину. Бог заключил союз с Авраамом именно в Мекке, говорил он, и распорядился построить здесь дом — Кабу, чтобы ее почитали все его потомки. Сын Авраама Исмаил — родоначальник арабов. Значит, религия Авраама древнее и истинней религии иудеев и христиан. Религия Авраама и есть ислам.

Дело кончилось тем, что мединские иудеи отвергли пророка и превратились из его союзников во врагов. Тогда Мухаммед распорядился молиться не в сторону Иерусалима, а в сторону Мекки. Главной святыней стала считаться мекканская Кааба. Обязательным стал хадж — паломничество в Мекку. Отсюда следовал вывод, что и сама Мекка должна стать мусульманской.

Война с Меккой

Недостаток средств после переселения Мухаммед решил пополнять чисто бедуинским способом — грабежом караванов. Его целью было перерезать все пути торговли для Мекки. В это время в армии пророка была всего два коня и семьдесят верблюдов, на

которых его солдатам приходилось передвигаться по очереди. Несмотря на это, они совершили несколько удачных налетов и разграбили огромный караван с грузом, стоившим 50 тысяч динаров.

Разгневанные мекканцы выслали против мединцев карательный отряд и, к своему удивлению, были разбиты. Успех мусульман в сражении, происшедшем в долине Бадр, был таким поразительным, что обе стороны пришли к убеждению, что на стороне Мухаммеда воевали ангелы. очевидцы описывали небесное воинство на пегих конях, облаченное в желтые чалмы. Будто бы ангелов были три полка по тысяче в каждом, а руководили ими Гавриил, Михаил и Сарафил. Говорили также, что в решающий момент сам пророк швырнул во врагов горсть песка, и это определило ход сражения.

Вернувшись в Медину победителем, Мухаммед нанес удар по иудеям, не признававшим его авторитет. Еврейский клан кайнука был заподозрен в измене или, по крайней мере, во враждебности к исламу. После нескольких уличных столкновений иудеи заперлись в своем квартале и две недели выдерживали осаду мусульман. Два других кланы иудеев, надир и курайза, их не поддержали. В конце концов голод заставил осужденных сдаться. Все племя было изгнано из города, а его имущество конфисковано: изгнанники взяли только то, что могли унести с собой. Мухаммед получил из этой добычи пятую часть.

Войдя в силу, Мухаммед позаботился о том, чтобы расправиться с инакомыслящими. Он не отдавал прямых приказов, а лишь жаловался вслух на тех, кто ему досаждал. Женщина по имени Асма бинт Марван написала на него сатиру, призывая мединцев покончить с властью чужеземца. «Кто же освободит меня от этой несносной женщины?» — с досадой спросил Мухаммед. Некий Умейр в ту же ночь проник в дом к Асме, нашел ее спящей среди своих детей и пронзил мечом. «Ты оказал услугу и Аллаху, и Его пророку!» — воскликнул Мухаммед, узнав об этом. В другой раз так же ночью в своем доме убили Абу Афака, посмеявшегося высмеять пророка в своих стихах.

С евреем Каб ибн Ашрафом, еще одним противником Мухаммеда, вышло сложнее: он держался настороже и не давал возможности напасть на себя врасплох. Тогда его молочный брат Абу Наила, ревностный мусульманин, уговорил Каб ибн Ашрафа прогуляться ночью. Каб ибн Ашраф, решив, что родственника ему опасаться нечего, согласился. Когда они оказались в уеди-

ненном месте, Абу Наила обнял его по-братски и начал трепать его волосы, как бы играя, но потом вдруг крепко схватил за кудри и, бросив на землю, держал до тех пор, пока подоспевшие из укрытия мусульмане не убили его. Утром они принесли Мухаммеду голову убитого, и тот восславил Аллаха. Иудеям, пришедшим к нему с жалобой на убийство, пророк объяснил, что так будет с каждым, кто посмеет обидеть мусульманина. Евреи притихли и больше не смели выступить против Мухаммеда.

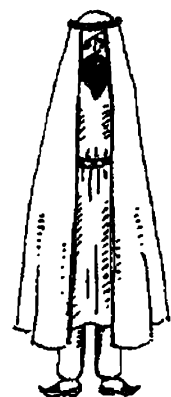
Ухуд и битва у рва

Мекканцы не сразу решились отомстить за позорное поражение при Бадре. Только спустя несколько месяцев они собрали огромную армию в 3000 человек и двинулись на Медину.

Битва произошла к северу от города у горы Ухуд. Мусульман было втрое меньше, но они дрались храбро и едва не одержали победу: все уже бросились грабить вражеский лагерь, когда с тыла ударила конница курейшитов во главе с Халидом аль-Валидом и рассеяла нападавших. Мухаммед получил сильный удар по голове, так что края его железного шлема врезались ему в лоб; соратники едва утащили его с поля боя, отбиваясь от нападавшего со всех сторон противника. Битва была проиграна. Мекканцы сочли себя отомщенными и ушли, не добив поверженного врага.

Однако Мухаммед, как искусный политик, сумел обратить неудачу в свою пользу. Ссылаясь на новые откровения, он объяснил, что все произошло по воле Аллаха и виноваты те, кто не проявил достаточно веры и рвения в борьбе. Обвинив в вероломстве второе племя иудеев, надир, якобы покушавшихся на его жизнь, он заставил и их уйти из города. Мусульманам досталось оружие иудеев и все их имущество, которое те не смогли унести с собой.

Следующее столкновение мекканцев с мединцами произошло через два года. Мекканцы и их союзники снова двинулись на Медину, собрав почти десять тысяч человек. Мусульман опять было втрое меньше, поэтому они перешли в оборону и применили хитрость, позаимствованную у персидской армии. Город с трех сторон окружили шестикиллометровым рвом, через который не могла перебраться мекканская конница. Все попытки прорвать эту оборону: внезапные атаки Халида аль-Валида, ночные вылазки, — ни к чему не привели. Один раз курейшитам даже удалось прорвать оборону и перейти через ров, но вместо того,

чтобы закрепить успех, глава отряда предпочел бросить личный вызов зятю Мухаммеда, Али. В завязавшейся схватке мекканец проиграл, и весь отряд вернулся обратно.

Через две недели осады мекканцы ушли, потеряв троих человек и убив шестерых мединцев.

Расплачиваться за все пришлось последнему иудейскому племени курайза, которое обвинили в пособничестве мекканцам. Теперь уже некому было оказать им помощь, и Мухаммед не церемонился с бывшими союзниками. Все мужчины курайза были казнены, а их жены и дети проданы в рабство. Головы рубили с утра до вечера, погибло несколько сотен человек. Убивали даже мальчиков двенадцати-тринадцати лет: мужчинами считались те, у кого уже появились волосы на лобке. Аиша потом вспоминала, как казнили одну женщину, чем-то оскорбившую пророка: «Она громко смеялась, в то время как посланник Аллаха убивал ее людей. Один из людей схватил ее и обезглавил. Я не забуду, как громко она смеялась, даже зная, что ее собираются убить».

Племя курайза перестало существовать, а в Медине у Мухаммеда больше не осталось ни религиозных, ни политических противников.

Из тех, кто оказался в эмиграции, многие тоже не избегли роковой участи. Рука пророка протягивалась далеко. Он послал пятерых человек в отдаленный северный оазис, где жил Абу Рафи, иудей из племени надир, которому исполнилось уже сто лет. Мухаммед считал его своим давним врагом. Один из посланных проник ночью в дом Абу Рафи. Убийца вспоминал: «Я приложил кончик меча к его животу и надавил так, что меч вышел у него из спины».

Паломничество

Все это время, словно ведомый тайной силой, Мухаммед неизменно действовал правильно и впопад. Любые, самые неожиданные и необдуманные поступки оказывались кстати и приводили к благоприятным результатам.

Так же удачно Мухаммед задумал совершить паломничество в Мекку, прямо в стан своего врага. Удивленным сподвижникам он объявил, что ночью во сне совершил паломничество в Мекку и ему были даны ключи от Каабы. Этого было достаточно, чтобы развеять у мединцев все сомнения. В путь отправился караван

из 1000 человек и 70 верблюдов, которым завязали морды, чтобы и они «постились» во время хаджа. Сам Мухаммед облачился в одежду паломника — белую накидку и белую набедренную повязку.

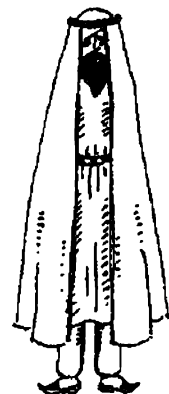
Пораженные такой дерзостью мекканцы встретили мусульман у границ города и поклялись, что не пустят их в Мекку. Дело едва не кончилось стычкой. У курейшитов появился шанс одним ударом покончить с Мухаммедом и исламом. Мусульмане находились в чистом поле, вооруженные только «оружием путника», то есть мечами без ножен, без щитов и кольчуг. Сознывая опасность, Мухаммед лично взял с каждого бойца клятву верности. Но мекканцы проявили слабость, выбрав путь переговоров. Было решено впустить Мухаммеда и его спутников в Мекку в следующем году на три дня. Курейшитам на это время следовало удалиться из города.

Заклучив мир с мекканцами, Мухаммед воспользовался этой передышкой, чтобы добить иудеев, собравшихся возле Медины в оазисе Хайбар. Каждый дом здесь представлял собой отдельную крепость, но это не спасло иудеев от поражения. Мусульмане захватили богатую добычу, однако Мухаммед заметил, что в ней не хватало серебряной посуды, принадлежавшей одному из вождей клана надир — Кинане бен Абу-л-Хукайку. Кинана клялся, что потратил все средства на оборону, но его выдал слабоумный племянник, простодушно рассказавший, где спрятаны сокровища. Кинану и его брата казнили, а овдовевшую жену Кинаны Сафийю Мухаммед сделал своей восьмой женой. Остальных иудеев пророк оставил в оазисе, но обложил данью, обязав их отдавать мусульманам половину урожая.

В том же Хайбаре произошло покушение на жизнь пророка. Одна из местных женщин попыталась отравить Мухаммеда, подложив ему отравленную баранину, но пророк почувствовал привкус и выплюнул мясо. Отравительницу казнили. Потом Мухаммеду всю жизнь казалось, что этот яд бродит у него в теле, и даже свою предсмертную болезнь он приписал его действию.

Земли Хайбара Мухаммед разделил на две части: половину отдал воинам, а другую — своим женам и родственникам. Больше всех получили Фатима и Аиша. Доход с этих земель состоял в основном из фиников, которые продавали на рынке.

После Хайбара были захвачены или сдались и другие оазисы в окрестностях Медины.

Захват Мекки

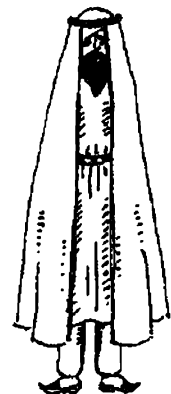
В следующем году Мухаммед совершил предусмотренный договором малый хадж (умру) в Мекку. После всех успехов мусульман чаша весов даже в самой Мекке стала клониться в его сторону. Лучший полководец мекканцев Халид аль-Валид перешел в ислам. Его убедили не пророчества Мухаммеда, о которых он знал и раньше, а его военные победы и неизменная удача во всех делах.

Мухаммед почувствовал себя достаточно сильным, чтобы расправиться со своим главным врагом. В 630 году он собрал огромную армию, включавшую всех его союзников, поставил во главе ее Халида аль-Валида и подошел к Мекке. Мекканцы даже не думали о сопротивлении, они пытались только договориться о почетной сдаче. Лидер мекканцев Абу Суфьян принял ислам в обмен на гарантию безопасности и сохранения имущества. Утром мусульмане вошли в пустой город — все население попряталось в домах. Мухаммед пообещал не трогать тех, кто не будет сражаться, и мусульмане выполнили его приказ. Не было никаких убийств и грабежей — дисциплина, немыслимая прежде у арабов. Мухаммед семь раз объехал вокруг Каабы на верблюдице и семь раз коснулся жезлом Черного камня. Войдя в святилище, он стал тыкать своим луком в лица и глаза идолов, говоря: пришла истина, ложь исчезла, — и приказал разбить все статуи и уничтожить все росписи на стенах. Он оставил только одну христианскую икону, изображавшую Богоматерь и младенца.

После захвата Мекки Мухаммед дал аравийским племенам четыре месяца на размышление, после чего объявил войну всем, кто не принял ислам: «Сражайтесь с многобожниками всюду, где их встретите, берите их в плен, устраивайте им засады». Ислам начал свое триумфальное шествие по Аравии. Города и оазисы, прежде упорно сопротивлявшиеся мусульманам, теперь сами присылали в Медину послов с извещением о принятии ислама. Несметные богатства и военные победы пророка были убедительней всяких слов, тем более что Мухаммед щедро раздавал дары своим бывшим противникам. Вождю враждебных племен Малику ибн Ауфу он предложил вернуть его семью, а также все захваченное у него имущество и дать сто верблюдов в подарок, если тот примет ислам. Злейшим своим врагам курейшитам он

дал больше земель и богатств, чем верным ансарам. Как было устоять перед такой щедростью? В то же время он без сожалений казнил тех, кто пытался усомниться в истинности его миссии и высмеивал его пророчества.

Классическая политика кнута и пряника действовала на арабов безотказно. Девятый год хиджры прозвали «годом делегаций» из-за непрерывного потока племен, желающих принять ислам. Каждое племя старалось при этом выторговать себе максимальное количество выгод, вроде сокращения налогов и освобождения от военной службы. Сакифиты из оазиса Таиф особо настаивали на праве пить вино, что было запрещено Кораном.

Смерть пророка

Несмотря на свои 62 года, Мухаммед был все еще здоров и крепок телом. Во время последнего хаджа он, побрившись наголо, лично забил в жертву 36 верблюдов. Посланник Аллаха был неутомим в походах, спал в палатках и отдыхал стоя, прислонясь к скале.

Но накануне очередного похода Мухаммед внезапно заболел. У него начались головные боли, лихорадка, отек ног. Временами он впадал в беспамятство, но не позволял себя лечить, желая страданиями очиститься от грехов. Под конец он перестал соблюдать очередность жен и поселился у Аиши, куда его пришлось нести на руках. Аиша присутствовала и при его смерти. «Я посадила его так, чтобы он опирался на меня, и положила на него руку. Голова его повернулась, и моя рука упала с нее, изо рта его мне на грудь упала холодная капля, и он повалился на постель». Вошедшим соратникам она сказала, что ее муж в обмороке. «Это самый глубокий обморок, который был у посланника Аллаха», — заметил один из них, взглянув на его лицо. Выйдя на улицу, он объявил о смерти пророка.

Многие не поверили этому известию. Пошли слухи, что Аллах только на время взял Мухаммеда к себе на небо и скоро он вернется обратно, как Моисей вернулся с горы Синай. Тогда Абу Бакр сказал: «Кто поклонялся Мухаммеду — знайте, что он умер; а кто Аллаху — что тот не умер и никогда не умрет».

Похоронили его на том же месте, где он скончался, — прямо в доме Аиши.

Почитание Мухаммеда

После своей смерти Мухаммед стал образцом для всех мусульман, старавшихся подражать его жизни. Соратники и близкие бережно хранили самые мелкие подробности его быта: какой у него был плащ, что он ел, как умывался, чем расчесывал бороду. Со временем эти мелочи тоже превратились в обязательные предписания и правила ислама.

Арабам было за что любить Мухаммеда. Дипломат, политик, полководец, законодатель, религиозный реформатор — он полностью изменил их жизнь, превратив в одну из величайших наций мира. Арабы не только осознали себя единым народом, верящим в единого Бога, но и народом исключительным, мессией, призванным обратить весь мир в новую и окончательную веру.

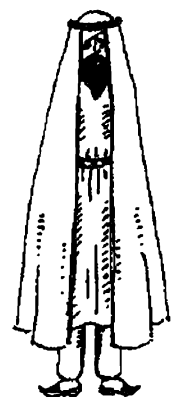
Многие современники любили его не только как пророка, но и как человека. У Мухаммеда было немало привлекательных черт и несомненных достоинств. Огромная власть не вскружила ему в голову, не превратила в лицемера и тирана, как это часто случается в истории. Окруженный всеобщим поклонением и сознавая себя избранником Аллаха, он тем не менее сохранял благодушие и скромность, не требовал себе никаких исключительных прав (кроме многоженства) и вел простую жизнь.

Несмотря на свою нервическую утонченность, в трудные минуты он всегда проявлял мужество и присутствие духа. Даже во время предсмертной болезни Мухаммед сохранял полное самообладание и продолжал заниматься повседневными делами. Только однажды он заметил, что из двух жизней: на земле и у Аллаха, — он выбирает ту, что у Аллаха.

Мухаммед до конца жизни сохранял веру в свою миссию и не сомневался, что исламу суждено завоевать весь мир. Если иногда он поступал жестоко, то извинял себя тем, что следовал своим предшественникам, которые, как он считал, делали то же самое. Мухаммед не сомневался, что Иисус вместе с апостолами тоже воевал с евреями. Себя он считал только еще одним пророком, которые все излагали одно и то же учение, только они были даны другим народам, а он — арабам. Он был пророк арабов, равноценный Иисусу, пророку евреев.

В конце жизни Мухаммед удовлетворенно заметил: поистине я совершил все, предназначенное для меня.

Аль-Курди, «Книга вечных даров». «Он ел верблюжье мясо, баранину, мясо курицы, рыбу, свежие и сушеные финики, пил чистое и смешанное молоко. Он ел хлеб с финиками: иногда натошак, иногда добавлял жир. Он ел жареную печень овцы, сушеное ломтиками мясо и молодую саранчу, которую он любил, как любил сыр, тюрю, хлеб с изюмом и маслом. Он ел мясо птиц, которые попадались ему случайно. Но никогда не гонялся и не охотился за ними с умыслом. Он мог съесть упавший на землю кусок хлеба, говоря: “Не оставим этот хлеб шайтану!” Он не ел стоя. Из фруктов больше всего он любил виноград и арбуз. Его постель была из грубой кожи и джута длиной в два локтя с лишком и локоть с небольшим шириной. Иногда он спал на циновке и на земле. Он любил уют и не любил сильный ветер. Он использовал благовония миск, камфару, гуд и подкрашивал глаза сурьмой».

Глава 3. Четыре праведных халифа (и один под вопросом)

После Мухаммеда

Новым главой мусульманской общины был избран ближайший сподвижник Мухаммеда — Абу Бакр. Его называли «заместитель посланника Аллаха» — халифа расули-л-лах, или проще — халиф.

Абу Бакр не имел такого безусловного авторитета, как Мухаммед. Раньше конфликты среди мусульман решались легко: достаточно было слова пророка. Теперь приходилось полагаться только на себя. Права любого правителя могли быть подвергнуты сомнению — ведь он не пророк Аллаха. Новых же пророков, по учению ислама, больше быть не могло. Поэтому по-настоящему нового вождя признали только в Медине. Другие арабские племена считали, что принесли присягу самому Мухаммеду, а раз он умер, они больше никому ничего не должны. Мухаммед был посланник Божий, а кто такой Абу Бакр? «Мы рабы Аллаха, а не Абу Бакра», — говорили бедуины.

Начался процесс, который в арабской истории называют *ридда*: массовое отпадение племен от ислама и отказ платить

положенную дань — *садаку*. Для многих именно вопрос садаки был ключевым: они соглашались принять новую религию, если это им ничего не стоило. Несколько племен предложили халифу договор, по которому они обязались и дальше признавать ислам, но без уплаты дани. Но Абу Бакр прекрасно понимал решающее значение денег — именно они были фактическим выражением власти. Он ответил: «Без садаки нет ислама».

В конце концов, Аравию пришлось завоевывать заново. Мусульманское ядро в Медине должно было на деле доказывать свои права на власть. И оно стало делать это всеми доступными способами, от прямой военной силы до подкупов и убийств. Решающую роль в победе мусульман сыграл Халид аль-Валид. Его почтительно называли Сайфуллах — «меч Аллаха». Вместе со своей армией он прошел по всей Аравии, убеждая бедуинов железом и пламенем, что ислам — это истинная религия и садаку лучше платить. Но сами мусульмане относились к нему неоднозначно. Говорили, что Халид проливал кровь мусульман. Однажды, возвращаясь в Медину, он вез с собой знатного пленника, вождя племени бан йараб по имени Малик и его красивую жену. Ночью во время привала Малик был убит. Почему это произошло, точно неизвестно: рассказывали и о случайной ошибке (якобы Халид приказал обогреть пленников, а слугам послышалось слово «убить»), и о грубых словах, за которые заплатился Малик. Зато достоверно известно, что вскоре Халид женился на вдове убитого.

Разобравшись с восточной угрозой, Халид отправился на запад, в Йамаму, и напал на последнего из оставшихся лже-пророков Мусайлиму. Сторонники Мусайлимы показали себя храбрыми бойцами и в кровопролитной битве все пали на поле боя вместе со своим предводителем. Мусульмане тоже понесли сильный ущерб: многие видные сподвижники Мухаммеда были убиты, а Халид ранен. Но это не помешало женолюбивому военачальнику сразу после боя справить свадьбу с дочерью одного из захваченных в плен врагов.

Завоевание Персии

Аравия, как мы помним, находилась между двух великих держав — Византией и Персией. Дойдя до ее границ, арабы неизбежно должны столкнуться с обеими. В 633 году, продолжая

двигаться на восток, мусульманская армия, возглавляемая неутомимым Халидом аль-Валидом, вторглась во владения Персии и в первой битве при Хире одержала победу. Арабы захватили в бою слона и драгоценную диадему персидского наместника Хормизда. Драгоценности бедуины видели и раньше, а вот приведенный в Медину слон всех изумил. Многие не могли поверить, что такое животное существует на самом деле, и считали его каким-то искусственным творением. Диадема, стоившая сто тысяч драхм, досталась самому Халиду.

Халид брал крепость за крепостью, облагая данью тех, кто сдавался ему на милость, и истребляя тех, кто сопротивлялся. В сражении на Евфрате Халид поклялся, что если Аллах дарует ему победу, река потечет кровью. Когда битва была выиграна, он выполнил свою клятву — приказал перебить всех пленных, чтобы вода превратилась в кровь. При взятии Айн Тамра Халид из всех жителей пощадил только сорок христианских учеников, спрятавшихся в церкви: он обратил их в рабство и раздал своим военачальникам.

Положение внутри Персии в это время было не самым лучшим: в стране шла гражданская война, государственные перевороты следовали один за другим. В конце концов на трон взошел молодой Йездегерд III, который заключил союз с Рустамом, наместником провинции Хорасан, и бросил против арабов отборные войска. Тридцатитысячная армия мусульман во главе с Мусанной встретила у Евфрата с персами, которыми командовал Михран Хамадани. Персы перешли через реку и двинулись на врага тремя колоннами, каждую из которых возглавлял слон. Арабы дрогнули, но им на помощь подоспели союзники-христиане с двухтысячным отрядом: они нанесли мощный удар по персам и убили их предводителя Михрана. Это решило исход битвы. Персы были разбиты, а их войско почти полностью уничтожено.

После страшного разгрома персы мобилизовали все силы. Рустам сформировал новую армию. В свою очередь, халиф Омар, сменивший Абу Бакра, призвал арабские отряды с юга и запада, где арабы разбили византийцев и могли теперь позволить себе перебросить крупные силы на восток.

Перед новой битвой стороны провели переговоры. Арабы, как обычно, требовали принятия ислама или выплаты дани; персы не соглашались и предлагали незначительные уступки, которые были заведомо неприемлемы для арабов. После срыва

переговоров, ночью, Рустам навел через переправу, соорудив импровизированный мост из земли, сухого тростника и конских седел. Его армия — около 40 тысяч солдат и 33 боевых слона — вытянулась по берегу реки. Сам Рустам воссел на троне посреди своих войск. Над ним развернули огромное сасанидское знамя, сшитое из тигровых шкур, — 6 метров в ширину и 40 в длину.

Арабов было почти вдвое меньше — 20 или 30 тысяч воинов. Они выстроились напротив вдоль оборонительного рва и крепости Кудайс. После полуденной молитвы арабы пошли в наступление. В ответ персы бросили в бой слонов и отборную конницу с закованными в броню всадниками. Эта двойная атака едва не решила исход битвы. Слоны, расставленные по всему фронту, были мощной ударной силой, и арабы с трудом выдерживали их напор. Арабские воины кололи слонов длинными копьями в глаза, отрубали им хоботы саблями и старались сбить боевые башни. Первый день сражения кончился ничем; ночью с поля боя подобрали тела убитых и раненых.

На второй день к обеим сторонам подошли подкрепления, и схватка началась снова. Арабы водрузили на спины верблюдов палатки и посадили в них лучников; персы окружили своих слонов пехотой, не давая поражать их в глаза и хобот. Рукопашная длилась несколько часов, не принося никому победы. К концу дня персы пошли в атаку длинными цепями, загибавшимися по краям, но и эта тактика не принесла успеха. Ожесточенная битва продолжалась весь вечер и не утихла даже ночью, когда никто уже ничего не видел в темноте и не понимал, что происходит: только звенели щиты и казалось, что во мраке бьют тысячи наковален (позже эту схватку прозвали «ночь грохота»). Только утром третьего дня атака арабов в центре увенчалась успехом: персы не выдержали и побежали. На поле боя остались только несколько десятков солдат, решивших сражаться до конца и умереть. Почти все они полегли под мечами и копьями арабов; вместе с ними погиб и Рустам.

Разбитые персы бросили столицу Ктесифон и убежали в горы, в укрепленную крепость Хильван. В Ктесифоне арабы захватили сокровищ на 900 миллионов дирхемов. Среди драгоценностей было много редкостей: поразивший бедуинов серебряный верблюд в натуральную величину и с золотым всадником в седле, золотая лошадь с зубами из драгоценных камней, мечи, принадлежавшие некогда могущественным царям, в том числе римским

императорам, — вся история могущества и славы Персии. Одним из трофеев стал гигантский ковер, усыпанный изумрудами, жемчугом и другими самоцветами, изображавшими цветущий сад. Ковер был настолько большим, что в Медине не знали, что с ним делать; в конце концов, его разрезали на куски и поделили.

Арабы обогатились так, что потом об этом времени рассказывали легенды. Какому-то бедуину из добычи достался огромный перстень, но он продал его купцу всего за тысячу дирхемов. Когда его спросили, почему так дешево, бедуин ответил, что просто назвал самое большое известное ему число. Некоторые солдаты вместо соли употребляли в пищу драгоценную камфору, стоившую несметных денег. Кто-то обменял золотое блюдо на серебряное — он думал, что серебро дороже.

Хумс. При разделе добычи солдаты могли брать только трофеи с лично убитого врага. Все остальное сдавалось в общую кассу, которая затем делилась по правилам, установленным пророком. Пятая часть захваченного — хумс — выделялась самому халифу, а оставшееся равномерно распределялось между воинами, с учетом того, что конница получала втрое больше пехоты.

Персы еще раз собрали все силы и дали бой при Нехавенде, но снова проиграли. После этого поражения Персия распалась на отдельные области и крепости, в которых местные князьки отсиживались еще какое-то время, пока не были разбиты один за другим. Пали главные оплоты персов: Нехавенд, Хамадан, Исфахан, Рей, Мерв. Персидский шах Йездегерд, бежавший из города в город, укрылся на какой-то мельнице, но был найден и убит. Ему едва исполнилось 28 лет. По преданию, его похоронили местные христиане — из уважения к его бабке Ширин, которая была христианкой и отличалась добротой и благочестием.

Война с Византией и гуманность арабов

На западе арабы продолжали воевать с византийцами в Сирии и Палестине. Призванный с востока Халид аль-Валид совершил дерзкий бросок прямо через пустыню, где его войско пять дней и ночей шло без воды, от одного колодца до другого. Он взял с собой двадцать верблюдов и каждый день убивал по четыре

верблюда: водой, хранившейся в их желудках, поили лошадей, а мясо шло на ужин воинам. Этих запасов, должно было хватить как раз на пятидневный переход: стоило им немного отклониться от пути, и все погибли бы от жажды. Но когда через пять дней арабы добрались до оазиса Сува, где находился водопой, оказалось, что воды в нем нет. В отчаянии солдаты бросились копать песок и спустя несколько часов, на большой глубине, все-таки нашли воду.

Благодаря этому смелому маневру Халид оказался прямо у стен Дамаска. Местные жители, сирийцы, были настроены против Византии из-за религиозных разногласий. Арабы казались им более мягкой и терпимой властью, чем христиане ромеи, безжалостно выжигавшие ересь.

Арабы и правда часто вели себя более гуманно и дисциплинированно, чем христиане. Абу Бакр наказал войскам соблюдать десять правил: не калечить, не красть, не обманывать, не нарушать договоров, не убивать стариков, жен и детей, не рубить пальмы и плодовых деревьев, не убивать скота и не брать у местного населения больше, чем это нужно для нужд войска. Этим арабы выгодно отличались от византийских армий, после каждой победы получавших города на бесконтрольное разграбление и избиение жителей. Правда, говорить о каком-то особом добросердечии арабов не приходится: это были суровые солдаты, проявлявшие подчас страшную жестокость. Правила Абу Бакра соблюдались далеко не всегда, а в тех случаях, когда гарнизон отказывался сдаться и город захватывали силой, о них редко кто вспоминал.

История арабских завоеваний пестрит историями, когда воины Аллаха убивали без разбора все мирное население, включая монахов и епископов. Так произошло в персидском городе Тустаре, где предатель открыл арабам ворота города. В захваченном Истахре (персидская провинция Фарс) Ибн Амир поклялся не останавливать бойню до тех пор, пока из его ворот не потечет кровь, и выполнил свою клятву. Другой полководец, Саид, пообещал жителям Тамисы, что после сдачи города не будет убит ни один человек, но потом заявил, что они неправильно его поняли, а на самом деле он сказал: будут убиты все, кроме одного человека, — что и исполнил в точности. Не менее жестокая резня случилось в армянском Арцапе. В египетской Никиу мусульмане, по рассказу хрониста Иоанна, «перебили всех, кого нашли

на улицах и в церквях, мужчин, женщин и младенцев, не милую никого». Известно, что арабский полководец, руководивший этой бойней, был так деликатен и чувствителен, что накануне штурма запретил разбирать свой походный шатер, потому что за время стоянки в нем успела свить гнездо голубка. Для охраны этого голубиного гнезда к шатру даже приставили часового.

Омар

Абу Бакр умер в 63 года, в том же возрасте, что и Мухаммед, простудившись после бани. Историки изображают его достойным человеком. Обладая огромной властью, Абу Бакр вел скромную и непритворную жизнь и сам зарабатывал себе на хлеб, пася овец и торгуя одеждой на базаре. После его смерти наследникам достался только один раб, верблюд, на котором возили воду, и поношенная одежда. Ночью небольшая группа близких похоронила его рядом с Мухаммедом, и на его могиле не оставили ничего — ни камня, ни даже холмика земли. Смерть его была так же аскетична, как и жизнь.

Перед смертью Абу Бакр назначил своим преемником Омара. Кое-кто из приближенных усомнился в правильности выбора, заметив, что Омар слишком груб. «Он груб, потому что я мягок, — возразил Абу Бакр. — А когда он останется один, ему придется смягчиться».

Омар пришел к власти в расцвете сил, когда ему было чуть больше пятидесяти. Он отличался огромным ростом и быстрой походкой, имел лысину, обрамленную седыми волосами, и красил бороду хной в рыжий цвет.

Это был самый энергичный и самый сильный из «праведных халифов». Он уверенно держал в руках все нити власти, сдерживая честолюбие и жадность наместников в завоеванных областях и умело управляя армией.

Омар был не только силен и решителен, но и мудр. Соратники вспоминали случай, когда он осмелился противоречить самому пророку. Перед смертью Мухаммед потребовал бумагу, чтобы продиктовать свою последнюю волю, но Омар отговорил его от этого намерения, боясь, что в помрачении ума, вызванном болезнью, пророк может чем-нибудь навредить делу веры.

Слова Абу Бакра о «смягчении» Омара сбылись только отчасти. Строгость халифа в вопросах веры была неумолима, а кнут

Омара, которым он лично хлестал нарушителей шариата, вошел в легенду. Но в отношении некоторых «грешников» он порой проявлял неожиданную мягкость, если не лукавство. Об этом говорит известная история с Мугирой.

Мугира был весьма уважаемым сподвижником пророка. И вдруг его обвинили не в чем-нибудь, а в смертном грехе прелюбодеяния. Мугира славился своей любовью к женщинам — говорили, что только официально он был женат триста раз. Будучи наместником Басры, он вступил в связь с замужней женщиной Умм Джамил, и это его едва не погубило: на него донес бдительный сосед, который лично поехал в Медину и доложил обо всем Омару. В доказательство своих слов он, как положено в исламе, предоставил четырех свидетелей, которые тайно наблюдали за свиданием Мугиры и его любовницы. За прелюбодеяние Мугире грозило побивание камнями. Однако Омар встал на сторону Мугиры. Он сделал вид, что не верит показаниям свидетелей, и даже приказал их высечь за клевету. После порки один из свидетелей буркнул: «А все-таки он прелюбодей», — но Омар только прикрикнул на него, пригрозив высечь вторично.

Экономика

В возникшей словно ниоткуда исламской империи арабских воинов было всего 20–30 тысяч, а жителей захваченных земель — миллионы. Все эти огромные страны и территории требовали управления, но арабы не имели никакого опыта в административных делах. Это были солдаты, а не чиновники; они жили не в завоеванных городах, а разбивали в отдалении от них военные лагеря, ставя посреди пустыни свои бедуинские шатры. Все, что они делали после победы, это брали с покоренных народов дань и шли дальше.

Договор с жителями города: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Истинно, вы будете в безопасности, когда уплатите джизью! Вам надлежит ежегодно вносить джизью с каждого совершеннолетнего тому, кто будет управлять вашей страной; быть проводниками у мусульман; чинить дороги, по которым они следуют; в любое время оказывать им гостеприимство; доставлять путника до места остановки; не подстрекать против мусульман. Мусульманам — ваши советы и то, что вы должны

уплатить, а вам безопасность за ваши деяния. Если же вы что-то измените или кто-нибудь из вас нарушит договор и вы не выдадите виновного — то нет вам защиты. Кто оскорбит мусульманина — о том станет известно, а если ударит его — того мы убьем».

Суровый Омар строго запретил арабам личное владение завоеванными землями. Он не хотел, чтобы они привязывались к земле, — это отбило бы у них привычку воевать. Омар предпочитал, чтобы его подданные получали свою долю доходов со всех земель, которые как бы принадлежали мусульманской общине в целом. «Земля принадлежит Аллаху и пророку», — говорил он.

В завоеванную провинцию обычно назначалось два арабских начальника: амил, собиравший налоги, и амир (эмир), командовавший армией. Иногда две эти должности совмещались в одном наместнике, выполнявшем заодно и функции кадия — судьи. В остальном арабы пользовались местной бюрократией и администрацией: они не хотели лично участвовать в управлении, предоставляя собирать налоги старым византийским и персидским кадрам.

Нередко эти поборы бывали непосильны. Все неверные платили два налога: джизью — подушный налог, и харадж — поземельный. Харадж устанавливался на единицу площади и различался в зависимости от того, что на ней росло. Больше всего брали за финиковые пальмы и виноградники — по 10 дирхемов с 1 джариба («площади, засеваемой одним мешком зерна», как определяли его арабы), за сахарный тростник — только шесть, за пшеницу — четыре дирхема, за ячмень — два. Если денег не хватало, платили товарами и скотом, а если не было и этого, должников забирали в рабство. Поток рабов шел в халифат нескончаемым потоком — как военная добыча и как плата в счет налогов. Один эмир за два с половиной года своего наместничества в небольшой провинции Систан набрал сорок тысяч рабов. Крупный город Мерв несколько лет расплачивался только рабами — денег на налоги не было.

Но размеры налогов могли меняться в зависимости от желания правителя. Когда один из местных князей пришел к наместнику Египта Амру и спросил, какую он джизью должен платить и какой ему ждать в будущем, тот ответил без обиняков: «Вы — наша казна. Если нам надо будет больше, мы возложим на

вас больше, если нам потребуется меньше — возьмем с вас меньше!» Немалая часть доходов, разумеется, шла в карман самого наместника. В Египте хищения достигли таких размеров, что халиф Омар в гнев написал Амру: «Я послал тебя в Египет не для того, чтобы он стал кормушкой для тебя и твоего рода. Я тебя направил потому, что я надеялся, что ты обеспечишь обильный харадж, и на твое хорошее управление». Амр оправдывался, что не может присылать больше: население и так обложено непомерной данью. Нельзя выдаивать у верблюдицы все молоко — надо оставить и верблюжонку.

Только с пограничных поселений не брали никаких налогов: считалось, что они платят свою долю тем, что охраняют границы халифата

Армия

Историки немало спорили и спорят о том, как и почему малочисленное арабское войско громило одну за другой мощные и хорошо обученные армии многих государств. Назывались политические, экономические, психологические и другие причины. Вкратце их можно свести к следующему.

Арабская армия отличалась дисциплиной и воодушевлением солдат. Высокий дух войск определяли не только новая вера, но и арабский национализм, которые слились в исламе воедино. Мусульмане воевали не только за добычу и трофеи, но и за «идею»: одно подкрепляло и усиливало другое. «Лучше один день на войне с неверными, чем целый месяц поста и молитв», — говорил пророк, и мусульмане шли на войну в уверенности, что не только добудут себе богатство и славу, но и попадут в рай.

Арабы были прирожденными воинами. В своих походах они только продолжали то, что хорошо умели и любили делать раньше, — воевать. Изменились лишь масштабы и сцена действий, но храбрых арабов не смущали ни перемена климата, ни новые условия войны. Когда надо было взять Ктесифон, не любившие воду бедуины без раздумий бросились в широкий Тигр и смогли перебраться вплавь на своих конях.

Военная наука усваивалась арабами быстро и легко. Это были хорошие ученики, на лету перенимавшие чужие знания. Уже в первые годы войны они научились брать укрепленные крепости персов и византийцев, о чем раньше в Аравии не

слыхивали, и использовали катапульты и другие осадные орудия, отбирая их у врагов. Когда война переместилась на море, сухопутные кочевники буквально за десяток лет построили мощный флот — пусть и чужими руками — и освоили морское ремесло. В тактике боев арабские военачальники были умны, изобретательны и умело применяли неожиданные хитрости и маневры: ложные отходы, засады, ночные рейды. Крепость Музайах, например, арабы взяли ночью, напав на нее одновременно с трех сторон.

Арабская армия была самой быстроходной и мобильной. Она обходилась почти без обозов — отправляясь в опасные походы, воины ислама оставляли жен и детей и жили как пираты, налегке. Арабский солдат должен был сам находить себе пропитание и обеспечить себя всем необходимым, в том числе оружием, которое добывалось как трофеи в успешных битвах.

Позже арабы с гордостью вспоминали, как изумлялись иностранные вельможи и правители, в первый раз увидев перед собой грозных воинов ислама. С виду это были настоящие оборванцы: грязные, в разношерстной одежде, без кольчуг (кольчуги были слишком дороги, и их хранили в семьях как фамильную ценность), они не имели ничего, кроме хорошего коня, острого меча и веры в Аллаха. Сохранилось описание внешности и вооружения араба Риви, посланного на переговоры с персидским царем Йездегердом. Одеждой его была верблюжья попона с проделанной посередине дырой для головы. Вместо пояса он обвязывался тростником, голову перетягивал поводом того же верблюда, и четыре вихра на его голове торчали, «как козлиные рога». При нем был красный щит из бычьей шкуры, копье, обвязанное верблюжьими жилами, и меч, начищенный до блеска, но скрытый в потертых матерчатых ножнах.

Свой боевой порядок арабы заимствовали у византийцев и персов. Он состоял из классических пяти частей: авангард, центр, правое и левое крыло, арьергард (арабы дали им свои названия: аль-мукаддама, аль-майсара, аль-калб и т. д.). К ним добавлялась конная разведка (ат-талаи), лучники (аль-мурабийя) и другие вспомогательные войска. При этом арабские воины сохраняли внутри войска деления на кланы и сражались группами, сформированными по родам и племенам.

Конница арабов атаковала с налету, но основная часть боя была пешей. В рукопашной сходились на мечах, бились палицами.

В бою использовали все, что оказывалось под рукой — палки, палаточные шесты, большие камни. Часто в ход шли копья, которыми можно было не только колоть, но и рубить. При появлении вражеской конницы пехотинцы упирались копьями в землю и наклоняли их вперед, так что их ряды щетинились стальными остриями; а когда всадники оказывались рядом, хватали копья и били в морды лошадей.

Особым умением кочевников было устройство лагерей, которые они создавали часто посреди пустыни, в местах, откуда было легко контролировать обширные площади. Эти лагеря напоминали арабские города в миниатюре: каждое племя жило отдельно, в своем секторе, вместе с семьями и скотом. Лагерь окружали земляным валом, дома строили из тростника: перед выступлением армии в поход их разбирали, а после возвращения — собирали снова. Из таких лагерей потом выросли крупные города — Басра, Куфа, Васит.

Смерть Омара и выборы Османа

В биографии Омара говорится, что халиф был скромен, нестяжателен, жил в аскетической бедности и проповедовал великодушие и снисходительность. Однажды в пустыне он вместе со своим товарищем подошел погреться к костру, у которого сидела женщина с детьми. Не зная, что перед ней халиф, женщина стала жаловаться и ругать Омара, который отправил ее мужа на войну: теперь муж погиб, семье нечего есть, и она варит в котелке пустую воду, стараясь обмануть детей и надеясь, что они заснут, не дождавшись еды. Услышав эту историю, Омар смиренно отправился в лагерь, принес дров, еды и сам приготовил ужин для голодной семьи.

Как-то в Медине к нему подошел Фируз, перс-христианин, и попросил спасти его от непосильного налога, который наложил на него хозяин. Узнав, что налог составлял два дирхема, Омар заметил, что подать не так уж велика. «Ты мастер, — добавил он, — и, я слышал, умеешь делать ветряные мельницы: так сделай такую для меня». — «Ладно, — пообещал Фируз, — я сделаю тебе такую мельницу, о которой не скоро забудут на востоке и на западе».

На следующий день, когда Омар молился в мечети, Фируз, закутавшись в плащ, подошел к нему вплотную и вонзил в живот кинжал. «Этот пес убил меня!» — успел крикнуть халиф. Фируз бросился к выходу, вращая в воздухе длинным клинком с лезви-

ем на обоих концах: это и была обещанная «мельница». Нанося смертельные раны направо и налево, он сумел убежать из мечети, но позже был найден и заколол себя тем же кинжалом. Не имея возможности отомстить самому Фирузу, сын Омара приказал убить его дочь.

Халифа похоронили в комнате Аиши рядом с Мухаммедом и Абу Бакром. Перед смертью он собрал приближенных и назначил своим преемником самого благочестивого и бескорыстного — Абдурахмана ибн Ауфа, — но тот в ужасе отказался, считая себя недостойным такой чести. Тогда Омар поручил выбрать нового халифа из пяти лидеров: Али, Зубейра, Османа, Сада ибн Абу Ваккаса и Талхи. Фаворитом считался зять Мухаммеда Али, но Абдурахман, которому доверили быть судьей, выбрал самого благочестивого — Османа.

Между тем волна завоеваний по-прежнему шла от Аравии во все стороны. В Палестине были взяты Кесария, Бейрут и Аскалон. В приморской Акке наместник Муавия создал арабский флот и завоевал Кипр, жители которого были застигнуты врасплох. В битве у Фойника арабы наголову разгромили знаменитый византийский флот и стали фактически полными хозяевами Восточного Средиземноморья. На севере раздробленная Армения, которой византийский император упорно пытался навязать православный вариант христианства, не имела сил сопротивляться и заключила с арабами кабальный договор, результатом которого стала гражданская смута и разорение страны. Как написал армянский историк Себеос: «Мы заключили союз со смертью и договор с адом». Соседняя Грузия также покори-лась власти мусульман и обещала платить дань, и лишь хазары дали отпор неудержимой волне ислама, окружив и уничтожив многотысячную армию полководца Салмана. На востоке арабы окончательно добились все еще сопротивлявшихся персов, захватив их последнюю провинцию Хорасан.

Правление и гибель Османа

Тем временем внутри мусульманского мира нарастало недовольство. Некогда бедные бедуины невероятно разбогатели за счет награбленных сокровищ. Война за ислам стала для них еще одним гигантским набегом за добычей. В арабских хрониках дележу и описанию трофеев уделялось едва ли не больше места,

чем всем остальным событиям, вместе взятым. В Аравию шел непрерывный поток денег и рабов. Кочевники пустыни погрязли в роскоши и сибаритстве. Хуже всего было то, что богатства распределялись неравномерно: больше всего доставалось правящей верхушке Омейядов, состоявшей из родственников Османа. Наместники провинций, которых Омар держал железной рукой, теперь осмелели и бесконтрольно грабили население. Благочестивые мусульмане начали роптать, что вера падает и нарушаются заветы Мухаммеда.

Как раз в это время по указанию Османа начал составляться кодекс Корана. Это было сложным делом, поскольку существовали разные списки изречений пророка, а некоторые были известны только устно и передавались по памяти. В трудных случаях обращались к еще живым соратникам Мухаммеда и спрашивали, слышали ли они, как пророк говорил то-то или то-то; если изречение подтверждалось, его включали в канон. Осман опирался на мединский сборник, составленный его секретарем Зайдом бен Сабитом и дополненный самим халифом. Редакция Османа была принята как единственно правильная, а остальные варианты уничтожили, что дало повод для многих споров и разногласий. В разных городах нашлись люди, утверждавшие, что их Коран более верный. В Басре это был Абу Муса, в Куфе — Абдулла ибн Масуд, искренне возмущенный тем, что его тексту, составленному еще во времена гонений на мусульман, предпочли список какого-то юнца Зайда.

Многих Осман настроил против себя тем, что отстранил от власти старых сподвижников пророка и приблизил к себе своих родственников, дядю аль-Хакама и его сыновей Марвана и аль-Хариса. Аль-Хакам до этого находился в ссылке, куда его отправил сам Мухаммед. И вот такого человека, бывшего гонителя пророка, Осман поставил рядом с собой, только потому, что тот был его близким родственником. К ним присоединилась и другая родня халифа, которым он раздавал щедрые подарки и поручал самые ответственные должности.

В это время Осману пришло анонимное письмо, в котором говорилось: «Заклинаем тебя Аллахом подумать об общине Мухаммеда, ведь мы боимся, что расстроится ее дело твоими руками, потому что ты посадил на шею людям своих собратьев». В вину Осману ставили и то, что он разрушил старую мечеть Мухаммеда и вместо нее поставил другую, более просторную и красивую:

это расценивали как знак неуважения к пророку. Его обвиняли в том, что он добавил к двум призывам на молитву третий, а также увеличил длительность самой молитвы.

В Дамаске один из сподвижников пророка Абу Зарр во всеуслышание обличал нечестие и порочный образ жизни дяди халифа аль-Хакама. Он же подал мысль, что халифом должен быть не Осман, а более достойный человек — Али. В Египте Абдулла ибн Саб, иудей из Южной Аравии, начал проповедовать учение о том, что Мухаммед вернется на землю перед концом света, а пока миром должны править его помощники из самых приближенных — имелся в виду Али. Наконец, один из учеников Абдуллы — Малик аль-Аштар устроил переворот в Куфе и отказался подчиняться халифу.

Осман, которому было уже больше 80 лет, даже не пытался восстановить свою власть. Увидев его слабость, противники Османа набросились на него со всех сторон. К Медине двинулись вооруженные толпы с запада и востока: из Египта под предводительством Мухаммеда ибн Абу Бакра, а из Куфы и Басры — во главе с Маликом. Они потребовали отречения Османа от власти. Халиф нашел в себе силы отказаться. В эти последние дни он проявил мужество и твердость, которых ему недоставало раньше. На требование Али отречься он ответил: не сниму одежд, которые возложил на меня Аллах. Он кучкой верных сторонников каждый день молился у всех на глазах в мечети, несмотря на оскорбления бунтовщиков, доходившие порой до рукоприкладства.

Наконец, молящихся разогнали камнями, и Осман укрылся в своем доме вместе. Халиф обращался с крыши к осаждавшим и просил Али защитить его от насилия. Али молчал. Разнесся слух, что Муавия послал на помощь халифу войска из Дамаска и они уже подходят к Медине. Медлить было нельзя: бунтовщики пошли на штурм дома. Перебираясь по крышам соседних зданий, они проникли во двор и ворвались в комнату Османа, который спокойно сидел на циновке и читал Коран. Жена халифа Наила бросилась на его защиту, но ударом сабли ей отрубили пальцы. Еще через минуту Осман упал, заливая своей кровью Коран.

Али

Не успели Османа закопать в его собственном саду, как начались выборы нового халифа. Все кандидаты были представителями

курейшитов, политической и финансовой элиты арабов: избирать кого-то другого никому уже не приходило в голову. Египтяне стояли за Али, басрийцы — за Талху, куфийцы склонялись к Зубайру. Но авторитет Али перевесил, и он был единогласно избран халифом. Как зять и воспитанник пророка, женатый на его дочери Фатиме и внучке Умаме (всего у него было восемь жен), Али мог считаться естественным лидером ислама.

На следующий день новый правитель произнес речь, пообещав справедливо разделить деньги между всеми мусульманами и призвав их соблюдать благочестие, а не гоняться за мирскими благами: «Вы — рабы Аллаха, и деньги — деньги Аллаха, они делятся поровну, и нет в этом преимущества одного перед другим». Свои слова он тут же подтвердил делом, раздав все имущество Османа и выдав каждому, независимо от богатства и знатности, по три динара. Убийц Османа он не порицал и не одобрил, а в частной беседе с соратниками признал, что ничего не может сделать с мятежниками и остается только ждать, пока времена изменятся: царство шайтана не вечно. Действительно, выждав удобный момент, Али укротил и выслал наводнявших Медину чужаков и навел порядок в городе. Одновременно он разослал своих представителей по всем провинциям, чтобы утвердить свою власть на местах.

Однако положение Али было шатким. Его поддерживали в Медине, но не в провинциях, где власть по-прежнему принадлежала Омейядам. Муавия в Сирии и не думал повиноваться новому халифу. Когда в Дамаск привезли окровавленную рубашку Османа, там поклялись отомстить убийцам. Муавия демонстративно прислал Али письмо, в котором были только слова: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», дав этим понять, что обсуждать нечего, пока Осман не будет отомщен. В Египте Амр аль-Ас объявил правителем самого себя: нет в Египте наместника, кроме Амра. Чтобы удержать свой пост, он присоединился к Омейядам, которых возглавлял теперь Муавия.

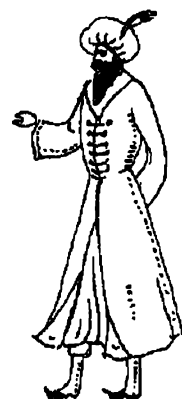
Али был храбр, умел хорошо говорить и даже сочинял стихи. Но в решительный момент он проявил неуверенность. Его призыв к борьбе с Муавией никто не поддержал. Абу Ваккас в ответ на его речь попросил Али дать ему меч, который может сам отличить верных от неверных: он не хочет убивать единоверцев. Коран прямо это запрещал: «Кто убьет верующего предумышленно, то воздаяние ему навечно — геенна». Больше того, недовольные халифом Талха и Зубайр бежали в Мекку и, объединившись

там с Аишей, «матерью правоверных», выступили против Али. Захватив Басру, они устроили в городе побоище, казнив всех сторонников халифа. Их предводителя Ибн Хунейфа с позором изгнали, обрезав ему бороду, брови и ресницы.

Наконец, Али смог собрать 20-тысячную армию и выступил к Басре. Три дня он стоял у города, надеясь заключить мирное соглашение с мятежниками и обойтись без крови. Переговоры начали понемногу налаживаться, но ночью кучка непримиримых устроила вылазку, которая спровоцировала обе стороны на столкновение. Началось сражение, в котором Талха был убит, а Зубайр бежал с поля боя и погиб от руки какого-то бедуина. Отступавшие басрийцы сплотились вокруг верблюда Аишы и бились с отчаянием обреченных. Наконец, кто-то перерезал поджилки верблюду, и тот рухнул вместе с паланкином, накрывшим собой Аишу. На этом битва закончилась. Али проявил обычное великодушие и щедрость: запретил убивать бежавших и грабить их дома, вернул противникам все имущество и даже оружие, брошенное на поле боя. Выбравшуюся из-под обломков Аишу он просто пожурил и посадил под домашний арест. На призывы соратников расправиться с мятежной вдовой пророка Али отвечал: «Не обижайте женщину, даже если она бранью задевает вашу честь, ведь женщины — слабы». Он всеми силами подчеркивал, что считает всех мусульман братьями и не хочет преследовать противника больше, чем это необходимо.

Одержав победу под Басрой, Али направил свою армию против Муавии. Он еще раз попытался примириться с правителем Сирии и предложил ему принести присягу, как сделали все остальные, но получил отказ. Муавия прямо обвинил Али в убийстве Османа и привлек на свою сторону Амра аль-Аса, завоевателя Египта, пообещав в случае победы вернуть ему эту провинцию.

Главное сражение состоялось в 657 году у разрушенного византийского городка Сиффин. Соотношение сил армий было примерно одинаковым, по 70 тысяч с каждой стороны. Мусульмане в этой битве воевали с мусульманами, представители одного рода — друг против друга. Исход битвы долго колебался. Был момент, когда Муавия уже вскочил на коня, собираясь бежать — враг вплотную подобрался к его платке, — но Амр уговорил его остаться. Тогда, чтобы остановить затянувшуюся бойню, Али предложил решить дело личным единоборством.

Муавия благоразумно отказался, считая, что в таком поединке все шансы на стороне Али.

По преданию, бой продолжался восемь дней и восемь ночей. Воины с обеих сторон были так истощены, что почти не могли двигаться и только «кусали друг друга», как писал один из участников сражения. Утром последнего дня Малик с конницей прорвался в лагерь сирийцев, а с другого фланга ударил сам Али. Левое крыло Муавии было полностью смято, до разгрома оставались считанные минуты. И тут вдруг на копьях сирийцев появились книги: это был священный Коран. Потряса им, они призвали именем Аллаха прекратить распрю, назначить третейский суд и разрешить вопрос как подобает мусульманам: по слову Аллаха и заветам пророка, а не в бою. И битва сразу затихла, воины перестали сражаться, несмотря на все призывы Али, кричавшего, что нельзя верить обманщикам.

Объявили перемирие и назначили третейский суд. Но еще до начала суда в лагере Али начался разброд. Сформировалась партия так называемых чтецов — истово верующих, проводивших все время в чтении Корана. Чтецы призывали чуть ли не к прямому правлению Аллаха во всех светских делах. Халиф в их учении становился почти символической фигурой, которого следовало лишать должности при любом нарушении буквы писания. Сами они называли себя хариджиты, или «выходцы», то есть «выходящие на путь Аллаха» (по другой версии — «вышедшие из повиновения, восставшие»).

В то же время начал формироваться и культ Али. Для своих приверженцев он стал носителем особой миссии, которая якобы втайне была поручена ему самим пророком. Рассказывали истории, как Али сам обмывал тело пророка, и помогали ему в этом ангелы. Так на свет появились шииты, сторонники «Шиат Али» — партии Али. Они стояли за законно избранного халифа. Преемственность халифата для них была важнее, чем толкования писания.

Хариджиты между тем отделились от Али и перебрались в Нахраван в окрестностях Багдада. Там они избрали своего халифа, Абдуллу ибн Вахба.

Что же до третейского суда, то он, как и следовало ожидать, кончился ничем. Одни из судий предложили избрать халифом Муавию, другие — какое-нибудь третье лицо. Снова началась война. Но теперь лагерь Али был расколот — шииты стали преследовать хариджитов и устроили против них поход. Большинство

«чтецов» рассеялось при появлении войск Али, около двух тысяч их было уничтожено. Но само движение хариджитов осталось жить и распыляло силы Али. Появились перебежчики, уходившие от Али к Муавии: в основном это были аристократы, недовольные политикой «равноправия», которую проводил благочестивый халиф и которая лишала их обычных привилегий. Жители Куфы отказались идти на Сирию, заявив, что хватит с них войн.

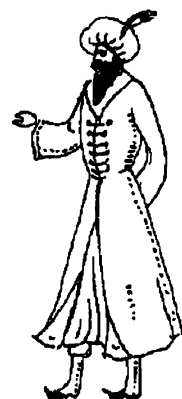
Началась затяжная гражданская война, состоявшая из бесконечных стычек и мятежей, которые все больше ослабляли власть халифа. Отряды Муавии совершали глубокие рейды в тыл врага, захватывали даже Мекку и Медину. В разгар междоусобицы Али был убит. В Куфе, куда он перенес свою столицу, три хариджита напали на него по пути в мечеть и проломил голову мечом. Два дня спустя он скончался в мучительной агонии. Одновременно хариджиты попытались убить Муавию и Амра, но оба спаслись по счастливой случайности: первый во время удара склонился в молитвенном поклоне и избежал смерти, а вместо второго по ошибке убили другого человека.

По описаниям современников, Али был толст и некрасив, среднего роста, очень смугл. Его белая борода, необыкновенно широкая, закрывала всю грудь, а белые волосы — цвета хлопка, как писали арабы, — гривой ниспадали на спину и венчиком курчавились вокруг лысины. В молодости он был очень воинствен и даже сына своего хотел назвать Харб — «война», но потом превратился в мирного семьянина, отрастил большой живот, за что его прозвали «пузаном», воспитывал многочисленных сыновей и дочерей и отличался большим добродушием. При всей своей личной храбрости и силе он был миролюбив и во время гражданской войны всегда до последнего старался оттянуть столкновения между арабами. Горькая ирония заключалась в том, что именно миролюбие его и погубило.

Муавия и Хасан

Перед смертью приближенные спросили Али: если ты умрешь, присягать ли нам твоему сыну Хасану? Халиф ответил: я не побуждаю вас к этому и не запрещаю, решайте сами.

После тайных похорон Али — он приказал закопать себя в скрытом месте, чтобы враги не осквернили его могилу, — его сподвижники сразу присягнули Хасану. Тот первым делом ото-

мстил убийце отца: хариджиту отрубили голову, а тело отдали на растерзание мусульманам. Все, что осталось после этого, облили нефтью и сожгли.

Али почитался его сторонниками так высоко, что многие отказывались верить в его смерть. Говорили, что он не может умереть, пока не овладеет всем миром. О Хасане же никто не мог сказать ни хорошего, ни плохого. До того, как стать халифом, он вел тихую и приятную жизнь в Медине, пользуясь своим положением и не проявляя особого рвения ни в битвах, ни в политических распрях. Известно, что он участвовал во многих сражениях Али, но на войне не проявил себя ничем особенным. Внешне Хасан был похож на своего деда Мухаммеда, что очень трогало мусульман. В разговоре он немного заикался, но и это шло ему на пользу: считалось, что таким же недостатком обладал Моисей.

Новый халиф попытался договориться с Муавией. Все знали, что Хасан лично защищал Османа во время осады, поэтому никто не мог обвинить его в убийстве халифа, как прежде обвиняли его отца. Хасан надеялся, что сможет добиться присяги от Муавии, и писал ему письма, предлагая миром решить все вопросы и прекратить гражданскую войну. В качестве главного аргумента он приводил свое родство с пророком Мухаммедом, в то время как Муавия был сыном его худшего врага Абу Суфьяна.

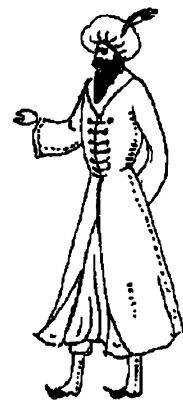
Эти наивные попытки ни к чему не привели. Муавия ответил, что халифами избирали и избирают людей достойнейших: не по семейному признаку, а по их способностям и умелости в управлении общиной верных. «Если бы я знал, что ты лучше меня поддержишь порядок среди подданных и лучше оградишь эту общину, будешь лучше управлять, и будешь тверже собирать средства, и будешь изворотливее в отношении врагов, то я ответил бы тебе согласием на то, к чему ты меня призываешь, и считал бы, что ты больше подходишь для этого. Но я знаю, что я дольше тебя управляю и опытнее тебя в отношении этой общины, больше тебя понимаю в политике и старше тебя годами». Он предложил Хасану добровольно отказаться от халифата, а взамен получить деньги и богатство.

Пока шла эта переписка, Хасан не делал никаких попыток собрать войско — и вдруг оказалось, что Муавия с армией уже стоит недалеко от Куфы. Хасан все-таки выступил ему навстречу, но во время похода его солдаты взбунтовались. Что послужило причиной мятежа, точно не известно. Говорили, что Хасан

произнес перед армией миролюбивую речь в духе своего отца Али, и это вызвало гнев наиболее воинственных противников Муавии. Кто-то ранил его кинжалом в ногу, когда Хасан сидел в седле, и ему пришлось отступить.

Оставшись почти без армии, Хасан был вынужден начать переговоры об отречении от поста халифа. О том, как они проходили, историки рассказывают по-разному. Кто-то утверждает, что жадный и не желавший воевать Хасан попросил у Муавии гигантского ежегодного содержания. Другие настаивают на том, что он требовал прежде всего гарантий безопасности для своих сторонников. Есть красивая история, как в разгар переговоров Муавия поставил свою печать на чистый лист и отдал Хасану, сказав, что он сам может написать все условия, какие только пожелает. Так или иначе, была заключена сделка, согласно которой Муавия принимал на себя власть халифа, а взамен обещал не назначать себе преемника и не причинять вреда никому из тех, кто выступал на стороне Хасана. После этого Хасан уехал в Медину и стал вести прежнюю беспечную жизнь, от которой в истории не осталось никаких следов. Ходили слухи, что он женился не меньше сотни раз, имел триста наложниц и множество детей. По натуре Хасан был очень женолюбив и, поскольку по закону не мог иметь больше четырех жен, часто разводился с ними и женился на новых, за что получил прозвище аль-Митлак — «рас-торгатель браков». Шииты считают, что в конце концов он был убит Муавией, который боялся, что после его смерти власть снова перейдет к Хасану, а не к сыну Муавии — Йазиду. Похоронили Хасана рядом с его матерью — дочерью Мухаммеда Фатимой.

Так закончилась эпоха праведных халифов и началась другая — правление династии Омейядов.

Глава 4. Первая династия

Халиф Муавия

К моменту прихода к власти Муавия был уже пожилым человеком. Хроники описывают его как невысокого мужчину крепкого телосложения, с короткими ногами и слишком крупной головой. Вид у него не был ни грозным, ни могучим, но порой он умел наводить страх на собеседников, выпучив огромные

черные глаза. Однако чаще халиф производил впечатление веселого и добродушного толстяка, который от всей души хохотал над шутками, трясая большим задом и животом, и от смеха даже заваливался на спину. Муавия очень любил поесть, но не проявлял частой у арабов необузданной страсти к женщинам: он имел только четыре жены (не считая наложниц), а большую часть жизни обходился двумя. По арабским меркам, у него было мало детей: всего четыре дочери и три сына, из которых один умер в младенчестве, а второй страдал слабоумием. Немногочисленность потомства объясняли тем, что во время покушения на его жизнь хариджит повредил Муавии детородный орган, и он стал бесплодным. Если верить летописям, после ранения врач предложил ему на выбор два лечения: мучительное или безболезненное, но грозившее бесплодием. Муавия выбрал второе и все свое внимание и заботу сосредоточил на младшем сыне Йазиде, своем единственном наследнике. «Есть у меня Йазид, — говорил он, — и мне достаточно».

По желанию отца Йазид воспитывался одновременно и как мусульманин, и как бедуин. Он изучал Коран и слушал рассказы о пророке, но вместе с этим усваивал и все бедуинские доблести: умение ездить верхом, стихосложение, честь рода. В Сирии, где находился двор отца, его окружали в основном не арабы, а инородцы, принявшие ислам. Чаще всего это были бывшие христиане-яковиты, люди не слишком благочестивые и любившие развлечения и вино.

Муавия стал халифом не благодаря своему благочестию или родственным связям с пророком Мухаммедом, а исключительно с помощью политической и военной силы. Разумеется, он посещал мечеть и совершал все положенные намазы, точно следовал всем правилам ислама и даже имел определенный авторитет как секретарь Мухаммеда и источник хадисов, но благочестие его было скорее формальное, для виду. По сути, он был политик до мозга костей.

В споре с Хасаном Муавия имел полное право выставлять себя как более опытного и умелого руководителя. Он твердо держал власть в своих руках и действовал продуманно и прагматично, не поддаваясь эмоциям и не упуская ничего из виду. Друзей и сторонников он осыпал щедрыми наградами, врагов привлекал добрым расположением и обещанием всевозможных благ, а если это не удавалось, расправлялся с ними быстро и беспощадно.

Ибн Аббаса, приходившегося Али двоюродным братом, он одарил огромной суммой денег, а колеблющегося Мугиру привлек, отдав ему во владение Куфу. Даже Зийяда, ярого сторонника алийцев, переманил на свою сторону, сделав наместником в Басре. Муавия сравнивал себя с удильщиком, который отпускает леску, когда рыба тянет, и натягивает, когда она пытается уплыть. «Зачем применять меч там, где достаточно бича, — спрашивал он, — и бич там, где хватает языка?»

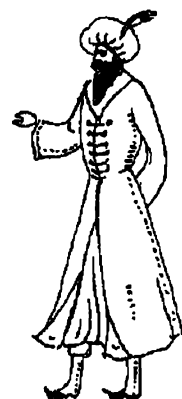
Арабы ценили не только воинскую доблесть и безудержную агрессию. Они уважали *хильм* — благоразумное и мягкое поведение, когда результат достигается не силой, а уговорами и хитростью. Этим качеством вполне обладал Муавия, говоривший, что не любит войну, потому что она обходится слишком дорого.

Как человек и как правитель Муавия отличался религиозной терпимостью. Его личным секретарем был христианин Сергей, отец православного святого Иоанна Дамаскина. Лечившие его врачи тоже были христиане, арабы считали их непревзойденными лекарями. Есть сведения, что он принимал участие в религиозных спорах христиан и однажды присудил победу секте маронитов. Муавия разрешил крестные ходы в Дамаске, с почтением относился к христианским святыням в Иерусалиме и допускал к ним многочисленных паломников из Европы, а собор в Эдессе, разрушенный землетрясением, приказал отремонтировать за государственный счет.

Муавия боялся покушений и даже в мечети сидел в специальном месте, отделенном от всех остальных перегородкой. Его повсюду сопровождала охрана, вооруженная копьями. Хариджиту, напавшему на него в мечети, пришлось дожидаться, пока стражник, стоявший между ним и халифом, нагнется в молитвенном поклоне: тогда он прыгнул ему на спину и нанес удар Муавии. Но халиф в этот момент тоже наклонился в молитве, и кинжал вонзился ему в ягодицы, не причинив особого вреда: Муавию спас толстый зад.

Династия

Возможно, самым революционным деянием Муавии было введение династического правления. До сих пор халифом выбирали самого достойного и самого благочестивого араба: это подразумевалось само собой. Но Муавия, опиравшийся на власть госу-

дарства, а не силу веры, не собирался следовать этой традиции. Он задался целью превратить халифат в наследственную монархию, соединив власть царя и имама. А для этого ему надо было убедить арабов присягнуть своему сыну.

Это невиданное прежде новшество столкнулось с сопротивлением всех явных и тайных противников Муавии. Оппозицию возглавили сыновья праведных халифов, считавшие, что они имеют больше прав на власть: Хусейн, второй сын Али, Абдараман, сын Абу Бакра, Абдаллах, сын Омара, и другой Абдаллах, сын Зубайра, ближайшего сподвижника пророка. Муавии пришлось пустить в ход все свое дипломатическое мастерство, чтобы после многолетних уговоров, угроз, маневров и интриг все-таки добиться своего. Ключевой момент наступил в мекканской мечети, когда Муавия неожиданно объявил, что все сыновья халифов якобы уже тайно принесли присягу Йазиду. Окружавшие Муавию воины тут же выхватили мечи и предложили убить всех негодяев, которые отказываются присягать публично. Напуганная четверка не осмелилась возразить, а их сторонники, решив, что вожди действительно принесли присягу, последовали их примеру. Когда выяснилась правда, было уже поздно: Йазид стал наследником халифа.

Со временем правление Муавии приобрело все внешние признаки монархии. Он первым из халифов завел себе двор и построил дворец (правда, такой скромный, что византийцы в насмешку называли его «скворечником»). Он принимал подданных, восседая на троне, окруженном стражей. Его личный секретарь и доверенное лицо, *хаджиб*, имел огромное влияние, хотя был всего лишь слугой. По вечерам халиф устраивал богатые приемы, где гостей развлекали чтением стихов и занимательными историями из прошлого.

Царствование Муавии продолжалось двадцать лет. Перед смертью он завещал похоронить себя в рубахе, подаренной ему Мухаммедом, и с обрезками его ногтей, которые сам собрал при жизни пророка. Йазид в этот момент при нем не было — тот уехал в свое имение в Хувварин, где развлекался охотой.

Муавия оставил по себе хорошую память. Даже при Аббасидах, его ярых противниках, старавшихся очернить все связанное с Омейядами, Муавию вспоминали с симпатией. Его называли *мурсал*, то есть посланник Божий, и ставили наравне с первыми халифами. В Сирии после прихода к власти Аббасидов ждали не-

кого «суфьянида» (отца Муавии звали Абу Суфьян) как мессию, который спасет их от новых правителей. Аббасидские халифы по-своему толковали эти пророчества, считая суфьянида чем-то вроде антихриста, который установит царство зла.

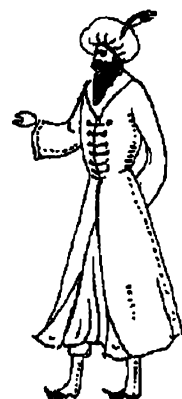
Смута

Когда умирает сильный лидер, долго правивший страной, нужен другой сильный лидер, чтобы удержать ее от волнений и неурядиц. После смерти Муавии такого человека не нашлось. Сын халифа был слишком молод и неопытен, а его вольный образ жизни отталкивал от него правоверных мусульман. Йазид любил роскошь и радости жизни. Он проводил время в компании певичек и танцовщиц, пил вино, сочинял стихи, ценил хороших собеседников и был знатоком псовой и соколиной охоты.

После смерти отца Йазид поначалу уверенно взял в руки бразды правления, сделал несколько разумных распоряжений и распространил по всем провинциям приказ привести население к присяге. Но скоро ситуация вышла из-под контроля. В Медине давние противники Муавии: Хусейн, сын Али, и Абдаллах ибн аз-Зубайр, — отказались присягнуть Йазиду и демонстративно покинули город, перебравшись с семьями в Мекку. В Ираке, узнав о смерти Муавии, забурлили Басра и Куфа. Память об Али здесь была еще свежа, многие жители этих городов чувствовали свою вину за то, что в трудный момент отвернулись от своего предводителя. Теперь, когда Муавия умер, все взгляды обратились в сторону сына Али Хусейна.

Из Куфы к нему посыпались письма с призывами прибыть в город и возглавить восстание против Йазиды. Авторы посланий уверяли, что здесь его ждет целая армия почитателей, что Куфа готова вспыхнуть, а к ней немедленно присоединятся и Басра. «Поторопись! Поторопись, о сын дочери посланника Аллаха! Приезжай, если хочешь, ведь ты прибудешь к своему собравшемуся войску». Хусейн долго колебался, но в конце концов дал себя убедить. Он отправил в Куфу двоюродного брата Муслима, чтобы тот выяснил обстановку на месте и привел к присяге сочувствующих горожан, а сам стал готовиться к отъезду.

Прибыв в город, Муслим действительно нашел множество сторонников Хусейна и привел их к присяге. Он написал письмо Хусейну, сообщив об успехе дела, и отправил послания шиит-

ским вождям в Басру. Но в Басре его призывы не нашли отклика. Наместником Басры и Куфы был Убайдаллах ибн Зийад, сын сподвижника Муавии, человек энергичный и не любивший медлить. Узнав о приезде Муслима, он в тот же день бросился в Куфу, захватив с собой только маленький отряд. В город он въехал ночью, завернувшись в плащ, и куфийцы, приняв Убайдаллаха за Хусейна, приветствовали его радостными криками.

Зийад-младший немедленно направился в мечеть и обрушил на горожан громы и молнии. Он пообещал выполнить все распоряжения халифа, наградив повинующихся и наказав бунтовщиков. «У меня есть плеть и меч для тех, кто пренебрежет моим приказом и воспротивится моему распоряжению. Пусть каждый ответит за себя!»

Убайдаллах потребовал от военных старост составить списки всех приезжих в городе, пригрозив в случае саботажа и укрывательства врагов распять каждого виновного на воротах собственного дома. Муслиму пришлось прятаться в домах разных людей, пока один из них, авторитетный шиит Хани, не был арестован и жестоко избит Убайдаллахом. Только тогда, поняв, что терять нечего, куфийцы подняли бунт. Толпа из нескольких тысяч человек окружила дворец наместника, где укрылся Убайдаллах. В его распоряжении было всего два десятка соратников и тридцать человек охраны. Но Муслим медлил, не желая открыто возглавлять мятеж и надеясь на стихийные действия толпы. Постепенно во дворец стянулись верные наместнику люди, и положение сил стало выравниваться. Постепенно пыл толпы угас, и люди начали расходиться. Через несколько часов на площади перед дворцом уже не было ни души.

Убайдаллах назвал Муслима «трусом и дураком» и потребовал немедленно привести его к себе. Через день Муслима, одинокого и всеми брошенного, настигли за городом в чьем-то саду и после короткой схватки доставили к наместнику. Никто не осмелился встать на его защиту. Вскоре он был казнен, его тело распято на базаре, а голова отвезена к Йазиду.

Гибель Хусейна

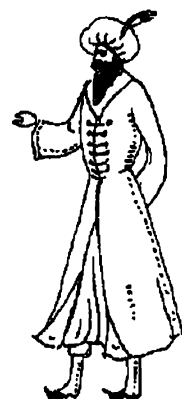
Хусейн в это время был уже в пути. Он выехал из Мекки со всеми своими женами, детьми и многочисленными родственниками. Караван почти достиг предместий Куфы, когда ему сообщили

о смерти Муслима и разгроме мятежа. Пораженный этим известием, Хусейн остановился, не зная, что делать дальше.

Казалось бы, решение было очевидно. Весь отряд Хусейна едва насчитывал сотню человек, а в Куфе стояла многотысячная армия. Продолжать поход было безумием и самоубийством. И все-таки Хусейн решил идти в Куфу.

Позже было придумано много версий, объяснявших этот удивительный поступок. Говорили, что братья Муслима настаивали на кровной мести и убедили Хусейна, что, как только он сам появится в Куфе, все изменится и горожане встанут на его сторону. Возможно, Хусейн был настроен фаталистически, как подобало истинному мусульманину, и хотел положиться на волю Аллаха, к чему бы это ни привело. Возможно, он считал недостойным отступать с раз выбранного пути, тем более что правда была на его стороне. Наконец, могло быть и так, что он сознательно стремился к мученичеству, собираясь принести себя в жертву ради справедливости и истины. В любом случае, Хусейн двинулся дальше. Он отправил своего гонца в Куфу, все еще надеясь переманить на свою сторону его жителей, а когда это не удалось (посланца казнили, сбросив с крепостной стены), обратился к своим спутникам и предложил всем, кто не хочет идти на смерть, оставить его и вернуться в Мекку. Многие так и поступили.

Следующие несколько дней Хусейн кружил вокруг города и пытался проникнуть в Куфу с разных сторон, но это было невозможно. Убайдаллах не пускал его в Куфу и посылал к нему разных людей с приказом принести присягу Йазиду. Хусейн объяснял посланцам, что поехал в Куфу только потому, что его просили об этом сами куфийцы, и в доказательство предьявлял два мешка писем. Он пытался убедить их в своей правоте и призывал благочестивых мусульман перейти на его сторону, чтобы сражаться за внука и наследника пророка. Все было бесполезно: многие слушали его сочувственно, но жертвовать своей жизнью никто не хотел. Наконец, ему поставили ультиматум: сдаться или умереть. Хусейн попросил один день на размышление и начал готовиться к сражению. Ночью он и его люди выкопали вокруг лагеря ров, плотно сомкнули шатры и обвязали их веревками, образовав защитную стену. В его отряде было всего семьдесят человек, в том числе тридцать два всадника; еще один, некий аль-Хурр, перебежал к нему перед самой схваткой. На стороне его противников было пятитысячное войско.

Несмотря на столь чудовищное преимущество куфийцев, сражение началось и продолжалось несколько часов. Куфийская конница атаковала нерешительно и вяло, пехота вообще не пошла в бой, и только лучники издали обстреливали врага, постепенно сокращая и без того маленький отряд Хусейна. Когда защитников почти не осталось, всадники беспрепятственно подъехали к шатру Хусейна и подожгли его, заставив женщин и детей с воплями выскочить наружу. Сам Хусейн, раненный мечом в голову, взял на руки своего малолетнего сына и молча сел у шатра. Враги окружили его, не решаясь напасть. Вскоре пущенная кем-то стрела убила ребенка. Хусейн, продолжая сидеть, попросил воды, и ему дали чашу, но когда он поднес ее к лицу, еще одна стрела пронзила ему рот. Мучимый жаждой, он будто бы встал и направился к реке, но ему не позволили напиться. Один из солдат ударил его мечом, второй пронзил копьем, третий отрубил голову. Вместе с Хусейном погибли пятеро его сыновей, семеро родных братьев и множество двоюродных братьев и племянников: пощадили только младшего сына Али, болезненного подростка.

Победители добились раненых и разграбили лагерь, отобрав у жен Хусейна драгоценности и роскошные наряды. Самого Хусейна раздели догола, хотя перед смертью он нарочно надел дырявые штаны, чтобы избавить себя от этого бесчестья. Когда его голову привезли в Куфу и бросили к ногам Убайдаллаха ибн Зийада, тот пренебрежительно потыкал ее в зубы палкой и назвал убитого «лжецом и сыном лжеца». Напуганные куфийцы, еще недавно сами призывавшие Хусейна в город, не посмели возражать.

Поход Хусейна и его гибель казались полным поражением шиизма, но, как ни странно, в действительности оказались его победой. Если бы Хусейн повел себя более благоразумно, возможно, это религиозное течение никогда не достигло бы такой широты и силы. Но безумный подвиг внука Мухаммеда поразил воображение современников и превратил его в главного мученика шиитов. Все участники битвы в Кербеле стали считаться святыми, а их имена обросли легендами.

Жажда Хусейна. Фраза «жажда Хусейна» стала у шиитов нарицательной. В одной из легенд рассказывается, как его брат Аббас бросился к реке и наполнил бурдюк водой, чтобы на-

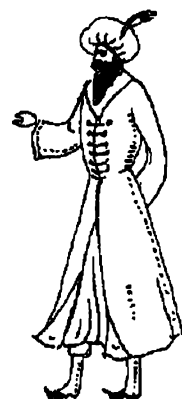
поить Хусейна. Враги отрубили ему обе руки, но он все равно принес воду, неся бурдюк в зубах. В праздник «ашура» шииты в память об этих событиях ставят на улице себилы — символические колодцы, в которых каждый желающий может выпить свежей воды. При этом пьющий обычно произносит: «Привет, Хусейн!»

Восстание Ибн аз-Зубайра

После отъезда Хусейна из Мекки главной фигурой сопротивления Йазиду стал Абдаллах ибн аз-Зубайр. Гибель Хусейна вызвала возмущение мекканцев и побудила Ибн аз-Зубайра призвать к выборам нового халифа. Все попытки Йазидом договориться с ним ни к чему не привели; максимум, что ему удалось, это с помощью подкупов и подарков переманить на свою сторону нескольких его соратников. Посланный против Ибн аз-Зубайра и мекканцев двухтысячный отряд Йазидом был разгромлен, а возглавлявший его Амр ибн аз-Зубайр (родной брат Абдаллаха, с которым они давно соперничали) — взят в плен и засечен до смерти.

Вскоре к восстанию присоединились и мединцы. Собравшись в мечети, они объявили Йазидом низложенным: каждый демонстративно скинул с себя чалму или сандалию и воскликнул: «Вот так я низлагаю и Йазидом!» Халифу ничего не оставалось, как отправить в город карательную экспедицию. Пятитысячная армия сирийцев подошла к Медине, жители которой углубили ров, выкопанный еще при Мухаммеде, и заделали проходы между домами, создав из них оборонительный вал. В завязавшейся битве перевес был на стороне мединцев, но их подвело отсутствие дисциплины: узнав, что небольшой отряд противника вошел в город с тыла, они бросились защищать свои дома и проиграли сражение. Сирийцы три дня безжалостно грабили город, убивая беззащитных горожан и насилая женщин. После бойни оставшиеся в живых мединцы заставили не только присягнуть Йазиду, но и предоставить в его распоряжение все свое имущество и собственную жизнь, то есть фактически объявить себя его рабами. Отказавшиеся были казнены, в том числе и старые сподвижники пророка Мухаммеда.

Покончив с мединцами, армия Йазидом двинулась к Мекке, где Абдаллах ибн аз-Зубайр собрал своих сторонников. Во время осады города произошел невероятный для истории ислама

эпизод: сирийцы начали обстреливать из катапульт священную Каабу, возле которой расположились Ибн аз-Зубайр и его люди. Некоторые историки сообщают, что удары катапульты и последовавший затем пожар повредили Черный камень. Словно в ответ на это кощунство, из Дамаска пришла новость о смерти Йазида. На очередной охоте он спьяну упал с лошади и разбился насмерть.

Новым халифом стал его слабый и болезненный сын Муавия II, передавший управление страной в руки своего двоюродного дяди Хасана ибн Малика. Это сразу изменило расстановку сил. Сирийская армия бросила осаду Мекки и вернулась в Дамаск. Египтяне списались с Ибн аз-Зубайром, предлагая признать его своим халифом. Даже младший Зийад в Басре не проявил лояльности к Муавии-младшему и предложил басрийцам держать нейтралитет.

Положение еще больше ухудшилось, когда Муавия-младший — благостный и тихий юноша, любивший размышлять о бренности земной жизни, — публично отрекся от власти и вскоре умер, не оставив преемника. В стране началось безвластие. Брат Муавии — Халид, на которого делали ставку Омейяды, больше интересовался наукой, чем политикой, и переводил греческие трактаты по химии.

В это время неожиданно объявил себя халифом Ибн аз-Зубайр. Ему присягнули Египет и Палестина, позже к ним присоединилась и Басра, измученная беспорядками, а за ней и весь восток. Даже в Дамаске у Ибн аз-Зубайра было множество сторонников. Возможно, и сами Омейяды в конце концов согласились бы признать его власть, если бы в Дамаске вдруг не появился Убайдаллах ибн Зийад, сбежавший из Басры. Его энергичное вмешательство убедило сирийцев собрать совет и выбрать на нем халифа. Им стал Марван аль-Хакам — глава влиятельного клана хакам.

Первым делом новый халиф отправил армию в Египет. Это была стратегически важная провинция, откуда в Мекку поступали золото и зерно. Хотя египтяне присягнули Ибн аз-Зубайру, часть местной знати поддерживала Омейядов и обещала Марвану помощь. Так и произошло: когда его армия появилась у Фустата, городская верхушка договорилась о почетной сдаче города. Вместе с Фустатом в подчинении Марвана оказалась вся египетская провинция.

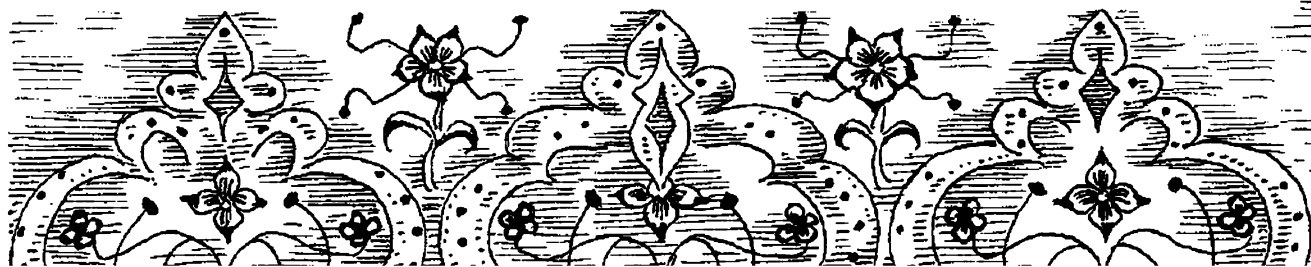
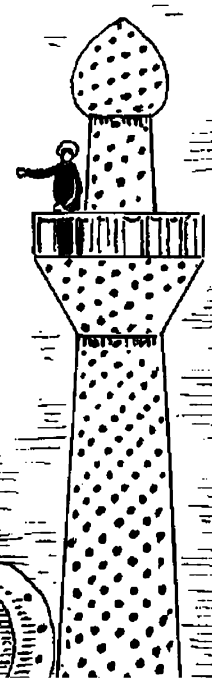
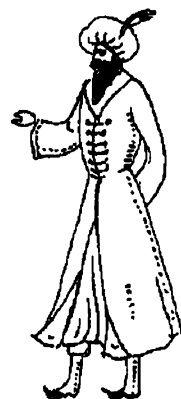
После египетского успеха Марван почувствовал себя достаточно сильным, чтобы объявить своим преемником не Халида, как это было решено на совете Омейядов, а своего собственного сына — Абд аль-Малика. Его предложение почти не встретило сопротивления.

Завоевание халифата Абд аль-Маликом

Абд аль-Малик в это время был уже немолод — ему исполнилось сорок, — и имел большой опыт в политике и ведении войны. Внешне он был привлекателен: высокий, статный, большеглазый, с орлиным носом, но страдал скупостью и любил лесть. Власть попала к нему в неудачное время: халифу приходилось одновременно отбиваться от арабов на юге и византийцев на севере. Во главе Византии стоял талантливый Константин IV Погонат, не так давно разбивший флот Муавии с помощью «греческого огня». Воспользовавшись раздорами арабов, византийский император за два года отвоевал Родос, Крит и Кипр и очистил от арабов все Средиземноморье, а на суше захватил Кесарию, Антиохию и Акку. Абд аль-Малику пришлось заключить с Погонатом унижительный мир, чтобы перебросить все свои силы на восстановление власти в халифате.

Его умелые и решительные действия быстро изменили ситуацию в стране. В течение двух-трех лет Абд аль-Малик разгромил несколько восстаний и мятежей, утвердил свою власть в Сирии и вторгся во владения Ибн аз-Зубайра. Действуя то силой, то дипломатией, то подкупом, он частью разбил, частью переманил на свою сторону большинство его союзников. С одним из них, Зуфаром, он даже породнился, женив на его дочери своего сына.

Пока Абд аль-Малик воевал на всех фронтах, Ибн аз-Зубайр продолжал пассивно сидеть в Мекке. Трудно понять, было ли это связано с его природной нерешительностью или с благочестивой уверенностью в том, что священный град ислама защитит его всякого зла. Тем временем принадлежавшая ему территория, в которую некогда входил почти весь халифат, стремительно таяла, пока в его распоряжении не осталась одна только Мекка. В марте 692 года город окружили многочисленные войска халифа во главе с его новым фаворитом — суровым и решительным аль-Хаджаджем.

Омейядский полководец не стал брать Мекку штурмом, а предпочел выждать, когда у ее защитников кончится провизия. Мучительная осада продолжалась семь месяцев. В последние недели голод стал невыносимым; под конец Ибн аз-Зубайр раздал воинам все запасы своего зерна и даже скормил им своего коня, но это не помогло. Наконец, аль-Хаджадж объявил, что помиует всех, кто добровольно покинет город, и большая часть мекканцев перешла на его сторону. В их числе был старший сын Ибн аз-Зубайра — Абдаллах. Сам Ибн аз-Зубайр с младшим сыном и кучкой бойцов засел в мечети, где стояла Кааба, и упорно сопротивлялся нападавшим, которым пришлось снова обратиться к помощи катапульты. В конце концов главе повстанцев ничего не осталось, как броситься в последнюю безумную атаку и погибнуть смертью храбрых. Тело Ибн аз-Зубайра распяли в Мекке, а отрубленную голову отправили Абд ль-Малику. С гражданской войной в халифате было покончено.

Аль-Хаджадж

После смерти Ибн Зийада, верного слуги Омейядов, халиф Абд аль-Малик нашел ему достойную замену — Кулейба ибн Юсуфа аль-Хаджаджа. Имя этого человека было достаточно красноречиво — оно означает «костолом». Бедняк и выходец из низов, аль-Хаджадж начал с должности учителя, потом вступил в армию и несколько лет служил в полиции Дамаска. Здесь он обратил на себя внимание халифа решительными действиями против мятежников, а когда ему удалось успешно расправиться с Меккой и Мединой, Абд аль-Малик сделал его своей правой рукой.

Человек жесткий и твердый, часто жестокий, аль-Хаджадж как нельзя лучше подходил для роли сильного лидера и усмирителя провинций. Незначительность происхождения делала его независимым от клановой борьбы и от почтения к старым соратникам пророка: он никого не уважал, никого не боялся и был лично предан одному халифу. Его не смутил даже кошунственный обстрел Каабы катапультой — безопасность государства была выше подобных мелочей. В Медине он велел на всех, кто посмел противостоять Омейядам, повесить свинцовые бирки рабов, невзирая на их знатность и прошлые заслуги. Чувствуя за спиной власть халифа, аль-Хаджадж вел себя высокомерно и презрительно, осыпая оскорблениями и угрозами каждого, кто

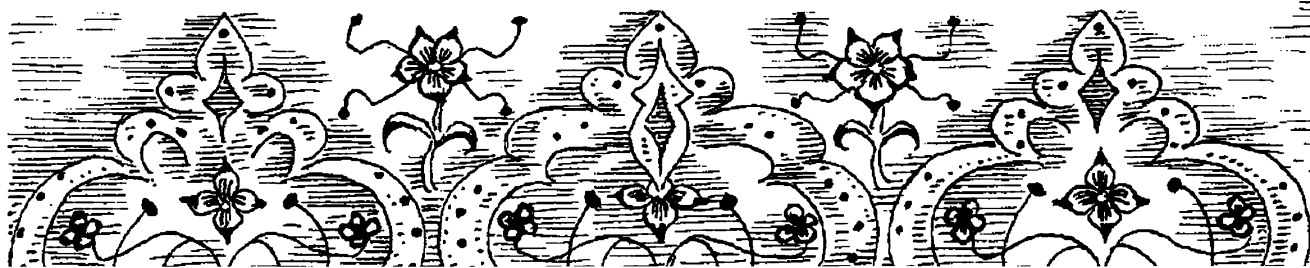
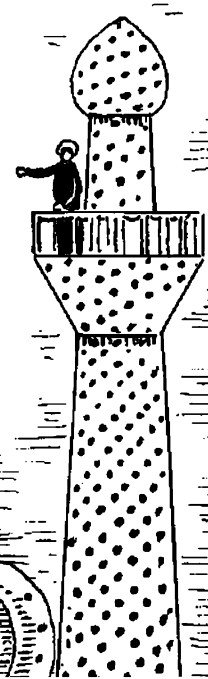
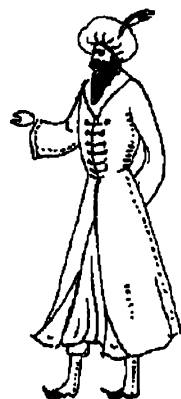
не проявлял лояльности к правителю. Зато и заслуги его перед халифатом были велики.

Как только в Куфе и Басре — источниках вечного брожения — начались новые волнения и стычки, Абд аль-Малик отправил туда аль-Хаджаджа, сделав его наместником всего Востока. Прибыв в Куфу, новый правитель сразу показал свой крутой нрав. Его громовая речь перед горожанами поразила куфийцев. «Воистину, вижу я созревшие головы, время жатвы которых наступило. Я буду брать вас в руки не так, как берут инжир, и не шумите мне старыми бурдюками! Я обдеру вас, как обдирают кору с деревьев, и забинтую повязками смирения. Я буду бить вас, как верблюда, отбивающегося от стада, и, клянусь Аллахом, не отстану, пока не добьюсь своего. Клянусь Аллахом, я наставлю вас на путь истины или же займусь телом каждого из вас».

Он объявил новый набор в иракскую армию и пригрозил казнить каждого, кто спустя три дня все еще останется в городе. Для примера он велел казнить какого-то старика, пришедшего просить об отсрочке. Призывники тут же толпами хлынули на фронт. «Наконец-то в Ирак пришел мужчина», — заметил возглавлявший войска ал-Мухаллаб.

Восстановив дисциплину, аль-Хаджадж успешно подавил все мятежи и смуты, непрерывно сотрясавшие восточную часть халифата. Чтобы не зависеть от ненадежных и вечно бунтовавших Басры и Куфы, он построил для себя новую столицу — Васит, что значит «середина». Город возвели на берегу Тигра всего за три года, согнав тысячи чернорабочих, мастеров и ремесленников со всего Ирака. Обитые железом двери и ворота для дворца и мечети вывезли из соседних городов, бесцеремонно сняв их с городских ворот и частных зданий. В центре города построили огромный мост через Тигр и монетный двор, чеканивший иракские дирхемы. Здесь, в окружении своих сирийцев, аль-Хаджадж чувствовал себя надежно и уверенно.

Кулейб аль-Хаджадж был верным слугой Омейядов и всегда считал, что государство и власть халифа важнее жизни его подданных. Он сурово преследовал всех несогласных и особенно ненавидел заносчивых аристократов, чье своеобразие грозило нарушить порядок в обществе. Казни, карательные походы, подавление мятежей — все было направлено на благо халифата. И все-таки, судя по той ненависти, которую испытывали к нему современники, его жестокость, видимо, превосходила принятые

в то время нормы. Многие первоисточники рисуют его просто чудовищем. Историк аль-Масуд писал, что он родился уродом без ануса и ягодиц, не пил материнского молока, а питался кровью животных. По словам того же историка, при аль-Хаджадже был казнены ни много ни мало сто двадцать тысяч человек. Когда он умер, в тюрьмах сидело восемьдесят тысяч человек, из них тридцать тысяч женщин. В числе этих узников было и 16 тысяч так называемых *муждаррадов* — «неприкрытых»: они сидели в тюрьмах без крыши, на солнце, холоде и дожде, причем мужчин и женщин содержали вместе. За жестокость мусульманские законники даже якобы собирались признать его *кафиром* — неверным, но сошлись на том, что он послан для испытания, как наказание от Бога.

В 714 году аль-Хаджадж умер от болезни, передав власть в Ираке не своим сыновьям, а начальнику городской полиции. Даже в момент смерти он думал о пользе дела.

Внешний облик аль-Хаджаджа был мрачен и внушал страх. Он всегда ходил в черной чалме и панцире, с колчаном и луком. Близко знавшая его Умм аль-бинин, жена халифа Валида, говорила, что лучше встретиться с ангелом смерти, чем с аль-Хаджаджем. Так или иначе, для арабов он стал легендарной личностью, одной из ключевых фигур мусульманской истории, величественной, но устрашающей и мрачной. В нравоучительных рассказах и сказках это один из популярных персонажей, воплощение сильного и немилосердного властителя.

Валид I

После Абд аль-Малика должен был править его младший брат Абд аль-Азиз, но он умер от болезни, и наследниками стали сыновья халифа Валид и Сулейман. Вопреки всем правилам им принесли присягу еще при живом халифе. Какой-то законовед, пытавшийся возразить против этого нововведения, получил сто ударов плетью.

Валид пришел к власти после смерти отца, в 33 года. На вид он был крепок, хорошо сложен и высок ростом. Только оспины и приплюснутый нос портили его лицо. Новый халиф не любил наук, был грубоват и энергичен, часто впадал в гнев. Положение его в государстве было прочно и надежно: западом халифата правили его братья и дядья, а востоком — аль-Хаджадж.

Валид I прославился прежде всего как строитель. Он возвел знаменитую мечеть в Дамаске, пригласив мастеров и живописцев из самого Константинополя. Колонны, инкрустированные разноцветным мрамором, великолепная мозаика на стенах, гигантский купол с роскошной позолотой, пол, устланный тысячами ковров, — это было лучшее сооружение во всем арабском мире. В комплекс мечети вошла и перестроенная церковь Иоанна Крестителя, которую Валид, вопреки всем обещаниям и договорам, отобрал у христиан. Правда, ее главную святыню — голову Иоанна — он оставил: она до сих пор хранится на прежнем месте вместе с головой Хусейна, сына Али.

По приказу Валида была перестроена и расширена старая мечеть в Медине, хотя для этого пришлось снести дома жен пророка Мухаммеда, где жили их наследники. В его правление в исламских странах впервые появились минареты, подражавшие колокольням христианских храмов, и михрабы — ниши, указывающие направление к Каабе.

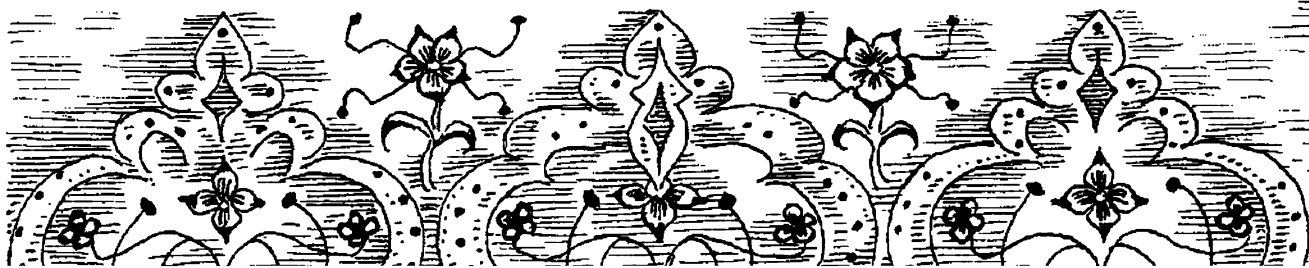
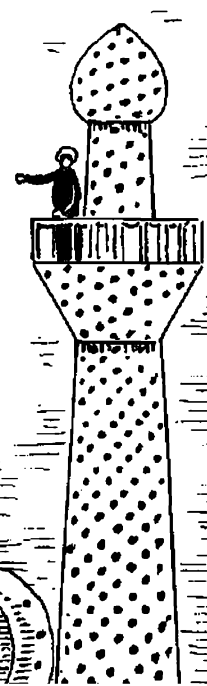
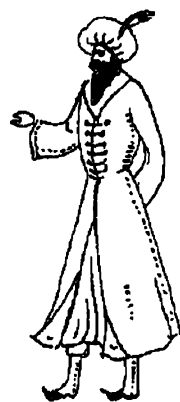
Валид не был чужд милосердия и благотворительности. В Медине он построил лепрозорий для прокаженных и распорядился приставить к каждому слепому поводыря, а к каждому парализованному — слугу. В Дамаске по его распоряжению аль-Хаджадж организовал бесплатную лечебницу.

При Валиде территория халифата увеличилась еще на миллион квадратных километров, а население — на миллион подданных. Но сам он никак не участвовал в этих завоеваниях, предоставив действовать своим наместникам, от которых только получал пополнения в казну. Во всем остальном он позволял им править независимо, по крайней мере, до тех пор, пока это шло во благо государству.

Через десять лет правления Валид заболел и в сорок четыре года умер в христианском монастыре близ Дамаска (715).

Сулейман

Следующим халифом стал младший брат Валида, 36-летний Сулейман. Внешне он был более привлекателен, чем брат: высокий, стройный, длинноволосый, с властным и красивым лицом, выделявшимся сросшимися бровями и необычной для араба светлой кожей. Подданные восхваляли его щедрость, называя «ключом благ». Его главной слабостью были еда и роскошные

наряды. Сулейман первым ввел в моду шаровары — *сирваль* — и легкие пестрые ткани для мужчин.

Власть проявила худшие черты его характера — вздорность, самодурство, ненужную жестокость. Однажды к Сулейману во время пира привели несколько сотен пленных византийцев. Сулейман лично бросился их избивать и потребовал того же от всех присутствующих. Гостям пришлось взять мечи и рубить головы пленникам. При этом его считали культурным и благочестивым правителем.

Придя к власти, Сулейман устранил всех людей Валида и заменил их своими. Аль-Хаджадж к тому времени уже умер, но халиф отыгрался на его родственниках: их арестовывали, пытали, убивали, вымогали деньги. Позаботился он и о преемнике, приведя подданных к присяге своему сыну Айюбу. Однако Айюб вскоре умер, и вопрос о наследнике повис в воздухе.

Военные действия при Сулеймане не были так успешны, как при Валиде. Однако именно Сулейман чуть не захватил Константинополь. Он послал своего брата Масламу, который окружил город со всех сторон, как с суши, так и с моря. Столица ромеев никогда еще не был в такой опасности. Но через год осада была снята. В решающий момент египетские копты, успевшие возненавидеть арабов, перешли на сторону византийцев, что определило исход битвы. Помог и «греческий огонь».

В 717 году Сулейман неожиданно заболел и умер. Хотя у него оставались сыновья, перед смертью он объявил наследником Омара ибн Абда аль-Азиза — за его великое благочестие. Возможно, выбрав в правители праведника, Сулейман хотел замолить свои грехи.

Омар II

Омар II — идеал мусульманского государя, иногда его называют «пятым праведным халифом». Жизнь подданных при нем считалась образцовой. Он отличался благочестием, набожностью, терпимостью и мягкостью. Внешность у него тоже была образной — тонкие черты лица, подчеркнутые пышной бородой.

Омар родился и жил в Египте. В юности лошадь ударила его копытом, и отметина от ее подковы осталась на его лице на всю жизнь. После этого его старший брат Абан, ученый, умевший видеть будущее, предсказал Омару, что он станет халифом.

В юности Омар был близок ко двору Омейядов, а потом и породнился с ними: Абд аль-Малик выдал его сестру замуж за своего сына Валида. Вскоре Омар приобрел такой почет, что получил право сидеть даже выше сыновей халифа, кроме Валида. Он был очень богат и тратил огромные деньги на лошадей, наряды и предметы роскоши. Молодой князь покупал самые дорогие духи, и многие старались стирать свою одежду в той же прачечной, что и он, чтобы она пропиталась запахом его духов.

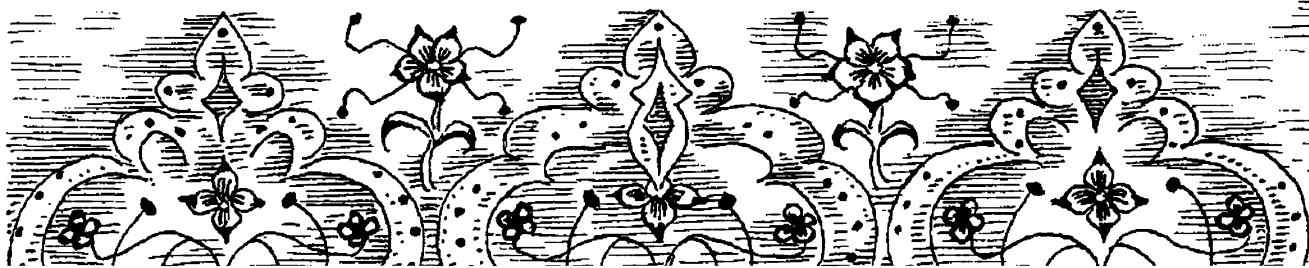
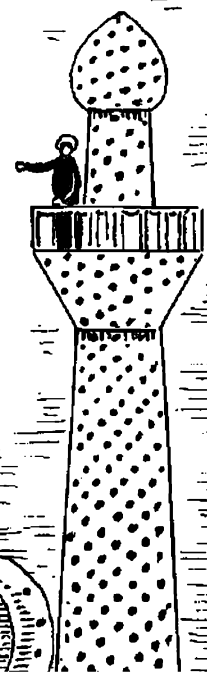
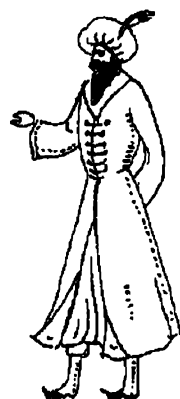
При дворе Сулеймана, большого любителя женщин и пиров, Омар вел вольный образ жизни. В это время его описывали как крепкого жизнерадостного мужчину, не чуждавшегося удовольствий и развлечений. Женщин он, видимо, тоже любил, судя по тому, что от одной только рабыни-наложницы у него родилось девять детей.

Своей добротой он смягчал жестокий нрав Сулеймана. Однажды халиф приказал сжечь в Иерусалиме всех прокаженных, которые раздражали его звоном своих колокольчиков. Омар уговорил его просто отослать их в дальнюю деревню.

Став халифом, Валид I сделал его наместником Медины. Уже тогда Омар прославился своей милостью: при нем в Медину бежали те, кого преследовал аль-Хаджадж.

Придя к власти в 35 лет, Омар полностью переменял свое поведение. Он отказался от роскоши, раздал свои имения и стал приверженцем бедности и простоты. Говорили, что, став халифом, он «пересел с коня на мула». Законом страны он сделал благочестие и точное следование исламу. В это время как раз наступил сотый год хиджры. Арабы были уверены, что мусульманская община просуществует только сто лет, а потом наступит конец мира. Религиозные, даже покаянные настроения были очень велики. Этому соответствовало и правление Омара. Он стал аскетом, худым и бледным, как монах. Весь его костюм стоил не более 12 дирхемов. Рассказывали, что он носил только одну рубашку, и когда она была в стирке, не мог выходить на люди. Он никогда не улыбался, ел один хлеб и чечевицу с чесноком. Его волновало только спасение своей души. Он говорил, что, став халифом, достиг предела земных благ и отныне ищет лишь райского блаженства.

В том же духе он управлял своей страной. Омар распорядился установить мир во всем халифате, отвел войска от Константинополя и заключил мир с Византией. Взамен он попросил им-

ператора построить в своей столице мечеть, что и было сделано. Большинство наместников он сместил за жестокость и произвол и поставил на их место других, поручив им заботиться о бедных и никого не притеснять. В своих посланиях он предписывал им не отрубать рук должникам, гасить долги неимущих из казны, не бить животных кнутом с железными наконечниками, писать сжатым почерком, чтобы экономить дорогой папирус. Омар считал, что мусульмане должны довольствоваться тем, что имеют, и им не нужны никакие завоевания. Вместо этого он отправлял соседним правителям послания, убеждая их принять ислам.

Омар приказал освободить от налогов всех, кто принял ислам. После этого количество мусульман сразу резко увеличилось, а поступления в казну — сократились. Он смягчил подати от христиан и освободил от них церковное духовенство. Он щедро платил жалованье армии, старался возместить ущерб тем, кто пострадал при прежнем халифе. Казна при нем опустела, за что его упрекали впоследствии. Но все, даже христиане, считали его образцовым, милосердным и богобоязненным правителем.

Даже к шиитам Омар проявлял благосклонность и запретил проклинать Али в мечетях, как делалось до него. Он попытался договориться и с хариджитами и устроил с их представителями богословский и политический диспут об исламе. При всем своем благочестии хариджиты не смогли предъявить никаких претензий лично к Омару.

Омар пытался сделать общество более благочестивым. Он запретил египетскому наместнику и всем египтянам пить вино, винные лавки были уничтожены. Женщинам он запретил посещать общественные бани. Мужчины в банях должны были носить купальные костюмы — мизар.

При дворе говорили только о Коране, молитвах и посте. Омар считал, что верить надо просто, как ребенок или бедуин, и не думать обо всем остальном. Поэзия и наука при нем не пользовались особым покровительством: мусульманину больше пристало помогать беднякам, чем давать деньги ученым и поэтам. Халиф избегал дворцов и почти не бывал в столице, предпочитая жить в каком-то пограничном городке на краю пустыни. Роскошь, даже в мечетях, вызывала у него досаду: он считал, что золото и украшения отвлекают от молитвы.

Заболев в дороге, Омар остановился в христианском монастыре Симеона Столпника, где вскоре умер, по преданию, купив за 10 динаров место для погребения у одного монаха (720).

Йазид II

Младший брат Валида и Сулеймана Йазид II тоже пришел к власти в тридцать пять. Он был светлокожий, как его брат Сулейман, и такой же любитель повеселиться и покутить. Этот часто влюблявшийся жизнелюб без счета тратил деньги на свои развлечения: когда ему понравились какие-то две смазливые невольницы, он заплатил за них целое состояние.

После аскетичного и миролюбивого Омара Йазид делал все в точности наоборот: приказал отменить налоговые льготы, поспорил с хариджитами, поменял наместников провинций. Налоги стали брать даже с финиковых пальм и плодовых деревьев, чего раньше никогда не было.

Ему пришлось подавлять бунт аль-Мухаллаба, восставшего против халифской власти. Аль-Мухаллабу удалось захватить Басру и напасть на Куфу. Во время решающей битвы с армией Омейядов на его глазах погиб брат, и взбешенный аль-Мухаллаб бросился в гущу врагов и пал в бою.

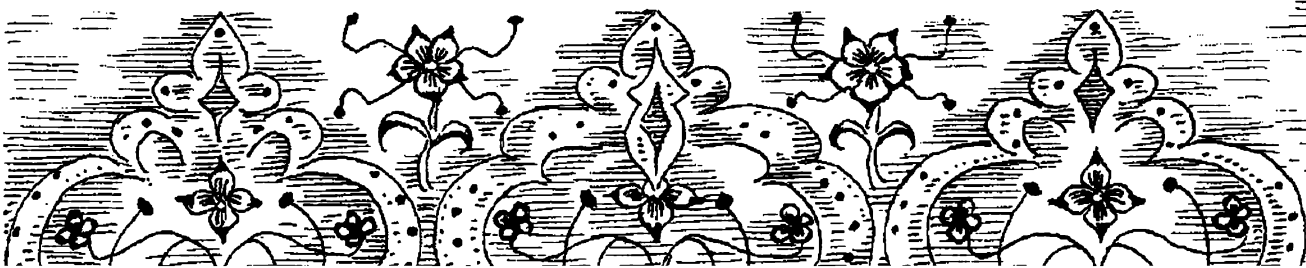
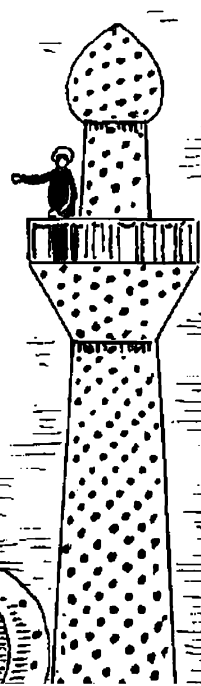
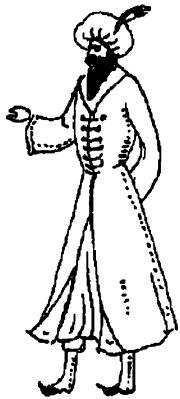
У Йазиды были свои странные и жестокие причуды: он приказал убить всех животных белого цвета, а потом переключился на людей, распорядившись уничтожить всех альбиносов. Этот приказ не успели выполнить только из-за его смерти.

Он первым из халифов приказал уничтожать христианские кресты и иконы.

Йазид умер в своем поместье в Иордании в конце января 724 года от неожиданной болезни. Власть перешла к его брату Хишаму.

Хишам

Хишам, ставший правителем в 32 года, считался «работником на троне». Он строил крепости, оросительные каналы и налаживал экономику. При нем казна наполнилась, а государство расцвело, но строгое взимание налогов вызвало недовольство. Снова начались мечты о всеобщем равенстве мусульман, освобождении от податей и притеснений, вспыхнули бунты и мятежи.

В личной жизни Хишам был скромен и благочестив, хотя некоторые биографы описывали его как человека скупого и грубого до жестокости. Дурной характер халифа объясняли тем, что от рождения он был косоглаз. Его главной страстью были лошади: он обожал коней, тратил на них большие деньги и держал в своей конюшне две тысячи скакунов.

Став халифом, он по традиции сместил большинство наместников в провинциях и поставил новых. Боевые действия его не очень волновали: пограничные районы воевали за свой счет, не обременяя расходами правителя. Внутренняя оппозиция была, по всей видимости, разгромлена предыдущими халифами, а об угрозе Аббасидов тогда еще не догадывались.

Хишам правил долго — 20 лет, и скончался от болезни в своем дворце, когда ему было пятьдесят два (743).

Валид II и Йазид III

Второму халифу по имени Валид было немногим более тридцати. Историки писали, что у него были необычно длинные пальцы на руках и на ногах. В качестве правителя Валид не совершил ничего достойного и прославился скорей как пьяница и поэт. Занимался он в основном тем, что пировал и ездил на охоту. Благочестием этот правитель тоже не отличался: однажды в сирийском монастыре вместе с товарищами он по пьяни устроил шутовскую службу на христианский манер, после чего со смехом объявил себя кафиром, то есть «неверным».

Все это не нравилось его двоюродному брату Йазиду, сыну первого Валида. Он не имел никаких прав на престол, но, как правоверный мусульманин, не мог равнодушно смотреть на бесчестие нового халифа. Взяв с собой двенадцать единомышленников, он отправился в Дамаск, дерзко ворвался ночью во дворец наместника и к утру захватил власть в городе.

Эта смелая авантюра привлекла к нему множество сторонников, которые стали толпами стекаться в Дамаск. Скоро у Йазиды образовалась большая армия, способная бросить вызов халифу. Валид II, продолжавший все это время пировать и отмахиваться от сообщений о заговоре, не смог организовать сопротивления. Ближайшие союзники оставили его и перешли на сторону Йазиды. Поняв, что все пропало, Валид достойно встретил смерть. Подражая праведному халифу Осману, он взял в руки Коран

и сел во дворе дома, отказавшись вытащить меч против набросившихся на него врагов. Его изрубили мечами и отсекли голову и кисть левой руки.

Придя к власти, Йазид III сразу заявил, что действовал не из корысти и не ради славы, а исключительно «ревнуя об Аллахе». Он демонстративно подчеркивал свое благочестие и выступал за строгое следование нравственности, хотя многие правоверные мусульмане считали его еретиком, приверженцем учения кадаритов (одного из течений в исламе) о свободе воли. Но когда жители города Химса предложили ему передать трон сыну Валида II, Йазид наотрез отказался. С помощью армии он решительно подавил недовольство, вспыхнувшее сразу в нескольких провинциях, а некоторых наиболее опасных соперников подкупил, предложив им более обширные владения.

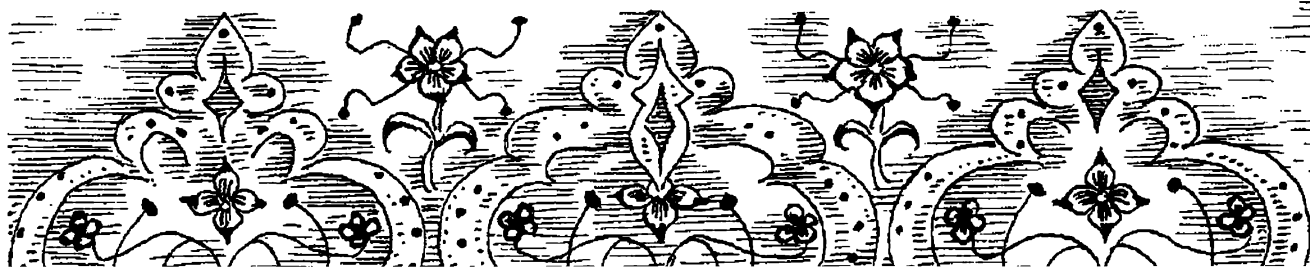
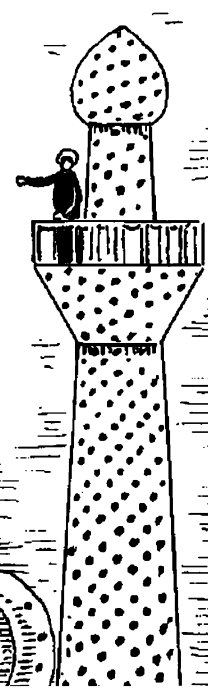
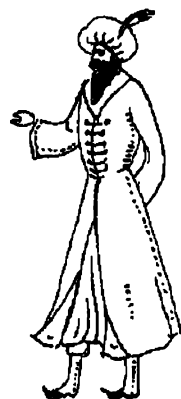
Йазид утверждал, что он не только Омейяд, но и потомок римских цезарей и персидских царей (его матерью была дочь последнего персидского шаха Йездигерда III). Но это не помогло ему удержаться на троне. Он правил всего полгода и в 744 году умер от болезни, передав трон своему брату Ибрахиму.

Ибрахим

Ибрахим тоже не сумел удержать власть в руках. Против него восстал армянский наместник Марван, двинувший свои войска на Дамаск. К нему присоединились все, кто считал свержение Валида II незаконным и хотел видеть халифом одного из его сыновей. В битве, продолжавшейся целый день, результат долго оставался неопределенным, пока Марван не прибег к хитрости, отправив часть войска в тыл противника и наведя на реке мосты из наскоро срубленных деревьев.

Узнав о поражении, Ибрахим первым делом послал своих людей в тюрьму, где держал сыновей Валида II, и приказал разозжить ими головы палицей. Сам он сбежал из Дамаска, прихватив с собой деньги и ценности. Но после вступления в город Марвана он вернулся, покаялся и был помилован, добровольно передав власть Марвану.

Тело Йазиды III, благочестивого бунтовщика, выкопали из земли и распяли на центральных воротах.

Марван II

Марван II стал последним из Омейядов. Он был хорошим воином, но слишком благоволил армии и кайситам в ущерб всем остальным. В конечном счете это объединило против него всех.

Кайситы и калбиты. Омейядские халифы постоянно балансировали между двумя группами арабов: южанами калбитами, оседлыми, мирными и зажиточными людьми, и северянами кайситами, грубыми и воинственными кочевниками. Обычно, чем хуже было положение в государстве, тем большим влиянием обладали кайситы, и наоборот.

Марвану пришлось иметь дело с множеством восстаний, одновременно вспыхнувших в разных уголках халифата. Если раньше Омейяды опирались на сирийцев как цельное и неделимое ядро своей власти, то теперь и это ядро дало трещину. В сирийском Химсе, населенном в основном южными арабами, противниками кайситов, провозгласили халифом Сулеймана ибн Хишама. В Ираке неумные хариджиты под руководством нового энергичного вождя ад-Даххака разбили правительственную армию и захватили Куфу. В Египте выгнали присланного из Дамаска наместника и призвали не повиноваться халифу.

Марван носился со своей армией от одного города к другому, повсюду громя бунтовщиков и наводя порядок. В кровопролитной битве он сумел разбить Сулеймана, который с остатками армии бежал к ад-Даххаку и объединил с ним свои силы. Сулейман, сын халифа Хишама, чистокровный Омейяд, вступил в союз с хариджитом — еще недавно такое казалось немыслимым, но государство Омейядов уже трещало по швам.

В следующем сражении Марван разгромил ад-Даххака, который погиб на поле брани. Но восставшие снова объединились вокруг его преемника, аль-Хайбари, и едва не сокрушили Марвана в новой битве. Был уже захвачен лагерь, сам Марван бежал, и только его сын Абдаллах отчаянно сражался на флангах. В последний момент Абдаллах обратился к рабам с призывом вступить в бой, пообещав им свободу. Несколько тысяч рабов тут же схватились за оружие, и под их напором войско али-

Хайбари был опрокинуто, а сам вождь убит. Марван, успевший сбежать довольно далеко, возвратился, чтобы принять победу из рук сына.

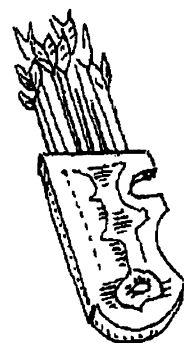
Но его триумф был недолгим: в Аравии хариджиты захватили Мекку и Медину, а в Хорасане, дальней восточной провинции халифата, вспыхнул мятеж во главе с Абу Муслимом, сторонником новых претендентов на власть — Аббасидов.

Заговор Аббасидов

Свои права на трон Аббасиды строили на двух основаниях — родственных связях с пророком Мухаммедом и шиитском почитании Алидов. Первое не вызывало сомнений: Аббас был дядей пророка, и хотя ни он, ни его потомки ничем себя не проявили, сам факт родства с посланником Аллаха придавал им огромный авторитет. Что касается шиитов, то они считали законными правителями потомков трех сыновей Али — Хасана, Хусейна и Мухаммеда. После смерти последнего почитание Алидов перешло на его сына Абу Хашима. В какой-то момент Аббасиды создали легенду (хотя это могло быть и правдой), что Абу Хашим, путешествуя вместе с правнуком Аббаса, которого тоже звали Мухаммед, неожиданно заболел и умер, передав свой имамат Мухаммеду, а в его лице — и всем Аббасидам.

В отличие от простодушных хариджитов, восстававших при каждом удобном случае и без конца терпевших поражение, чтобы через некоторое время снова взбунтоваться в другом месте, Аббасиды готовили свой переворот тщательно и в глубокой тайне. Создав что-то среднее между революционным подпольем и религиозной сектой, они долго и терпеливо вели скрытую пропаганду, оставаясь незамеченными для властей. Аббасиды агитировали за возврат к патриархальному исламу. Им удалось убедить многих жителей, что только они смогут восстановить первоначальный подлинный ислам, при котором все мусульмане будут жить в религиозном равенстве и почитании Корана. К этому течению присоединились все, кто был недоволен Омейядами и мечтал о восстановлении «настоящего» ислама, включая хариджитов и шиитов.

Омейяды до самого последнего момента не подозревали, что в далеком Хорасане существует мощная, хорошо подготовленная организация, составлявшая ядро будущего мятежа. В какой-то

момент они даже случайно арестовали ее главу, Сулеймана ибн Касира, но, не увидев в его деятельности ничего предосудительного, выпустили на свободу.

По легенде, инициатором движения за передачу власти Аббасидам был некий Букайр ибн Махана из Куфы. Как и многие куфийцы, он ненавидел Омейядов и считал, что страной должны править потомки пророка. Букайр обратился к Мухаммеду ибн Али, правнуку Аббаса, и привез ему пожертвования от шиитов: 190 золотых динаров, золотое кольцо и халат, сшитый какой-то женщиной. Эти средства и образовали первый фонд, из которого потом выросла аббасидская революция.

Мухаммед ибн Али отправил Букайра в Мерв, ставший к тому времени восточным форпостом мусульман. Это был богатейший и крупнейший город Востока, где очень слабо ощущалась власть халифа. Здесь Букайр ибн Махана создал свою подпольную структуру, назначив двенадцать накибов, то есть уполномоченных, и семьдесят их помощников. Все они принесли присягу Мухаммеду. Во главе всей организации встал представитель местной знати Сулейман ибн Касир.

Миссионеры Букайра и Сулеймана проповедовали не власть Аббасидов — о них вообще не упоминалось, — а власть людей из семьи пророка. Это была благочестивая идея, которую поддерживали все, недовольные текущим положением вещей, а таких всегда находилось много. Каждый видел в ней то, что хотел: арабы — возрождение чистого ислама, мавлá (принявшие ислам инородцы) — равенство всех перед Аллахом, бедняки — справедливое распределение добычи, богачи — новые возможности.

Восстание Абу Муслима

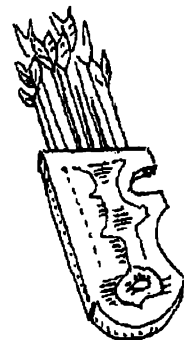
К этому времени Мухаммед ибн Али умер, и новым имамом стал его сын Ибрахим ибн Мухаммед. Его главным помощником был Абу Муслим, по происхождению перс, освобожденный из рабства и принявший ислам. По поручению имама он собирал для него средства и готовил восстание в Мерве. Когда пришло время, Ибрахим отправил своему слуге знамя — знак начала мятежа — и письмо, ставившее его во главе восстания. Абу Муслим немедленно объявил о своей миссии на совете повстанцев. Это привело в бешенство Сулеймана ибн Касира, аристократа,

возглавлявшего аббасидское подполье в Мерве: он не желал подчиняться какому-то безродному выскочке, бывшему рабу, даже не арабу, а чужаку, который, по его словам, «неизвестно, из какого яйца вылупился». В гневе он швырнул в Абу Муслима чернильницу, в кровь разбив ему лоб. Но остальные встали на сторону нового вождя: слово имама — закон. Сулейману пришлось смирить свою гордость и объединиться с Абу Муслимом ради общего дела.

Утром 9 июня 747 года Абу Муслим воткнул в землю черное знамя имама, к которому со всех сторон начали стекаться сторонники Аббасидов. Все они тоже были в черном. Собралось около пяти тысяч человек, в основном местная беднота, беглые рабы, люди из низов, не умевшие воевать и почти не имевшие оружия. Наместник Хорасана, по имени Наср, отнесся к ним пренебрежительно. На его памяти было уже столько восстаний и мятежей, что еще одно не вызывало особых опасений. Он считал, что главная опасность исходит от хариджитов и калбитов. Но армия Абу Муслима быстро крепла и росла и скоро превратилась в серьезную угрозу. Наср обратился за помощью к халифу, но получил лаконичный ответ: «Срежь бородавку сам». Марван в это время отвоевывал Мекку и Медину, и у него не было сил разбираться с восточными провинциями.

Не получив помощи из центра, Наср долго пытался сдержать восставших своими силами, но в конце концов был вынужден бежать. Только тогда Марван II наконец выслал против мятежников армию, но было уже поздно: армия Аббасидов в нескольких битвах наголову разгромила правительственные войска и с триумфом вошла в Куфу. Последняя отчаянная попытка Марвана спасти ситуацию провалилась: его войско было уничтожено, а сам он бежал в Египет, где вскоре был убит. Аббасиды не ограничились одним Марваном — они перебили всех представителей рода Омейядов, а уже мертвых омейядских правителей вышвырнули из могил. Омейядский наместник Йазид ибн Хубайр, все еще оказывавший сопротивление, сложил оружие в обмен на гарантию жизни и свободы, но не получил ни того, ни другого: его казнили вместе с приближенными.

Во главе халифата встал первый представитель новой династии Аббасидов — Абу-ль-Аббас ибн Мухаммед.

Глава 5. Культура Омейядов

Поэзия

Омейяды, как и положено восточным правителям, покровительствовали поэтам. Хотя традиция поэтических соревнований продолжалась и в пригороде Басры Мирбаде, где останавливались караваны, на верблюжьем рынке устраивалась ярмарка, на которой выступали поэты и рассказчики историй, большинство поэтов переместилось ко дворам халифов, где они соревновались уже за внимание и дары властителя.

Вкусы правителей и меценатов диктовали поэтам свою волю. Кроме восхвалений, халифы и другие омейядские вельможи любили любовные стихи и описание дружеских попок. При Омейядах впервые появилась чистая лирика — небольшие стихотворения о любви, которые пели под лютню, описания военных походов и битв, стихи на коранические темы. По сравнению с бедуинской касыдой кругозор поэзии сильно расширился: теперь описывалась не только пустыня, но и сады, реки, фонтаны, дворцы, городские улицы. Поэты вкрапляли в стихи сцены охоты и пирушек, иронические зарисовки уличной и придворной жизни, шутки и пародии.

«Тремя китами» арабской поэзии того времени были аль-Ахталь, аль-Фарадзак и Джарир. Характерно, что все трое постоянно ссорились и поливали друг друга грязью в стихах, порой в самых грубых и непристойных выражениях.

Первый, аль-Ахталь, чистокровный араб из христиан-монофизитов, не был мусульманином, но так удачно восхвалял халифов, что получил титул «поэта Омейядов». Возможно, именно он придумал называть представителей династии Омейядов «халифами Аллаха», то есть заместителями не пророка, а самого Господа. Хвалебные стихи аль-Ахталя считались непревзойденным образцом этого жанра. Сравнение щедрости халифа с рекой Евфратом поразило арабов до глубины души, а Харун ар-Рашид считал одно из его двестишый лучшим, что было когда-либо написано о халифах.

Характер у него был скорее добродушный, он любил выпить и прекрасно описывал не только дружеские пирушки, но и само вино, во всех его качествах и проявлениях. Когда халиф Абд аль-

Малик предложил ему принять ислам, он ответил, что лучше пить вино, чем быть мусульманином.

Налейте всем! Да здравствует вино!
Как муравьи в песке, ползет в моих костях оно...
И закипают пузырьки на дне, как будто там
Сто человечков, и они, смеясь, кивают нам.

Перевод Н. Мальцевой

В жанре поношений он был самым деликатным из поэтов и никогда не писал ничего, что «не могла бы произнести девушка в присутствии отца».

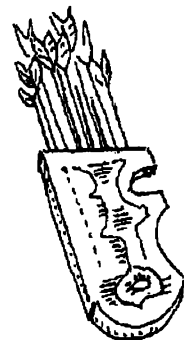
Аль-Фарадзак, коротышка с толстым животом, за свою внешность получил прозвище «кусочек теста». Как человек он был довольно беспринципен, служил разным господам, восхваляя их во время успеха и понося после поражения. Среди неприглядных черт его характера называют жадность, трусость, наглость, высокомерие, бахвальство, разгульность и развратность — целый набор пороков. Когда один богач подарил ему тысячу дирхемов, кто-то из стоявших рядом заметил: «Ему хватило бы и тридцати: десять на шлюх, десять на еду и десять на выпивку». Он пережил десять омейядских халифов, каждого из которых восхвалял сверх меры. Абд аль-Малика он прямо называл «лучшим из живущих людей»:

О правоверных властелин, владыка жизни, мой халиф,
Здесь, после Бога, ты один и всемогущ, и справедлив!

Перевод Ю. Александрова

Современники боялись его острого и злого языка, а его стихотворная перебранка с Джариром вошла в легенду.

Третий из великих, Джарир, был бедным бедуином, пасшим в детстве скот. В соперничестве с аль-Ахталем и аль-Фарадзаком он всегда проигрывал из-за своего худородства («дырявой родословной», как острил аль-Фарадзак), поэтому халифы ценили его ниже и награждали меньше. Удерживаться при дворе ему помогало покровительство всемогущего аль-Хаджаджа, который питал к нему симпатию, хотя даже его удивляла неутомимая злобность поэта. Желчный и ядовитый Джарир специализировался больше по поношениям, чем по хвалам. Сравниться с ним в этом жанре не мог никто (кроме разве что аль-Фарадзака). Быть вы-

смеянным Джариром считалось почетным — это позволяло причаститься к его славе. Далеко не каждого он удостоивал ответом и насмешкой. При этом никакой морали для него не существовало — в ход шли клевета, издевки, площадные ругательства. Так, аль-Фарадзака он называл «мерзким выкидышем», «коротконогим ублюдком», сыном шлюхи и тому подобное, а про его отца писал, что тот «грязен, как лужа, где барахтается осел».

Хиджазцы

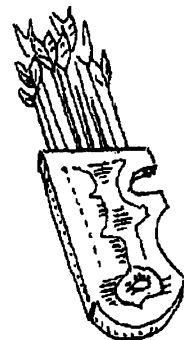
В омейядское время в Хиджазе появилась любовная лирика в форме небольших песен — газелей. Это было как бы продолжение греческой и римской лирической поэзии Катулла, Тибулла и Секста Проперция. Она возникла сразу в двух видах: легкая и чувственная лирика крупных городов и трагическая, бедуинская поэзия пустыни.

Первая расцвела прямо в родовом гнезде пророка — Мекке и Медине, причем всего через полстолетия после принятия ислама. После победоносных войн в священные города хлынул поток неисчислимых богатств, быстро приучивший их жителей к роскоши и развлечениям. В это время стало модно быть изнеженным, праздным, легкомысленным и сластолюбивым. Молодые повесы, проводя время в безделье, выглядывали себе красивых девушек среди молодых паломниц, стекавшихся со всего халифата в Мекку. Смелые романы завязывались прямо в мечетях или у Каабы, где женщинам приходилось откидывать покрывала, чтобы поцеловать Черный камень. «Она отказывает мне в том, что дает другому!» — возмущенно восклицал поэт, описывая этот поцелуй.

Интрижки старались заводить в основном с замужними женщинами, чтобы обострить чувства. Особенно пикантно, например, было забраться в спальню дамы, где она спала вместе с супругом «и рука ее была для него подушкой». Дерзко овладеть женой чуть ли не глазах мужа — что могло быть увлекательней и слаще? Поэт аль-Ахвас скромно замечал, что не вступает в связь только с двумя видами женщин: своими соседками и женами друзей. В своей вызывающей аморальности поэты порой заходили слишком далеко. Того же аль-Ахваса за мужеложство и распутство высекли и отправили в ссылку, а поэт Ваддах, соблазвивший жену самого халифа, был казнен (по легенде, его живьем закопали в землю

в сундуке). Но именно эта легкая и пьянящая поэзия, лишенная какой бы то ни было нравственности, стала законодательницей мод при дворе Омейядов, а потом и Аббасидов.

Самым известным из когорты хиджасских лириков был Омар ибн Аби Рабиа из Мекки — местный богач, красавец, блистательный острослов, умевший очаровать любую женщину. Во время хаджа при прибытии новых паломниц он облачался в самую дорогую одежду, расшитую золотом, душился благовониями и отправлялся искать новую любовь. Его не интересовала ни политика, ни деньги, поэтому он не писал панегириков: когда халиф Сулейман попросил его сочинить для него хвалебную касыду, поэт ответил, что восхваляет только женщин. И действительно, почти все его стихи — любовные газели. Зато в этом жанре он был непревзойденным мастером и знатоком, досконально разбиравшимся в тонкостях любовных отношений. Мужчины и женщины у него — искушенные соперники и союзники, одинаково сведущие в «науке любви» и во всех ее хитростях и уловках. В одной газели он дает советы мужчине, как вести себя с девушкой, в которую влюблен (не показывай ей свою страсть, не посещай ее слишком часто и т. д.), а в другом выступает уже от имени женщины, поучающей свою подругу, как привлечь понравившегося юношу: надо случайно приоткрыть плащ, не смотреть долго в его сторону, но бросить только один стыдливый взгляд, который лишит его покоя, и пр. Все это больше похоже на легкомысленные нравы позднего Рима, чем на мусульманский шариат. Казалось, что суровые законы, побивание камнями за прелюбодеяние и вся строгость исламской морали существовали где-то в другом мире, а в этом — только свободная любовь, наслаждения и радость жизни.

И сам не чаял я, а вспомнил
О женщинах, подобных чуду.
Их стройных ног и пышных бедер
Я до скончанья не забуду.

Немало я понаслаждался,
Сжимая молодые груди!
Клянусь восходом и закатом,
Порока в том не видят люди.

Перевод С. Шервинского

Еще одним крупным хиджазским лириком был аль-Арджи, правнук халифа Османа, мекканский аристократ, неудачно ввязавшийся в политику и кончивший свои дни в тюрьме. Он тоже щеголял редкими сравнениями и очертя голову бросался в смелые метафоры, говоря, что «влюбленные сжимают друг друга в объятиях так крепко, как кредитор держит за платье должника». Из-за своей распутности и бесчисленных любовных походов аль-Арджи стал героем непристойных анекдотов. Это не мешало ему в нужный момент брать высокие лирические ноты и перемежать романтические восторги с поэтическими жалобами. Описывая ночь, когда ему приходилось напрасно ждать возлюбленную, он вздыхал, что «пасет звезды до утренней зари» и «караулит рассвет, как стражник, следящий за проломом в стене».

Упомянувшийся уже Ваддах, потомок персов, живший в Хиджазе, был мастером фривольных и чувственных стихов, полных наслаждений и эротики, порой очень смелой. О своей возлюбленной — которую, как он сетовал, со всех сторон окружают люди, «словно жемчужину, скрытую в раковине», — поэт писал, что ее тело прекрасно, как восходящее солнце, а гладкие бедра похожи на плотно слежавшийся снег. Когда ему говорили про смерть и загробный суд, он отвечал: поэтому я и тороплюсь отдаться своей страсти, ведь сердце мое принадлежит тем, кто носит браслеты. Девушек он соблазнял, обещая написать про них «красивую поэму», а если кто-то ему отказывал, возмущался: «Или подари мне любовь, или объясни, почему убиваешь мусульманина!»

Узриты

Совсем другими были бедуинские стихи племени узритов. В поэзии этих страстных кочевников не найдешь и следа хиджазского легкомыслия. Поэт здесь всегда предан только одной возлюбленной, с которой он, однако, по разным причинам не может соединиться. Тоска, страдания доводят его до безумия, и даже после смерти он не ждет облегчения.

По мнению узритов, в любовь попадают, как в капкан, внезапно и на всю жизнь. Это не блаженство, а несчастье, горькая судьба, нечто predetermined и неизменное, как вечность. Все на свете может закончиться, только не любовь. Несчастный

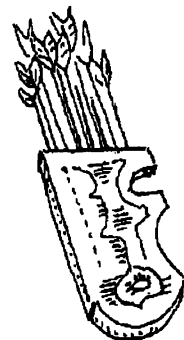
Маджнун сравнивал любовь с коршуном, которая терзает его сердце при одном имени Лейлы. Джамиль называл себя жертвой, которая плачет от любви к своему убийце.

Разрастаясь в душе влюбленного, любовь превращается в абсолютом, в предел существования, в религию и веру. Джамиль ставил свою Бусайну на второе место после Аллаха — ведь от нее зависят его жизнь и смерть — и признавался, что мысли о ней не оставляют его даже во время молитвы. Когда ему предлагали воевать против неверных, он отвечал, что его любовь и есть джихад. Кусайир благодарил Аззу, как Бога, за все, что она дает, неважно, добро это или зло. Маджнун молился не в сторону Каабы, а в сторону Лейлы. Все это звучало не менее кощунственно, чем хиджазская лирика с ее погоней за удовольствиями, только на другой лад.

Трудно сказать, стояли ли за поэзией узритов какие-то реальные люди или это была просто мода, условность, особенности жанра, отражавшего другой тип любви или другую ее сторону. У хиджазской лирики были свои шаблоны, у узритской — свои. Прекрасная дама непреклонна или выходит замуж за другого, поэт теряет разум от любви, становится изгоем, скитается в пустыне, повсюду следует за возлюбленной, целует следы ее ног и, наконец, умирает от разлуки — по таким лекалам, с некоторыми вариациями, создавались все узритские любовно-лирические циклы.

Более или менее историческим лицом считается Джамиль, друг Омара ибн Абу Раба, который пытался устроить Джамилю свидание с Бусайной, «выданной замуж за другого». Поэт виделся с ней раз в несколько лет и был готов довольствоваться одним ее взглядом. О физической любви у него не было и мысли: Бусайна относилась к этому с отвращением, а если бы это было иначе, он сам считал бы ее порочной. В его стихах множество трогательных подробностей, способных разжалобить даже камень. Джамиль вспоминает, как в детстве он и Бусайна вместе пасли овец, и в то же время с профессиональной точностью подмечает, как она роняет слезы, окрашенные сурьмой. Пусть мы станем парой верблюдов, пасущейся в уединенном месте, в том же духе вздыхает другой поэт, и пусть нас покрывает парша, чтобы нас все бросили и никому не было бы до нас дела.

Что касается Маджнуна, то в его существовании сомневались уже сами арабы. Его история как две капли воды похожа на дру-

гие: он с детства любил Лейлу, когда она бегала «с косичками до плеч, в короткой рубашонке», и они вместе пасли овец («остаться бы навек детьми, и чтобы овцы не росли»), но отец выдал ее за другого. Маджнун продолжал искать с ней встреч и, изгнанный из племени, бродил по пустыне среди диких зверей, пока не сошел с ума. По описаниям Лейла была маленькой и худой, с голубыми глазами, что у арабов считалось отвратительным, но Маджнуна это не смущало: он совсем не замечал ее недостатков, и в этом сказывалась сила его чувства.

Была в этом мужском обществе влюбленных и одна поэтесса, Лейла из знатного рода ахьял, полюбившая бедуина-разбойника Таубу. Благородный разбойник посватался к ней, но ее выдали замуж за другого. Тауба много лет преследовал ее, приходил к ней по ночам, но между ними не было ничего недозволенного: Лейла говорила, что у нее есть муж, и она не может ему изменить. В конце концов Тауба был убит. Легенда рассказывает, как однажды Лейла, проезжая мимо его могилы, выглянула из паланкина и обратилась к Таубе с приветствием. «Вот уж не думала, что он окажется лжецом, — огорченно заметила она, не получив ответа. — Ведь он клялся, что, если я поприветствую его могилу, он ответит сам или это сделает одна из прячущихся на кладбищах сов!» Тут же из-за надгробия вылетела испугнутая сова, и верблюд, испугавшись, сбросил женщину на землю. Лейла разбилась насмерть, и ее похоронили рядом с возлюбленным.

Глава 6. Золотой век

Абу-ль-Аббас

Аббасиды по праву считаются самой знаменитой и самой блестящей династией мусульманского Востока. Сотни лет спустя, когда Багдадский халифат уже давно перестал существовать, правители новых княжеств и государств смотрели на них как на идеал и образец для подражания, которому должен следовать каждый халиф или султан. В правление Аббасидов, продолжавшееся ни много ни мало пятьсот лет, исламская культура обрела свое лицо, а исламское государство — окончательную форму.

Между тем начало аббасидского правления было тревожным и не предвещало особого успеха. В восстании против Омеяйдов

участвовали самые разные силы и круги, добивавшиеся противоречивых, а порой и прямо противоположных целей. К тому же сразу после победы неожиданно выяснилось, что у мятежников нет единого руководителя. Имам Ибрахим, который по замыслу восставших должен был возглавить халифат, незадолго до разгрома Омейядов был арестован и отравлен в тюрьме кислым молоком. Перед смертью он указал как на преемника на своего младшего брата Абу-ль-Аббаса, человека малоизвестного и ничем не примечательного. В Куфу, где собрались победители, Абу-ль-Аббас прибыл инкогнито.

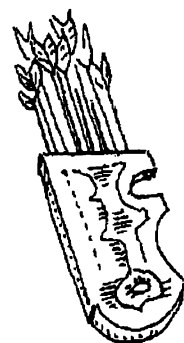
Ситуация получалась странной: мятежники взяли власть, а имя нового халифа никто не знал. Говорили только о «скрытом имаме», который в должное время будет явлен народу. Шиты считали, что это кто-то из потомков Али, а Аббасиды не решались указать на своего Абу-ль-Аббаса, который ничем не проявил себя во время восстания. Только когда во время переговоров один из военачальников случайно узнал, что в Куфе находится брат Ибрахима, он тут же отправился к нему в дом и принес ему присягу. За ним потянулись остальные. Так никому не известный Абу-ль-Аббас стал правителем исламской империи.

Новый халиф традиционно произнес речь в мечети Куфы, где объявил себя оплотом справедливости и мстителем, «проливающим и кровь, и благо». В этот день он был болен лихорадкой, и у него едва хватило сил, чтобы закончить речь. Но слово «проливающий», по-арабски ас-Саффах, всем запомнилось и стало его тронным именем. К тому же арабам понравилось, что Абу-ль-Аббас произнес проповедь стоя, как было принято до Омейядов.

Первом актом его правления стала прибавка жалованья солдатам на 100 дирхемов в год. «Я увеличил вам жалованье, — объявил халиф, — так что готовьтесь сражаться». Однако, как скоро выяснилось, сражаться им пришлось не с внешними врагами, а со своими братьями по мятежу.

Чистки

Если верно, что история порой без видимых причин выбирает себе любимчиков или изгоев, то Аббасиды явно относились к числу первых. Как на закате омейядской династии все было

против Омейядов, так на заре аббасидской все шло в пользу Аббасидов. Казалось бы, обманутые в своих ожиданиях шииты и мавлá (первые — потому что не достигли власти, вторые — потому что не получили облегчения налогового гнета) должны были с гневом выступить против Аббасидов, но этого не произошло. Восстания были разрозненными и слабыми. Если против Омейядов враги выступали вместе, то Аббасиды сумели расправиться с ними поодиночке.

Главную роль в расправе над бывшими соратниками сыграл Абу Муслим, пользовавшийся непререкаемым авторитетом на востоке. Его руками были уничтожены все основные противники Аббасидов. Абсолютно преданный новой династии и абсолютно ей доверявший, он бросил созданную им мощную армию на разгром ее врагов.

Первый удар был нанесен против аздитов — племени южных арабов, которых возглавляли два брата, Усман и Али. Аздиты составляли важную часть армии Абу Муслима и сражались с ним бок о бок против Омейядов. Но когда стало ясно, что Аббасиды побеждают, Абу Муслим решил, что союзники ему больше не нужны. Он вызвал к себе Али и расспросил, кто является его самыми преданными сторонниками, пообещав всех щедро награждать. Как только список был составлен, он в один день убил и Али, и названных им людей, и его брата Усмана.

С не меньшим хладнокровием Абу Муслим расправился со своими бывшими соратниками Абу Саламом и Сулейманом ибн Касиром: к первому он подослал наемного убийцу, который ночью заколол его кинжалом, а второго убил собственноручно.

Растерянные шииты наблюдали, как новые власти расправляются со своими прежними друзьями, поддержавшими их во время мятежа. Очень скоро настал черед и самих Алидов. Абу-ль-Аббас арестовал почти всех внуков Фатимы и уморил их до смерти в каменных подвалах. Как рассказывают историки, это была долгая и мучительная агония, затянувшаяся на несколько месяцев. Узники умирали один за другим от опухолей, которые сначала появлялись на ногах, а потом поднимались выше и поражали сердце. Умерших оставляли разлагаться в той же камере: в камере стояло такое зловоние, что один из слуг, чтобы отбить его, тайком принес немного благовоний. Заключение, несмотря ни на что, старались выполнять все правила ислама. Не различая времени суток и не зная, когда молиться, они разделили Коран на пять

частей и читали по очереди, а когда заканчивалась одна из частей, совершали молитвы. По легенде, последних оставшихся в живых узников халиф убил, обрушив на их головы своды тюрьмы.

Правление Абу-ль-Аббаса оказалось недолгим: он царствовал всего четыре года и умер от оспы, передав власть своему брату Абу Джафару, получившему прозвище Победоносный — аль-Мансур.

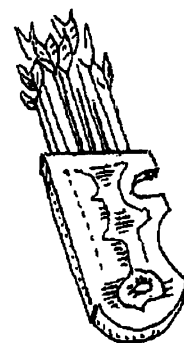
Аль-Мансур

Аль-Мансур стал халифом в 41 год. Это был внешне привлекательный человек, стройный и высокого роста, но с кучей бородкой и жидкими волосами (густая борода считалась одним из главных атрибутов мужской красоты), которые ему приходилось красить шафраном, потому что хна их не брала. В задумчивости он любил долго сидеть на корточках, рисуя по земле палочкой или кусая собственный палец.

Аль-Мансур был плохим солдатом, но прекрасным политиком и дипломатом, хорошо разбиравшимся в людях и умевшим пользоваться их слабостями. Он великолепно владел искусством красноречия и лично выступал с пятничными проповедями в мечети, что в более поздние времена Аббасидов казалось уже невыносимым. Никто из подданных не сомневался в чистоте его веры и искренности благочестия. За его столом никогда не подавали вина, а музыку он не выносил настолько, что однажды разбил о голову какого-то евнуха тунбур (мандолину), на котором тот наигрывал во дворце.

Халиф любил лично входить во все детали управления и каждый день внимательно читал отчеты своих агентов-информаторов, которые сообщали ему обо всем, что происходит в стране. Главным его недостатком считали скупость. Своей страстью к контролю халиф сводил с ума строителей Багдада, требуя отчет за каждый потраченный кирпич и горсть цемента: ему казалось, что рабочие и подрядчики его обманывают и обкрадывают, тратя лишнее.

Аль-Мансур стал первым, кто первым покончил с родственными и клановыми традициями правления: он не ставил на ведущие места своих родных, а, наоборот, избавлялся от них, чтобы они не могли претендовать на власть. Заодно в опалу попадали их советники и секретари, многие из которых были казнены. Вокруг халифа должны были остаться только лично преданные ему люди, даже если это были просто рабы.

Конец Абу Муслима

Могущественный Абу Муслим, правая рука Аббасидов, не пользовался доверием халифа. Это был один из тех «львов» ислама, которые вызывали одновременно восхищение и ужас. За годы аббасидского восстания он убил столько людей, что его сравнивали с самим аль-Хаджаджем. Его авторитет в восточных провинциях был абсолютен и доходил почти до обожествления. Существовала даже особая секта абумуслимитов, поклонявшихся ему как имаму. Если бы он обратил все эти силы, чтобы восстать против Аббасидов и самому стать халифом, у него вполне могло бы это получиться. Вместо этого Абу Муслим неизменно демонстрировал глубокую преданность новой династии и делал все, чтобы укрепить ее власть. Он ничего не хотел для себя и всего — для Аббасидов. При этом он был уверен, что его заслуги перед Абу-ль-Аббасом и аль-Мансуром неоспоримы, и не допускал мысли, что они могут желать ему смерти. Поэтому, когда аль-Мансур пригласил его в свой дворец — якобы для того, чтобы дать наставления перед отъездом в Хорасан, — Абу Муслим без колебаний отправился к нему без свиты и охраны, несмотря на то что его предупреждали об опасности.

Перед тем как принять у себя Абу Муслима, аль-Мансур спрятал за дверью своих людей и приказал им не выходить, пока он не хлопнет в ладоши: тогда они должны выбежать и убить Абу Муслима. Когда Абу Муслим пришел на аудиенцию, халиф начал осыпать его упреками за разные проступки. Абу Муслим, удивленный и возмущенный, воскликнул: «И ты упрекаешь меня после всего, что я для вас сделал!» Халиф с гневом ответил: «Все, что ты делал, произошло только благодаря нашему величию и удаче! На твоём месте мог бы быть кто угодно, даже какая-нибудь черная рабыня. Ты слишком высоко вознесся: пишешь мне письма, начиная со своего имени, сватаешься к моей тетке Азии и называешь себя потомком аль-Аббаса!» Поняв, что дело серьезно, Абу Муслим начал гладить его руку, целовать ее и просить прощения, но аль-Мансур воскликнул: «Да убьет меня Аллах, если я не убью тебя сейчас!» — и хлопнул в ладоши. Его люди вбежали в зал и набросились на гостя с мечами. Первые удары оказались слабыми, и Абу Муслим еще успел сказать халифу: «Лучше побереги меня для твоего врага», — но тот ответил:

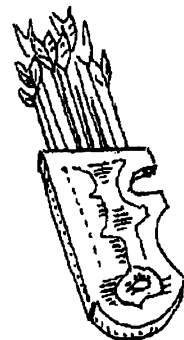
«Разве есть у меня враг злейший, чем ты?» Абу Муслиму отрубили ногу, потом руки, пока он не превратился в гору отсеченных членов, а аль-Мансур смотрел на это и кричал: «Бейте, бейте, да отрубят Аллах ваши руки!» Останки убитого завернули в ковер и бросили в Тигр.

Абу Муслим умер молодым — в момент смерти ему было тридцать пять лет. Говорили, что с виду он был смугл, невысок ростом, широколоб, отличался молчаливостью и хладнокровием и одинаково свободно владел арабским и персидским. Сыновей он не оставил, только двух дочерей, а все его наследство состояло из пяти невольниц.

Смерть аль-Мансура

На 22-м году своего правления аль-Мансур отправился в паломничество в Мекку и скончался от оспы, едва добравшись до святой земли. Он был погребен в Мекке с открытым лицом, поскольку в это время «был в ихраме», то есть совершал хадж. Перед смертью халиф успел составить завещание, сделанное, как он написал, «в мой последний день в этом мире и первый — в следующем». Согласно его воле власть унаследовал его сын аль-Махди. Раби ибн Юнус, управляющий халифским двором, скрыл смерть халифа: он посадил его труп за тонкой занавеской и вызвал военачальников и старейшин, чтобы они принесли присягу аль-Махди в присутствии еще «живого» повелителя. Только после этого Раби объявил о смерти аль-Мансура и разрешил рыдать его женам.

После смерти аль-Мансура в государственной казне осталась огромная сумма — четырнадцать миллионов золотых динаров.

Оставил он и другое, более своеобразное «наследство». Перед отъездом в Мекку аль-Мансур передал дворцовые ключи жене своего сына Рите. Показав ей один из ключей и дверь, которую тот открывал, халиф взял с нее слово, что в эту комнату не войдет никто, кроме нее и ее мужа, и то только после его смерти. Когда он умер, Рита вошла в комнату и увидела засушенные мумии всех членов рода Али, убитых после воцарения Аббасидов: там были взрослые мужчины, подростки, старики и дети. На ухе у каждого висела бирка с указанием имени и степени родства. Сын халифа приказал тайно похоронить их в общей могиле, а сверху построить тюрьму.

Аль-Махди

Тридцатилетний аль-Махди был высоким и стройным, как его отец, с красивыми вьющимися волосами. Приятный по характеру, добродушный и щедрый, он любил поэзию, охотно читал пятничные проповеди, строил много новых мечетей и восстанавливал старые. В мечетях по его приказу убрали специальные огороженные места, предназначенные для высокопоставленных лиц: перед Аллахом должны быть все равны.

Мягкий характер его правления сказался в том, что он пытался примириться с Алидами, награждая их богатыми подарками, хотя и без особого успеха. Человек скорее мирный, чем воинственный, он организовал морской поход в Индию, поначалу успешный — арабы захватили крупный город, царские богатства и дочь царя, — но кончившийся плохо из-за сильных штормов на обратном пути.

В отличие от аль-Мансура, сурового аскета, который, по рассказам, сам штопал свои рубахи, его сын был любителем наслаждений. Если аль-Мансур заложил прочный фундамент под царствование Аббасидов, то аль-Махди наполнил его той роскошью и великолепием, которая прославила Багдадский халифат. Начав довольно бодро свое царствование, он постепенно отошел от дел и стал проводить все больше времени в гареме, с головой уйдя в чувственные удовольствия. Безвольный и одурманенный сладострастием, он передал власть в руки своей жены Хайзуран, которая назначала чиновников и решала все дела в стране. Даже погиб этот сластолюбивый халиф, как говорили, от яда наложницы, приревновавшей его к другой рабыне. По другой версии, он погиб во время охоты, когда понесла его лошадь.

Аль-Махди был первым халифом, при котором гаремные страсти стали влиять на государственную политику. Еще при жизни мужа Хайзуран настроила его против старшего сына Мусы аль-Хади и уговорила передать власть младшему, своему любимчику Харуну ар-Рашиду. Халиф даже отправился к Мусе в персидскую провинцию Джурджан, где тот был наместником, чтобы убедить его добровольно отказаться от власти в пользу младшего брата, но по дороге умер, отравившись не то грушей, не то сладким пирожком. В результате на трон все-таки сел Муса — и Харун ему присягнул, не посмев оспаривать права старшего сына.

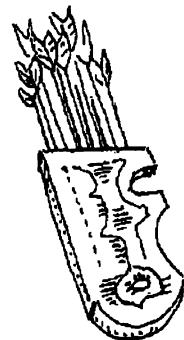
Аль-Хади

Новому правителю едва исполнилось 24 года. Высокий, как все первые Аббасиды, он выделялся необычно белой кожей и заячьей губой, немного портившей его красивое лицо (в детстве его за это дразнили «Муса-Закрой-рот»). После внезапной смерти отца аль-Хади срочно вернулся в Багдад и прежде, чем приняться за дела, целые сутки провел со своей любимой рабыней, которую не видел уже много месяцев. Только после этого он сделал первые назначения, поставив во главе армии молодого Али ибн Мусу ибн Махана, а управляющим двором — Фадла, сына Раби ибн Юнуса.

Братья, аль-Хади и Харун, поселились в Багдаде в своих дворцах. Недавняя распря постоянно сказывалась на их отношениях, раздраженных и неровных. Неуравновешенный халиф то проявлял к брату неумеренную любовь, то выказывал ему откровенную ненависть. По закону преемником аль-Хади считался Харун, но халифу хотелось сделать наследником своего сына Джафара. Скорей всего, он так бы и поступил, если бы судьба отвела ему больше времени на троне.

В истории аль-Хади остался как жестокий и свирепый самодур — известно, что он отравил своего вазира ар-Раби из-за его рабыни, которая ему понравилась, — и в то же время как образованный, любивший культуру человек, щедрый, временами великодушный, сильный и храбрый воин, которого ценила армия.

Пленник. Однажды, сидя верхом на осле и без оружия, аль-Хади велел привести к нему захваченного хариджита. Внезапно тот выхватил меч у одного из стражников и бросился на халифа. Испуганная стража разбежалась, но аль-Хади грозно крикнул: отрубить ему голову! Хариджит решил, что кто-то напал на него сзади, и обернулся. Воспользовавшись его замешательством, халиф накинулся на пленника, отобрал меч и убил. «Аль-Хади мы боялись больше, чем хариджита», — заметил присутствовавший при этом историк.

Его мать Хайзуран попыталась играть при нем ту же роль, что и при аль-Махди, но наткнулась на жесткий отпор. Муса аль-Хади сделал матери выговор, посоветовав заниматься шитьем и другими домашними делами, а также больше читать Коран.

«Клянусь, я буду отвержен родства с пророком, если не отрублю голову и не конфискую имение того из полководцев и близких людей, кто решится подойти к твоим воротам», — заявил он. Возможно, эти слова стоили ему жизни. Не процарствовав и года, он был задушен во сне подушками по приказу Хайзуран, и к власти пришел Харун ар-Рашид.

Харун ар-Рашид

Харун, ставший халифом в 22 года, был не столько хорошим правителем, сколько любителем веселой жизни. В юности над ним смеялись, когда в военных походах он с картинным изяществом гарцевал на лошади: в нем не видели истинного воина. Человек обаятельный и щедрый, прекрасно образованный, любитель поэтов и сам поэт, он проводил время в пирушках и развлечениях. Харун не стремился к власти и говорил, что с большим удовольствием проживет обычную жизнь со своей женой Зубейдой, чем будет нести бремя халифской власти. Он обладал удивительным для халифа качеством — застенчивостью — и чувствовал себя настолько неуверенно, что не решался смотреть людям в глаза.

Единственным его мудрым шагом стал выбор хорошего помощника-вазира — Йахьи ибн Халида ибн Бармака, который управлял за него всем государством вместе со своим сыном Фадлом. Другой сын вазира, Джафар, славился как блестящий собеседник и был личным другом халифа, его постоянным товарищем по застольям. В клане Бармакидов имелись еще два брата: Мухаммед, благородный возвышенный юноша, и Муса, смелый и мужественный воин.

Йахья, сын буддистского жреца, принявшего ислам, стал главой дворцовой канцелярии еще при халифе аль-Махди и почти породнился с Аббасидами: его жена кормила грудью сына халифа, а жена халифа — сына Йахьи. Когда молодой Харун отправился на свою первую войну против византийцев, верный Йахья сопровождал его как опекун и наставник.

Придя к власти, Харун отдал в его руки все управление государством. Вручив ему свое кольцо с печатью, халиф сказал: «Веди дела, как считаешь нужным; назначай и снимай, кого хочешь. Сними ношу с моих плеч и возложи на свои: управляй моим стадом». Йахья и его сыновья целыми днями сидели во дворце и принимали жалобы и прошения и рассматривая их до глубокой

ночи. Ко всем просителям Йахья относился внимательно и дружелюбно. Он прорыл новый канал, который позволил сильно поднять урожай, и наладил поставку зерна в Мекку и Медину, где жили ветераны. Он покровительствовал науке и искусствам, переводил Птолемея и медицинские книги индийцев, интересовался индуизмом.

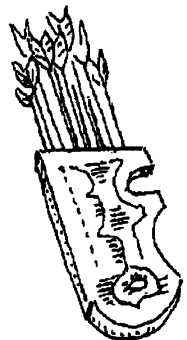
Благодаря администраторским талантам Йахьи страна процветала, в халифате царили мир и порядок. Но самодурство или ревность ар-Рашида положили этому конец. Джафар был казнен, Йахья и Фадл брошены в тюрьму, а все имущество Бармакидов конфисковано в казну. Вслед за этим полетели головы их жен и детей, близких и дальних родственников, даже назначенных ими чиновников. Всего под расправу попало больше тысячи человек, и халиф лично присутствовал при казнях и пытках.

О том, почему пали Бармакиды, существует много разных мнений. Говорили, что они обладали слишком большой властью (у Йахьи была личная печать халифа, которой он мог закрепить любое распоряжение и закон), были слишком влиятельны (как наставники детей халифа), слишком богаты и блестящи (дворец Джафара не уступал по роскоши дворцу халифа), заигрывали с Алидами и шиитами, которых ар-Рашид считал своими злейшими врагами.

Подлинная причина столь резкой перемены Харуна к Бармакидом до сих пор остается загадкой. Она была непонятна и современникам, которых эта история поразила своей внезапностью и наглядным свидетельством бренности и ненадежности всего сущего.

Без Йахьи в стране наступил упадок. Даже мешки с почтой валялись во дворце нераспечатанными: некому было ее разбирать. Началась волна восстаний и мятежей: сильные волнения вспыхнули одновременно в Магрибе, Египте, Сирии, Йемене, Ираке, Персии. Часть из них Харун сумел подавить, но единство государства оказалось под угрозой.

О личной жизни и характере ар-Рашида осталось много рассказов, большинство которых легендарны. Харун, герой арабских сказок, странствующий по ночному городу вместе с верным Джафаром, — чисто литературный образ. На самом деле, ар-Рашид не любил жить в Багдаде: он называл его «парилкой», не вынося за сильную жару, и предпочитал Ракку, стоящую на берегу Евфрата.

Несмотря на легкомысленную жизнь, Харун проявлял большое благочестие и совершил восемь паломничеств в Мекку — больше, чем любой другой халиф. Он ежедневно совершал по сто поклонов и раздавал беднякам по тысяче дирхемов, а по пятницам исправно читал в соборной мечети проповеди, которые писали его секретари. На протяжении всего правления он яростно боролся с еретиками и заставлял иноверцев строго выполнять все предписания, предусмотренные для них исламом: ездить только на ослах, носить особую обувь и одежду и т. д. В то же время он был суеверен и однажды выпустил из тюрьмы Мусу ибн Джафара только потому, что увидел во сне какого-то эфиопа, который потрясал копьем и грозил убить его, если он этого не сделает.

Незадолго до смерти Харун лично возглавил армию и отправился в Хорасан, чтобы подавить вспыхнувший в провинции мятеж. Во время этого похода он заболел и слег.

Чувствуя приближение конца, Харун выбрал себе погребальный саван и приказал вырыть для себя могилу. Заглянув в нее, он сказал: не избавила меня от этого власть моя. Напоследок халиф постарался наказать своих врагов и облагодетельствовать друзей. Незадолго до смерти он плакал над стихами Абу-ль-Атахии:

Ты душой к невозможному рвешься, спеша,
Но лишь смертные муки познает душа.

Перевод М. Курганцева

Персы и арабы

Если бегло взглянуть на первые годы правления новой династии, нельзя не заметить, какую важную роль в них играл Хорасан. Здесь началась революция Аббасидов, отсюда в Багдад текли свежие силы и ресурсы, сюда назначались наместниками братья и сыновья халифов, здесь происходили самые опасные бунты и мятежи. Хорасан стал самой главной, ключевой провинцией, контролировать которую для правителей было вопросом жизни и смерти.

Произошло это неслучайно. Хорасан включал огромную территорию, в которую входили бывшие владения Персидской империи. Сказать «Хорасан» было то же самое, что сказать «Персия». Вся восточная часть Арабского халифата раньше была полностью персидской. Здесь повсюду оставались следы ее ты-

сячетлетнего правления: огромные крепости и города, сложная ирригационная система, налаженные пути снабжения, сильный чиновничий аппарат, который арабы не отменили, а приспособили под свои нужды.

Персия была самой древней, культурной и могущественной страной из всех захваченных арабами. Персидские цари, их пышный двор, стройная система власти считались идеалом у багдадских халифов. Неудивительно, что уже при аль-Мансуре халифат стал становиться все более персидским. Расправившись с одним персом — Абу Муслимом, аль-Мансур тут же пригласил трех новых — Бармакидов.

Наставником и помощником наследника престола и будущего халифа аль-Махди тоже был перс — Абу Убайдаллах. Сын аль-Мансура получил чисто персидское воспитание, из арабской культуры он хорошо знал только поэзию, которую преподавал ему второй наставник, араб аль-Муфаддала.

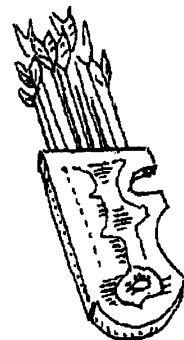
Мощное влияние Персии в халифате со временем только увеличивалось. Чем больше арабы узнавали персидскую культуру, тем больше хотели ей подражать. Арабские поэты стали писать на персидском языке. Персов даже начали набирать в армию, хотя раньше в ней служили только арабы.

При Харуне ар-Рашиде персы еще больше вошли в моду. Поэты откровенно воспевали культуру иранцев, «племя благородных», и с презрением отзывались о «сынах пастухов», арабских бедуинов, которые, как писал Башшар ибн Бурд, «вместе с собаками лакали воду из дождевой канавы».

Можно сказать, что, завоевав Персию, арабы проглотили кусок, который не могли переварить. Подчинив ее политически, арабы сами подчинились ей культурно, оказались завоеванными ею изнутри, как это когда-то произошло с Римом и Грецией.

Все это во многом определило политику новой династии. В отличие от Омейядов, Аббасиды стали чистыми космополитами. Они отказались от идеи арабского превосходства. Им было все равно, кто их поданные: персы, арабы или тюрки, — главное, чтобы они исправно служили и платили налоги. Аббасидский халифат объединяла единая религия и центральная политическая власть, опиравшаяся на армию и чиновников. Остальное не имело значения.

При Аббасидах все мусульмане впервые стали равными, и это означало конец арабской власти.

Глава 7. Смуты

Аль-Амин

Харун ар-Рашид тщательно продумал передачу власти своим сыновьям. Преемником был объявлен младший сын от законной жены Зубейды, аль-Амин, а его наследником — аль-Мамун, сын знатной персиянки, наложницы халифа. Старший брат как бы подстраховывал младшего на тот случай, если с ним что-то случится и в стране не останется взрослых наследников мужского пола. При этом в завещании было сказано, что если аль-Амин попытается отстранить аль-Мамуна от власти, то немедленно потеряет права на трон. С другой стороны, аль-Амин имел право назначить в преемники аль-Мамуна любого, кого пожелает, например своего сына. Таким образом, в завещании соблюдались права и интересы каждого из братьев и обеспечивалась надежная преемственность власти в государстве.

Но вся эта предусмотрительность оказалась тщетной. После смерти Харуна страна раскололась на две половины: приверженцев аль-Амина и сторонников аль-Мамуна. Поначалу между братьями не было вражды — оба понимали, что гражданская война может привести к неисчислимым бедствиям, — зато их советники были настроены иначе. Управляющий двором Фадл ибн Раби знал, что его положение зависит исключительно от воли аль-Амина и если к власти придет аль-Мамун, он может потерять все. Фадл начал убеждать аль-Амина передать власть своему сыну, отстранив от трона брата.

У аль-Мамуна был свой советчик — тоже Фадл, сын Сахла, чистокровный перс. Он постоянно уговаривал хозяина отколоться от брата и поднять восстание в персидском Хорасане, где, как он уверял, многие с радостью поддержат аль-Мамуна как сына персиянки.

В 810 году, через полтора года после смерти Харуна ар-Рашида, аль-Амин официально запретил упоминать в пятничной молитве аль-Мамуна и сделал своим наследником сына Мусу. Он приказал привезти из Мекки подлинник завещания Харуна ар-Рашида и разорвал его на части. Так началась гражданская война.

Во главе армии аль-Амина встал опытный Али ибн Махан. Перед походом халиф вручил ему специальные серебряные цепи,

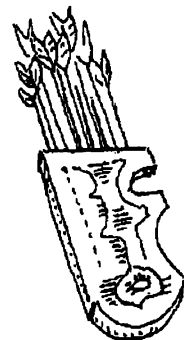
чтобы тот заковал в них аль-Мамуна и привез в Багдад. Пятидесятитысячное войско, великолепно обученное и оснащенное, двинулось из Багдада в Хорасан. В ответ Фадл ибн Сахл, советник аль-Мамуна, послал на границу провинции всего четыре тысячи человек во главе с молодым военачальником Тахиром ибн Хусейном.

Армии встретились у древнего города Рей. Вместо того чтобы войти город и занять мощную крепость, где можно было обороняться против превосходящих сил противника, Тахир смело вышел в поле и дал бой. «Пустыня стала бело-желтой от мечей и золота», — писал участник сражения. Хорасанцы сумели отбить первый натиск и стали оттеснять врага от лагеря. В разгар схватки пущенная кем-то стрела убила Али ибн Махана, и это переломило ход битвы. «Под ним был черно-белый конь, что не к добру во время боя», — заметил суеверный очевидец. Ибн Махану отрубили голову и принесли Тахиру в торбе из-под овса, а тело бросили в колодец.

Новость о победе пришла в Мерв в тот момент, когда многие хорасанцы уже подумывали, чтобы сбросить аль-Мамуна и сдаться его брату. В письме Тахира было сказано: «Сижусь с головой Али и его кольцом на пальце». В Багдаде об исходе битвы узнали гораздо позже: когда принесли сообщение, аль-Амин ловил рыбу со своим любовником евнухом Кавсаром и, услышав о поражении, выгнал гонца прочь, сказав, что ему не до этого: Кавсар поймал уже две рыбы, а я ни одной!

Гражданская война не мешала аль-Амину вести приятную и беспечную жизнь. Он целые дни проводил в роскошном дворце, а ночью спал на свежем воздухе в палатке, где постель была застелена золотой парчой и шелком. Днем он часами играл со своей любимой рыбкой Окольцованной, которую держал в пруду, надев на нее два золотых кольца, с жемчугом и яхонтом. Сам Фадл ибн Раби был не в восторге от своего повелителя и говорил, что тот ведет себя «как глупая девка-рабыня, держит совет с женщинами и погрузился в мечтания».

Халиф и лев. Известно, что аль-Амин был слаб разумом, но силен телом. Однажды охотники поймали льва и привезли его в деревянной клетке во дворец халифа, который в это время завтракал во дворе. Аль-Амин попросил выпустить льва из клетки. Все в ужасе разбежались, только один халиф

продолжал есть как ни в чем ни бывало. Лев бросился на него, но аль-Амин отбил его большой подушкой. При втором броске зверя он схватил льва за лапы, притянул к себе, вцепился ему в глаза и уши, поднял в воздух и швырнул на землю. Лев упал замертво. Прибежавший к халифу придворный врач вставил на место вывихнутые руки и пальцы, и тот вернулся к своей трапезе.

Между тем авторитет аль-Амина падал на глазах. После нескольких неудачных сражений во владении аль-Амина остался один Багдад, который его противники взяли в клещи с трех сторон: Тахир с востока, Харсама с запада и Мусаба ибн Зухейра — с юга.

Началась долгая осада города. Кольцо вокруг Багдада постепенно сужалось, катапульты били по кварталам со всех сторон, война шла уже на улицах города, подбираясь к дворцу халифа. В этот критический момент аль-Амин переплавил в монеты золотую посуду и раздал их своим сторонникам. Оставшись без армии, он приказал выпустить из тюрем заключенных и набрать на улицах нищих и бедняков, сколотив из них новое войско, которое историки прозвали «голодранцами». Это была причудливая армия из голых солдат, одетых в одни набедренные повязки, с пальмовыми листьями вместо шлемов и камышовыми циновками вместо щитов. За неимением лошадей они сажались верхом друг на друга и мчались на врага, размахивая дубинками. Их первая битва походила на цирковое зрелище и собрала много зрителей, желавших посмотреть на то, как нищий сброд будет воевать с регулярным войском, вооруженным мечами и копьями и в железных кольчугах. Голодранцы удивили всех: они ударили с такой яростью, что едва не опрокинули противника. С трудом выдержав первый натиск, воины аль-Мамуна начали методично уничтожать врага и заодно перебили половину зрителей. Но голодранцев это не обескуражило: они не отступали и не сдавались, воевали злобно и с остервенением. Поэты писали, что война «разбудила в них злобных зубастых львов», а в стане аль-Мамуна поговаривали, что это шайтаны, а не люди. Уличные бои походили на настоящие битвы. Особенно ожесточенной была схватка на улице Дар ар-Ракик, где бились за каждый дом и каждую комнату.

В конце концов, запертый в своем дворце, без денег, без армии и без пищи, аль-Амин решил бежать. Он тайно списался

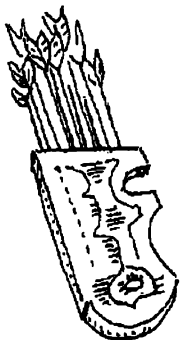
с Харсамой (поскольку тот был другом Харуна ар-Рашида и лично знал обоих братьев) и предложил сдаться ему в плен, надеясь, что Харсама по старой дружбе обойдется с ним мягче, чем Тахир. Ночью Харсама сам подплыл на лодке к дворцу халифа, чтобы забрать аль-Амина, но Тахир его опередил — посланные им люди перевернули лодку, выловили упавшего в воду халифа и увезли с собой.

Смерть аль-Амина

Последние часы халифа описал еще один багдадец, попавший в плен, — судья Ахмед ибн Салам. В дом, куда его поместили, вскоре привели человека: он был в одних штанах и чалме, а на плечах у него висело какое-то тряпье. Когда пленник размотал чалму, Ахмед увидел, что перед ним аль-Амин. Они стали беседовать: оказалось, аль-Амину сказали, что его брат аль-Мамун умер, и Ахмед успокоил его, заверив, что это не так и что брат наверняка сохранит ему жизнь: «Родство заставит его смилостивиться над тобой!»

Вскоре в комнату вошел какой-то вооруженный человек, внимательно посмотрел на аль-Амина и вышел. По его виду Ахмед понял, что халифа убьют. Халиф стал жаловаться, что чувствует «страшное одиночество», и попросил его обнять. «И я прижал его к себе и почувствовал, что у него сильно билось сердце», — писал Ахмед. Через несколько минут к дому подскакали всадники и остановились у дверей. Услышав их, аль-Амин заметался по комнате, крича: «Пропала душа моя, разве ничего нельзя сделать, разве никто меня не спасет?» Дверь распахнулась, и в комнату вошло несколько персов с обнаженными мечами. Они застыли в нерешительности, глядя на халифа, а тот схватил подушку и крикнул: «Я сын дяди Посланника Аллаха, сын ар-Рашида, брат аль-Мамуна, вам нельзя меня убивать!» Один из персов подскочил и ударил его мечом по голове, но аль-Амин швырнул в него подушкой и попытался отобрать меч. Товарищи перса бросились ему на помощь: один солдат вонзил меч в живот халифу, другой перевернул его тело и ударил по затылку. Потом они «взяли его голову» и вышли из палатки.

Голову аль-Амина отвезли в Багдад к Тахиру, который приказал водрузить ее на ворота, а затем отправили аль-Мамуну, обложив ватой и набив консервирующими травами. Получив го-

лову брата, аль-Мамун расплакался, но Фадл ибн Сахл напомнил ему, что, если бы не милость Аллаха, он мог бы и сам оказаться на его месте. Тогда новый халиф приказал насадить голову на столб и обязать каждого из воинов, получавших жалованье, подходить к столбу и проклинать ее. Какой-то перс, не зная, чья это голова, проклял и ее хозяина, и его родителей, и весь его род, а аль-Мамун сидел и слушал его с улыбкой.

Аль-Мамун

Аль-Мамун был незлопамятным человеком. Он простил даже своего злейшего врага Фадла ибн Раби (о котором говорил: «Он предал меня и настроил моего брата против меня»), успевшего сбежать из Багдада, и примирился с матерью аль-Амина, Зубейдой.

Новому халифу нельзя было отказать в мудрости и стратегическом мышлении. Придя к власти, аль-Мамун попытался объединить суннитов и шиитов, создав новую религиозную доктрину, которая могла бы устроить обе стороны. Он начал с того, что пригласил ко двору имама шиитов Али ар-Рияда, пообещав разделить с ним власть и женив его на своей дочери. Себя он тоже стал называть не только халифом, но и имамом, как требовали шииты. Предполагалось, что в будущем трон будут занимать достойнейшие представители как шиитов, так и суннитов, и пропасть между ними исчезнет. В знак дружбы и согласия в новой столице халифата Мерве вместо черных аббасидских вывесили зеленые алидские флаги.

Но вместо примирения эта мера вызывала новую вспышку ненависти. Сунниты в Багдаде подняли бунт и объявили халифом Ибрахима, сына аль-Махди и дядю аль-Мамуна. Он считался прекрасным музыкантом и певцом и пользовался любовью граждан, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы удержаться у власти. Когда аль-Мамун подошел с армией к Багдаду, Ибрахим сбежал из дворца.

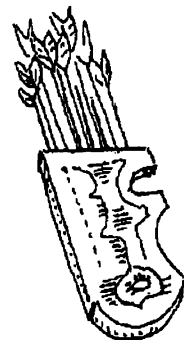
Он прятался в Багдаде целых шесть лет, ночуя у друзей и родственников, и был случайно пойман ночью, когда шел по улице в женской одежде и его остановила стража. Ибрахим молча протянул стражнику кольцо с рубином, чтобы тот его пропустил, но это еще больше насторожило постового: он позвал командира, и тот, сорвав с Ибрахима чадру, увидел его бороду.

Однако аль-Мамун и здесь проявил свой мягкий нрав, помиловав своего противника: «Аллах да простит тебя, а Он самый милостивый из всех, оказывающих милосердие». После этого Ибрахим до самой смерти жил домашним узником в халифском дворце, воспевая повелителя в своих стихах.

Аль-Мамун полностью восстановил власть в стране, но прежнего порядка уже не было. Халифат захлестнула волна бунтов и мятежей. В Египте подняли бунт наемники из Кордовы, в Азербайджане восстал Бабек, с которым аль-Мамун, несмотря на все усилия, так и не сумел справиться. В Тунисе власть захватил Ибрахим ибн Аглаб, хорасанец, посланный подавлять восстание берберов в провинцию Ифрикию. Он с блеском выполнил поручение, но взамен потребовал от халифа права наследственной власти в этой области. Ибн Аглаб платил багдадскому халифату определенный налог, а во всем остальном стал независимым правителем.

С Тахиром, победителем аль-Амина, отношения складывались не лучше. Говорили, что аль-Мамун не мог видеть Тахира, потому что тот напоминал ему о смерти брата. Зная об этом, Тахир предпочел отправиться обратно в Хорасан, где стал практически суверенным правителем.

Все это не мешало халифу вести приятную жизнь. Как и его отец, он любил проводить время в изысканных пиршествах и беседах, собирая самых образованных и остроумных людей со всего халифата. Аль-Мамун отличался тем, что любил не только поэзию, но и философию — философию даже больше. Науки и искусства при нем процветали, а в основанном еще Харуном ар-Рашидом «Доме мудрости» было переведено на арабский огромное множество греческих трудов. По преданию, рукописи туда целыми караванами везли из Константинополя. Сам халиф был рационалист, склонный скорее к доктрине мутазилитов, вслед за которыми он считал, что разум важнее веры и что все можно объяснить с помощью философии и науки. Утверждая мутазилитство как официальную доктрину, он преследовал инакомыслящих, создав специальную комиссию, которая допрашивала и судила богословов и факихов на предмет их веры. Те, кто отказывался признать мутазилитство, подвергались гонениям и казням. Среди них был Ахмад ибн Ханбал, главный оплот и авторитет традиционалистов. В то же время халиф очень терпимо относился к представителям других конфессий и признавал за-

конным любого религиозного лидера, который находил себе хотя бы десяток приверженцев.

В 40 лет он женился на дочери аль-Хасана ибн Сахла по имени Буран. Свадьбу устроили с невиданной щедростью и пышностью. Хасан разослал гостям тысячи мускусных орехов, в каждом из которых лежало описание подарка: от рабыни или коня до целых поместий. Счастливики приходили со своими орехами к управляющему Хасана и получали все, что было написано внутри. Тем, кому не досталось орехов, раздавали яйца из амбры, мускусные пузыри или просто деньги. Хасан несколько дней содержал за свой счет весь халифский двор, от принцев и вазира до последнего носильщика и поваренка.

В последний год правления, отправившись в очередной поход против Византии, халиф остановился у источника аль-Будандун. Ему понравилось это место, полное зелени и прохлады, и он приказал возвести над ручьем помост с шалашом из свежесрубленных веток. Вода в роднике была так чиста, что можно было прочитать надпись на монете, брошенной на дно ручья, и очень холодна. Пока халиф смотрел на родник, появилась большая рыба, блестящая, «как слиток серебра», и аль-Мамун пообещал награду тому, кто ее поймает. Один из слуг поймал и вытащил ее на помост, но она вырвалась у него из рук и плюхнулась в воду, обдав брызгами аль-Мамуна. Одежда на груди халифа промокла насквозь. Рыбу поймали еще раз, и аль-Мамун приказал ее зажарить, как вдруг его охватил ужасный холод. «Холодно, холодно!» — повторял он и, сколько его ни накрывали шубами и ни набрасывали покрывал, дрожал «как пальмовый лист». Вокруг него развели костер, но это не помогло. Принесли зажаренную рыбу, но он не мог ее есть. Позвали врачей, которые сказали, что болезнь эта никому не известная, но, судя по всему, смертельная. Перед смертью аль-Мамун попросил вынести его из шатра, чтобы он мог обозреть свое войско и «свое царство», и обратился к Аллаху: «Тот, кто не умирает, помилуй того, кто умирает».

В оставленном завещании он подробно описал, как должны пройти его похороны. «Уложите меня на правый бок и разверните в направлении Мекки. Откиньте саван с головы и ног, затем возведите нишу из глиняного кирпича и забросайте меня землей. Потом уходите и предоставьте меня моей судьбе, ибо никто не может помочь мне в том, что уготовит для меня Аллах».

Аль-Мамун умер в 833 году, назначив преемником своего брата аль-Мутасима. Почему халифом не стал его сын Аббас, участвовавший вместе с отцом в византийском походе, истории неизвестно.

Аль-Мутасим

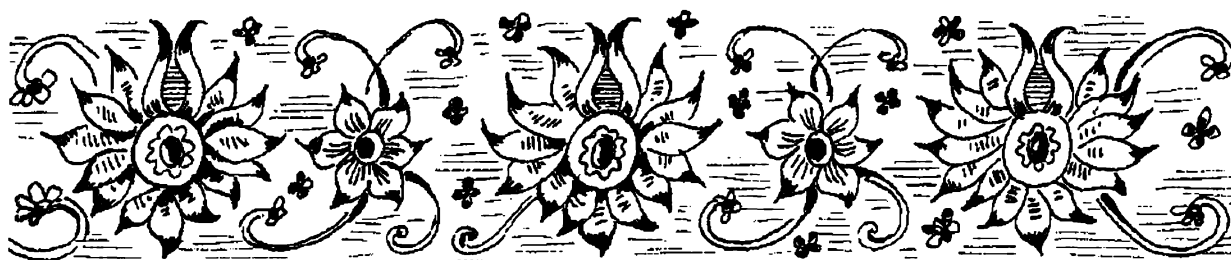
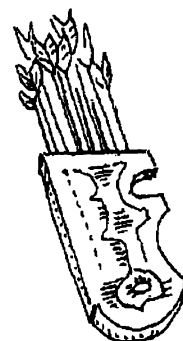
Аль-Мутасим, младший сын Харуна ар-Рашида от рабыни Марида, пришел к власти в 38 лет. Это был силач, любивший прямоту суждений. Рассказывали, что однажды он одной рукой вытащил из грязи осла какого-то крестьянина. Бледный, с черной бородой, которую красил хной, халиф великолепно владел оружием и мог легко вскочить с земли на спину лошади.

Стремясь укрепить свою власть, аль-Мутасим первым начал опираться на тюркских и берберских наемников. Арабы к тому времени стали слишком богатыми, слишком культурными и слишком слабыми для жестоких войн. Тюрки же воевали зверски: именно они в конце концов разбили восставшего Бабека, а затем — помогавших ему византийцев.

Тюрки стали основой халифской власти, а их командиры Ашинас и Итах — самыми влиятельными людьми. Еще одним фаворитом был Афшин, князь маленького пограничного государства в предгорьях Памира. Он возглавлял отряд горцев из собственного княжества.

Особый слой тюркской гвардии составляли гулямы — красивые юноши, одновременно солдаты и мальчики для наслаждений, великолепно владевшие оружием, но обладавшие нежными телами, страстные любовники и верные телохранители. В них влюблялись халифы и принцы, их воспевали поэты, писавшие, что брови их «как выгнутый лук», а глаза «мечут стрелы».

Тюрки вели себя бесцеремонно и в конце концов спровоцировали в Багдаде восстание, заставившее халифа перебраться на север. Осенью 835 года аль-Мутасим перенес столицу халифата из Багдада на 100 километров вверх по течению Тигра, где был выстроен город Самарра. В новой столице возникли огромные дворцы, мечети, ипподром, речной порт, были разбиты сады и парки. Главная мечеть города могла вместить, как утверждают, сто тысяч человек. «Пусть возрадуется тот, кто его увидит!» — восклицал халиф, довольный своим городом.

Смута. Аль-Васик и аль-Мутаваккиль

Аль-Мутасим умер в собственном дворце на реке Тигр в возрасте 46 или 48 лет. Новым халифом стал аль-Васик, сын аль-Мутасима и греческой рабыни, — белокожий, с красивым лицом и белой крапункой в одном глазу. Это был большой любитель поесть и выпить, за все шесть лет правления ни разу не выехавший из столицы.

Аль-Васик сделал следующий шаг, бросив наемников уже не против внешних врагов, а против жителей Багдада, недовольных его беспутным правлением. Его не заботило ничего, кроме собственных развлечений, ради которых он опустошал казну. Подавив бунт горожан, тюркская гвардия почувствовала свою силу и поняла, что власть халифа держится только на ее мечах.

В 847 году халиф умер, заболев водянкой. Спасаясь от болей, он забирался в раскаленную печь и сидел там, пока мог терпеть жар: это давало хотя бы некоторое облегчение.

После смерти аль-Васика турки стали полными хозяевами при дворе, по своему усмотрению назначая новых халифов. Сначала они решили отдать власть сыну аль-Васика — Мухаммеду, но потом передумали и сделали халифом его дядю Джафара аль-Мутаваккиля, человека жестокого и распутного. Внешне это был бледный и худой человек с большими живыми глазами и небольшой бородкой.

Аль-Мутаваккилю никто не приносил присягу: о его избрании просто известили подданных. Не имея реальной власти, он действовал хитростью и интригами и даже добился того, что одного из тюркских главарей посадили в тюрьму и уморили жаждой. Мутазилитство он запретил, обратившись к традиционному суннитству, — но не от избытка благочестия, а из политических соображений, чтобы завоевать расположение народа. Всякие рассуждения о Коране при нем были запрещены, философствующее богословие объявлено ересью, шииты, которых до него терпели и даже ублажали, подвергнуты преследованиям. Халиф разрушил их величайшую святыню — гробницу Хусейна в Кербеле, — и приказал распахать и засеять место, на котором она стояла. Заодно досталось христианам и евреям: «людей писания» заставили одеться в желтое, чтобы все видели их издали, а многие церкви и синагоги разрушили или превратили в мечети.

Во всех делах ему помогал его друг Фатх ибн Хакан, происходивший из знатной тюркской семьи и с детства воспитывавшийся вместе с халифом, — человек прекрасно образованный и ценивший культуру, покровитель искусств, сам прозаик и поэт. Ибн Хакан погиб во время покушения на жизнь халифа, заслонив его своим телом и получив смертельный удар кинжалом.

Пытаясь избавиться от опеки тюрков, аль-Мутаваккиль перенес столицу в очередную новую столицу Джафарию и почти сумел сместить их главного лидера Васифа. Но тут ему пришла в голову неудачная идея отнять права наследования у старшего сына аль-Мунтасира в пользу младшего аль-Мутаazza. Разгневанный аль-Мунтасир тут же объединился с Васифом, и тюркские гвардейцы, ворвавшись во дворец, убили халифа во время очередной пирушки.

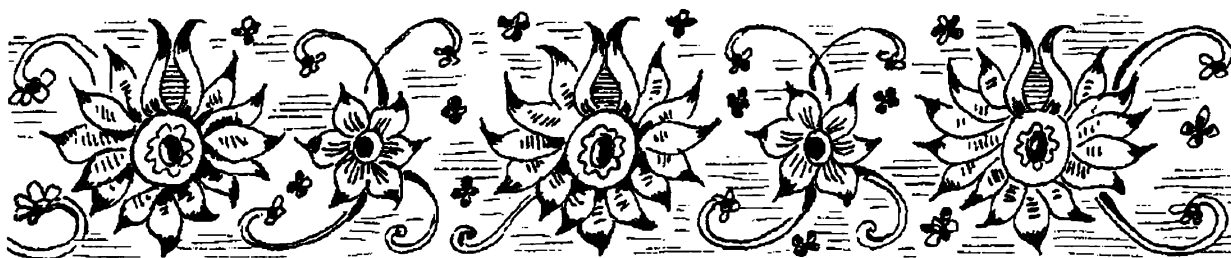
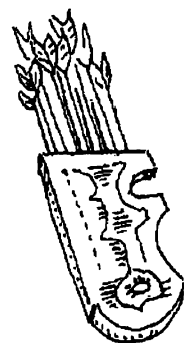
Начатое аль-Мутаваккилем строительство новой столицы после его смерти было заброшено: вырытые каналы так и остались сухими, а огромный дворец опустел и вскоре превратился в руины.

Продолжение смуты

Отцеубийство не пошло аль-Мунтасиру впрок: он процарствовал всего полгода и умер, простудившись в бане. Говорили также, что его отравил врач, смазав ядом скальпель, которым пускал ему кровь.

За шесть месяцев своего правления халиф мало что успел. Сразу после прихода к власти он отправил против Византии армию во главе с Васифом. Как обычно, это был не просто поход, а джихад, священная война во имя ислама. О нем объявили во всех мечетях и призвали всех желающих присоединиться.

Затем он лишил своих братьев, аль-Мутаazza и аль-Муйада, прав на власть (по завещанию их отца, аль-Мутаваккиля, они были его младшими сонаследниками, получали во владение несколько провинций и могли после смерти своего брата унаследовать трон). Сознавая, что в случае отказа их убьют, аль-Муйад сразу согласился отречься и с трудом уговорил сделать то же самое аль-Мутаazza. Они подписали документ, где говорилось, что их назначали сонаследниками против их воли и они не чувствуют себя в состоянии возложить на себя такую ответственность, поэтому освобождают от клятвы верности всех, кто ее дал. Уди-

вительна речь, которую произнес после этого аль-Мунтасир: он заявил, что смещает своих братьев не потому, что хочет передать власть своему сыну, а только для их же пользы, поскольку иначе их убьют тюрки. Через месяц после этого он умер сам.

После его смерти три командира тюрков — Буга Старший, Буга Младший и Багир — возвели на трон его племянника аль-Мустаина, заранее взяв клятву с гвардейцев, что те одобряют их выбор, каким бы он ни был. В знак покорности аль-Мустаин назначил вазиром неграмотного тюрка Отамиша. Тот довел финансы до такого состояния, что опора власти — солдаты взбунтовались из-за невыплаты, зарезали Отамиша и разграбили его дом.

Но дележ власти на этом не закончился. Часть гвардейцев свергла аль-Мустаина и поставил на престол аль-Мутазза.

Аль-Мутазз

Аль-Мутазз, сын рабыни Кабиhi, стал халифом в девятнадцать. Он был высок, белокож, густоволос и очень красив: особенно поражали его живые темные глаза на бледном узком лице. Своего брата аль-Муйада, когда-то уговорившего его отречься от власти и тем спасшего ему жизнь, он арестовал и бросил в тюрьму, где тот вскоре умер, якобы бы от естественных причин. В доказательство власти лицемерно предъявили тело без явных признаков насилия — словно нельзя было убить человека, не оставив на нем следов. Но Аббасиды в то время пытались соблюсти формальности — нельзя убивать членов правящего дома.

Свергнутого халифа аль-Мустаина вызвали в Самарру и убили вместе с няней на подъезде к городу. В роли палача выступил некий Саид аль-Хаджиб: сначала он отхлестал бывшего повелителя плетью, потом повалил его наземь, сел ему на грудь, отрезал голову и отослал аль-Мутаззу. Тот попросил положить голову на пол и продолжал спокойно играть в шахматы.

Страна быстро скатывалась в хаос. Халифы, прежде с такой радостью опиравшиеся на тюрков, теперь не знали, как от них избавиться. К дворцовой войне подключились берберы — наемники из Северной Африки, соперничавшие с тюрками. На улицах столицы начались кровавые столкновения и драки, по городу бродили банды, врывавшиеся в дома и грабившие всех подряд.

В провинциях дело обстояло еще хуже. Во время гражданской войны борющиеся претенденты часто отзывали войска из

дальних областей, чтобы те воевали на их стороне. В результате многие крупные города были просто брошены армией, и халифат туда уже больше не вернулся. Деньги из провинций больше не присылались, каждый наместник объявил себя независимым правителем и главой новой династии. На востоке появились Саффариды, в Египте — Тулуниды, в Алжире — Рустамиды. Содержать наемников — а практически вся армия теперь была наемной — стало не на что.

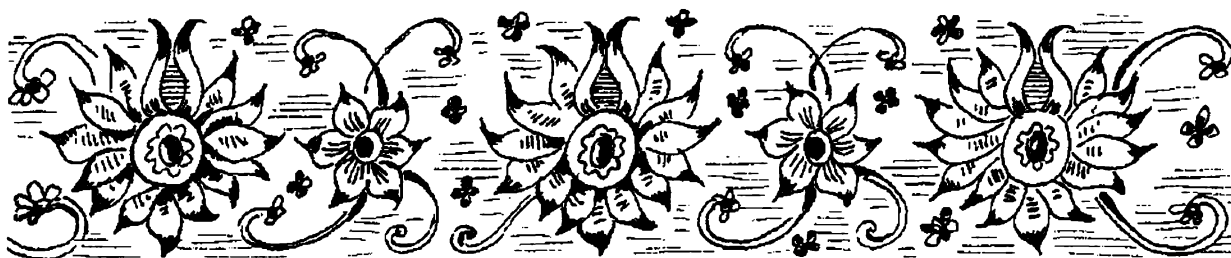
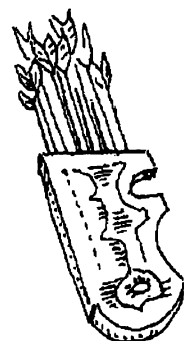
Не получая денег, тюрки восстали против своих же лидеров. Первым был убит Васиф — ему отрубили голову и носили ее по городу, нацепив на палку. Буга пытался бежать от собственных солдат, но был схвачен и убит, а его голову отнесли аль-Мутаззу. Наконец, тюрки потребовали жалованье у самого халифа, пообещав взамен расправиться с его врагами при дворе. У аль-Мутазза не было денег: он обратился за помощью к матери, но та солгала, что ей нечего ему дать.

11 июля 869 года солдаты явились за деньгами во дворец. Халиф спрятался в своих покоях и сказал, что не может к ним выйти, потому что страдает от поноса. Его силой выволокли из комнаты и избили дубинками, потом выставили босым на солнцепеке посреди двора. Окровавленный аль-Мутазз стоял на зное и пытался облегчить свои страдания, поднимая с раскаленной земли то одну, то другую ногу. Его снова колотили дубинками и осыпали бранью, заставили написать отречение от власти — якобы он осознал, что не годится быть халифом и добровольно оставляет трон. Три дня несчастного морили голодом и жаждой и, наконец, заперли в каком-то подвале и наутро нашли мертвым. Родственники, как обычно, засвидетельствовали, что на теле не было никаких следов насилия.

Позже ходило много версий о смерти аль-Мутазза. Говорили, что ему ввели клистир с кипятком, привязали к куску льда и держали так, пока он не умер от холода, убили жаром в раскаленной бане (некоторые добавляли, что потом его напоили водой со льдом, и она разорвала его внутренности).

Аль-Мухтади

Новым правителем сделали аль-Мухтади, сына аль-Васика и ромейки Курб, двоюродного брата аль-Мутазза. Плечистый и кряжистый, с залысинами и высоким лбом, с синими глазами,

которые он унаследовал от матери-гречанки, халиф носил длинную бороду и всегда выглядел суровым.

Аль-Мухтади ввел режим строгой экономии. Как сообщает летописец, он «повелевал творить добро и препятствовать злу, запретил вино и певич и явил справедливость». Правитель и его семья вели аскетическую жизнь: ели мало, отказались от вина и охоты и не устраивали никаких пирушек. Певич прогнали, львов убили, собак раздали. Каждую неделю халиф лично принимал и разбираал жалобы простых граждан, не отказывая никому. Для этого построили специальный «Купол жалоб» с четырьмя дверями, куда каждый мог приходить к нему и рассказывать о своих бедах. Из своего дворца аль-Мухтади приказал вынести бархатные ковры и все вещи, не дозволенные шариатом, стер со стен изображения, а золотую посуду перечеканил в монеты. На содержание себя и своей прислуги этот правитель положил не более ста дирхемов в день. Образцом для себя он считал омейядского халифа-аскета Омара II.

Но все эти благие намерения ничего не давали, потому что в государстве не было денег. Пятитысячная тюркская гвардия не слушала уже никого, включая собственных военачальников: они требовали жалованья. Сын Васифа, Салих, схватил нескольких чиновников и пытал их несколько дней, пытаясь выбить из них хоть какие-то средства. Описания этих пыток сохранились со слов проводившего их палача по имени Душаби. Он высмеивал своих жертв, которые, по его мнению, не проявляли достаточного мужества и вели себя жалко и позорно. Под конец их исполосовали плетью — по пятьсот ударов каждому — и провезли по городу на ослах с обнаженными спинами, превратившимися в кровавое месиво. Несколько жертв скончались по дороге.

В это время с востока неожиданно вернулся Муса, сын Буги Старшего, которого отправили в Рей подавлять восстание Алидов: он тоже хотел поучаствовать в разграблении государства. Войдя в Самарру, он направился напрямик во дворец к халифу и взял его в заложники. Муса обещал халифу жизнь и безопасность, но аль-Мухтади знал, как легко можно нарушить эту клятву. Через несколько недель он решился на отчаянный шаг: одевшись в свои лучшие одежды и умастившись благовониями, вышел к тюркам с мечом в руке. «Вот мой меч, — сказал он, — и я буду драться с вами, пока смогу держать его в руках. Я готов умереть. Но если хоть один волос упадет с моей головы, вы тоже

все умрете. Разве вы неверующие? Разве у вас нет стыда? Разве вы не уважаете Аллаха?» Халиф добавил, что он был бы рад заплатить им деньги, но он и его семья слишком бедны, поэтому его смерть ничего им не даст.

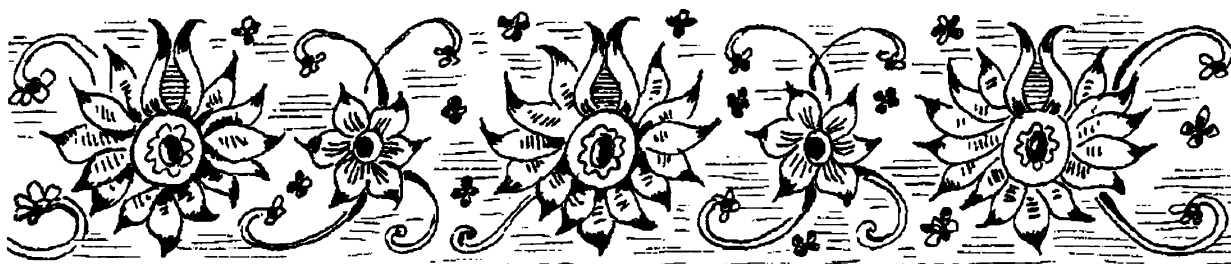
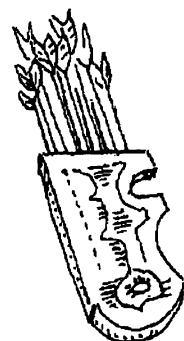
Эта дерзкая попытка едва не увенчалась успехом. Тюрки в ответ стали жаловаться на своих начальников вроде Мусы или Салиха, которые все прибирают к своим рукам, а их, простых солдат, оставляют жить в нищете. Они предложили халифу лично возглавить их войско, восстановив старую армейскую систему, и каждые два месяца выплачивать им жалование: тогда им не будут нужны ни Муса, ни Салих. Аль-Мухтади согласился и принял присягу у солдат, но это ни к чему не привело: у Мусы оказалось достаточно сторонников, и в городе установилось двоевластие.

Опора халифа на рядовых тюрок оказалась очень зыбкой. Когда дело дошло до открытого столкновения с Мусой, они отказались выступить на стороне аль-Мухтади, ссылаясь на то, что тот приказал убить Байикбека, одного из их военачальников. Тогда халиф решил напрямую обратиться к своему народу. Он взял меч и пошел по улицам Самарры, призывая горожан: «Люди, я повелитель правоверных. Выходите на бой, чтобы защитить своего халифа!» Но ответом ему были глухие стены и запертые двери. Вернувшись во дворец, халиф отбросил меч и попытался уйти по крышам, перепрыгивая с дома на дом, но его ранили пущенной снизу стрелой и схватили.

О смерти аль-Мухтади тоже много спорили и приводили разные версии. По рассказам некоторых историков, халифа убили, раздавив ему яички. Говорили также, что его закололи кинжалами, причем племянник Байикбека первым перерезал ему шейную вену и присосался к ней, пока вдоволь не напился крови, «и был он сильно пьян». Другие утверждали, что его расплющили между двумя дисками, стянутыми веревками. После смерти аль-Мухтади в сундуке, где надеялись найти деньги, обнаружили только власяницу и вериги. У него осталось 17 сыновей и 6 дочерей.

Аль-Муваффах и восстание зинджей

Череду слабых и безвольных халифов пополнил брат аль-Мутаза — аль-Мутамид, еще один любитель развлечений, вме-

сто которого на деле правил его младший брат аль-Муваффах. Его усилиями власть халифа на время укрепилась. Аль-Муваффах наглядно показал, что проблемы Аббасидов были связаны не с каким-то объективными и непреодолимыми причинами, а исключительно с бездарностью и распущенностью их руководителей. Действуя твердо и решительно, щедро награждая одних и сурово наказывая других, он внес раскол в ряды тюрок и заставил их уважать власть и дисциплину. Ему удалось вернуть под власть халифа отпавшие восточные провинции и подавить восстание зинджей, по масштабам не уступавшее римскому восстанию Спартака.

В халифат темнокожих рабов поставляли в основном из Восточной Африки и с острова Занзибар, который тогда назывался Зиндж. Поэтому всех черных рабов со временем стали называть зинджами. Зинджи отличались от других рабов тем, что работали на плантациях, а не прислуживали в домах, где жизнь была сравнительно мягкой. По сравнению с домашними слугами существование зинджей было похоже на ад. Их морили голодом, безжалостно секли, они умирали от истощения и гибли от лихорадки.

Восстание началось недалеко от Басры в 869 году. Возглавил его Али ибн Мухаммед, объявивший, что он потомок Али и Фатимы и «скрытый» имам. Это был лучший способ привлечь к себе всех недовольных Аббасидами. Ибн Мухаммед пообещал рабам, что сделает их свободными и отдаст им имущество хозяев. По югу Ирака покатила война убийств и грабежей. Восставшие даже не пытались создать какое-то организованное общество или государство — они просто уничтожали все подряд, разбивая высланные против них отряды. Через два года им удалось захватить Басру. Город был предан разграблению и огню, тысячи жителей погибли, других увели в плен. Поэт Ибн ар-Руми писал, что за один день город вытерпел от зинджей столько, словно прошла тысяча лет. На невольничьих рынках еще долго продавали женщин из знатных арабских семей.

Восстание длилось так долго, что постепенно его руководители сами стали богачами и рабовладельцами, обзаведясь огромным гаремами и прислужой. В конце концов, зинджи захватили большую территорию, перерезав торговые пути с запада на восток. Только тогда власти, наконец, взялись за дело всерьез и бросили на подавление восстания отборные войска. Началась партизанская война зинджей, которые делали набеги на города,

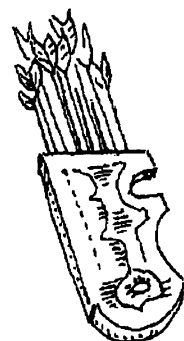
грабили и уходили с добычей в неприступные болота. Их главная база находилась в устье реки Шатт-эль-Араб, в местности, изрезанной множеством протоков и густо заросшей камышом. В этих лабиринтах грозная кавалерия халифа была беспомощна. Солдатам регулярной армии приходилось пересаживаться на барки и лодки и прочесывать островок за островком всю дельту, плотно усеянную скрытыми и хорошо укрепленными лагерями повстанцев. На эту операцию ушло несколько лет. Только в 883 году под руководством самого аль-Муваффака войска добрались, наконец, до центральной крепости восставших, затерянной в глубине болот, осадили зинджей и взяли их измором. Али ибн Мухаммед был убит.

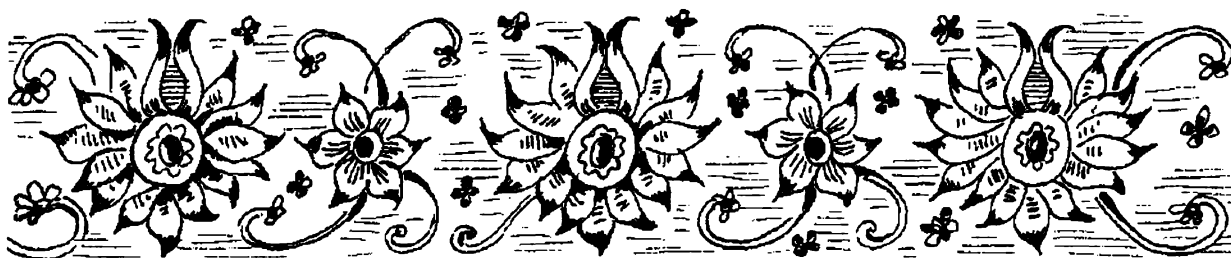
Аль-Муваффака много лет мучила слоновья болезнь — у него безобразно напухали руки, ноги и все тело. Во время поездки в Азербайджан ему внезапно стало хуже. Обратившись в Багдад его привезли на носилках, обитых атласом и шелком, и на третий день он скончался.

Аль-Мутаид и аль-Муктафи

Сын аль-Муваффака аль-Мутаид, унаследовавший реальную власть в стране, а потом и официально признанный халифом, продолжил твердую линию отца. Лично возглавив армию, он подавил все попытки сепаратизма на востоке и привлек на свою сторону богатых шиитов, которые помогли ему поправить экономику страны. С помощью умелого управления и шиитских денег он наполнил вечно пустовавшую казну. В расходах халиф был до смешного прижимист и приказал уменьшить размер лепешек у всех обитателей дворца, включая самого себя. По отзывам современников, больше всего он любил женщин и строительство: среди прочего, аль-Мутаид построил себе гигантский дворец за четыреста тысяч золотых динаров. Но главной его страстью был молодой тюрок по имени Бадр: аль-Мутаид обожал его так, что смеялся от радости, просто увидев его издали. Халиф сочинял для него стихи, сравнивая его лицо с луной, а капли его пота — с мускусом.

Призрак. В правлении аль-Мутаида случилась мистическая история, которые редко встречаются в анналах халифата. Многие годы ему являлся некий муж в разных обликах: то

красивого юноши с черной бородой, то белобородого монаха, то купца. Один раз он пришел с острым мечом и убил дворцового слугу. Призрак появлялся везде, где бы ни был халиф, во всех его домах и дворцах. Разные люди говорили, что это злобный джинн, посланный его мучить, или добрый демон, желающий отвлечь его от преступлений, или человек, влюбленный в одну из его любовниц и проникавший в гарем с помощью снадобья, который он клал в рот, чтобы делаться невидимым. Халиф пытался избавиться от призрака с помощью заклинателей, но в этом не преуспел и, впав в отчаяние и злобу, убил несколько слуг и своих домашних. Историки отзываются о нем как о садисте, который сам пытал своих пленников. Даже собственную мать он заточил в тюрьму и обезобразил, отрубив ей нос.

Умер аль-Мутаид в «гаремном стиле», по слухам, отравленный из ревности своей рабыней. Однажды вечером он поужинал ягнчыми головами вместе с двумя своими собутельниками — Куффом Глотальшиком и Халафом Шутом, а утром всех троих нашли мертвыми. Будто бы агония его была такой страшной, что, когда подошел к нему лекарь, он убил его ударом ноги. Перед самой смертью халиф вдруг нахмурил брови, и слуги, все еще трепетавшие перед своим господином, сами чуть не умерли от страха. И снова специальная комиссия засвидетельствовала, что на халифе нет следов насилия, и постановила, что он умер от пристрастия к вину.

Его сына аль-Муктафи можно считать последним сильным Аббасидом. Своим прочным положением он был обязан вазиру аль-Касиму, решительному воину и администратору, который, возглавив тюркскую гвардию, разгромил Тулунидов и вернул стране Сирию и Египет. Восстановив власть в провинциях, он буквально за два года навел порядок в министерствах, наладил финансовые потоки и оборот документов и обеспечил бесперебойное поступление налогов в казну. Преждевременная смерть аль-Касима стала сильным ударом для халифата: новый вазир аль-Аббас не обладал достоинствами своего предшественника.

Аль-Касим сумел настроить аль-Муктафи против фаворита прежнего халифа, тюрка Бадра, так что тот возненавидел его от всей души. По приказу вазира прятавшегося Бадра выманили ложным обещанием милости от халифа и отрубили ему голову.

Когда голову принесли аль-Муктафи, тот удовлетворенно заметил: «Теперь я изведаль вкус жизни и сладость халифата». У него имелся свой фаворит, которому он тоже писал стихи:

У меня есть раб, а у него — моя любовь.
Превратил он меня в своего раба, невольника.
Я его освободил, но кто освободит меня
От моей любви к нему?

По прижимистости и экономности аль-Муктафи не уступал отцу. В день ему подавали всего десять блюд — ничтожная цифра для халифского двора, — три чаши халвы и хлеб, а если халва и хлеб оставались, он съедал их на следующий день. Только по пятницам, в день соборной молитвы, к столу подавали молодого козленка.

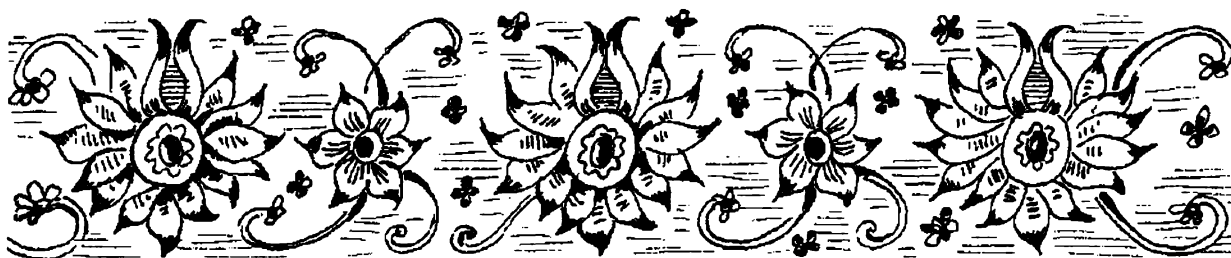
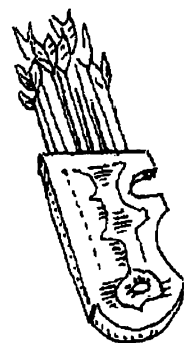
Аль-Муктафи пришел к власти в 24 или в 25 лет и умер в 31 год.

Аль-Муктадир, однодневный халиф и аль-Кахир

После смерти аль-Муктафи, правившего шесть с половиной лет, ему наследовал его брат аль-Муктадир — невысокий коренастый юноша с красивым лицом, на котором выделялись огромные зрачки. Не успел он сесть на трон, как его тут же свергли в пользу аль-Муртада, сына бывшего халифа аль-Мутазза, — правда, всего на один день.

Аль-Муртад почти всю жизнь провел как пленник при дворе своего двоюродного брата аль-Мутадида, сочиняя хвалебные песни в его честь. Это был умный и образованный человек, больше прославившийся как поэт, чем как политик. Знатоки литературы до сих пор считают его одним из лучших арабских поэтов, образцом безупречного стиля и выдающимся теоретиком стиха. Придворным секретарям он показался подходящей кандидатурой, и они возвели его на престол, устроив дворцовый переворот и убив вазира аль-Аббаса. Однако халифу аль-Муктадиру чудом удалось спастись. На следующий день маятник власти качнулся в другую сторону, и аль-Муртад был убит, получив прозвище «однодневного халифа».

Оставшийся на троне аль-Муктадир проявил себя как слабый правитель, бездумный любитель роскоши, потакавший всем своим капризам и страстям. Он считал, что быть халифом

означает окружить себя невероятной пышностью и проводить время в бесчисленных застольях и пирах. Все заботы о делах он передал всесильному евнуху Мунису по прозвищу Победоносный. Но пожить спокойно ему не удалось: став безвольной игрушкой в руках многочисленных жен и придворных интриганов, он опрометчиво пошел на конфликт с Мунисом, попытался его низложить, но потерпел поражение и погиб в бою. Прямо на поле брани ему отрубили голову и содрали с него всю одежду, включая серебряный кафтан и зеленый плащ пророка. Какой-то солдат, почувствовав к нему жалость, прикрыл его охапкой травы.

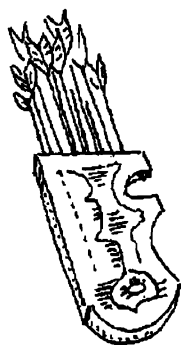
Мунис сделал халифом его родного брата аль-Кахира, о чем вскоре очень пожалел.

Аль-Кахир оказался, пожалуй, худшим из аббасидских халифов. Характер его, по словам аль-Масуди, не поддается описанию, настолько он был противоречив. Абсолютное бесстрашие сочеталось в нем с гневливостью, которая выражалась в приступах ужасной ярости. Среди его любимых причуд было ходить по дворцу с огромным копьем и колоть им каждого, кто попадался по пути. Задавая кому-нибудь вопрос, он обычно говорил: скажи мне правду или будет это — и указывал на копье. Внешностью халиф походил на аль-Муктадира — большеглазый, пышнобородый, рыжеволосый и с белой кожей («белые, как жемчуг», говорили про всех трех братьев).

Жестокий, злобный и жадный, не стеснявшийся пытками выбивать деньги у своих подданных, в том числе женщин, аль-Кахир был к тому же законченным пьяницей и каждый день устраивал хмельные пирушки. Это не помешало ему проявить незаурядную изворотливость и хитрость, переманив на свою сторону войска Муниса, а затем арестовав и казнив своего благодетеля. Но править ему пришлось мало — около полутора лет. Тюрки, которым надоел этот беспринципный пьяница и тиран, ослепили его прямо во дворце и бросили в тюрьму. Позже его выпустили из тюрьмы, и он еще много лет прожил в нищете, прося милостыню в соборной мечети.

Могущество ранних Аббасидов продлилось сравнительно недолго. Расцвет династии продолжался всего шестьдесят лет — с 749 по 809 год. Харун ар-Рашид был последним халифом, при котором сохранялось относительное единство государства, по-

этому позже его время стали считать золотым веком, образцовым правлением. На нем славная эпоха Аббасидов закончилась, и начался развал страны. Вспыхнули гражданские войны, огромные куски империи отваливались один за другим. На западе далекое Марокко захватили шииты Идрисиды, еще более далекую Испанию — Омейяды, в Тунисе обосновались Аглабиды, в Алжире — Рустамиды. Правители восточных провинций создавали свои династии, формально подчиняясь багдадскому шаху, но на деле становясь независимыми монархами. Несмотря на это, Аббасиды оставались на троне еще сотни лет, а их имя было синонимом власти, богатства и культуры.

Часть II Россыпи самоцветов, или Жизнь при халифате

Глава 1. Знакомство со столицей

Незнакомец в городе

Приезд

Первое, что замечает путешественник, подъезжая к любому мусульманскому городу, — это купола и минареты множества мечетей. В крупных городах вроде Дамаска или Багдада исламские храмы строили десятками, если не сотнями, — по меньшей мере один на жилой квартал. Именно благодаря мечетям восточный город имеет тот характерный ломаный силуэт, который мы хорошо знаем сегодня: чередование широких куполов — белых или покрытых золотом — и тонких минаретов создает впечатление холмистой местности, даже если сам город стоит посреди плоской пустыни.

В каждом городе имелась своя соборная мечеть, где находилась кафедра для проповедей — минбар, и читалась пятничная молитва — хутба, в которой имам поминал правящего государя. Если географы и путешественники того времени писали:

«В таком-то поселении есть кафедра», — это означало, что оно имело статус города. Сначала соборная мечеть была только одна, поэтому по пятницам к ней стекалось население со всех кварталов. Толпы верующих не помещались во дворе и заполняли все соседние улицы, иногда даже сидели в лодках посреди реки. Из-за этого в городах стали строить сразу несколько соборных мечетей.

По традиции каждая мечеть имела хотя бы один минарет, но их могло быть гораздо больше, в зависимости от ее размера и значения (у мечети в Медине, например, их целых десять). Минарет главной мечети был самым высоким зданием в городе и служил чем-то вроде путеводной вехи: с ней сверялись направлявшиеся к городу караваны, на нее же ориентировались сами горожане в лабиринте улочек. Красоте и внушительности главного минарета придавалось большое значение, поскольку он отражал престиж и могущество правителя. Для его постройки не жалели средств, приглашали лучших архитекторов и нанимали самых опытных строителей.

Многоликие минареты. В архитектурном плане минарет — простой цилиндрический ствол, увенчанный сквозной ротондой-«фонарем», где находится площадка для муэдзина. Но на этой незамысловатой основе арабские зодчие создавали сооружения самых разнообразных видов и форм. Фонари могли быть массивными и мощными, как крепостные башни, или, наоборот, ажурными и невесомыми, словно их вот-вот сдует ветер. Вместо одного цилиндра некоторые строители ставили целый пучок стволов на граненом цоколе — и они вместе уходили вверх, словно группа сросшихся деревьев. Минареты то взлетали к небу тонкими острыми ракетами, то закручивались в спираль подобно раковине, то высились над городом прочной квадратной цитаделью, покрытой чешуей кирпичной кладки. Позже здания стали украшать орнаментом и облицовывать керамикой, так что узор из камня покрывал всю стену плетеным кружевом. Минареты использовали не только по прямому назначению — для созыва верующих на молитву, но и в качестве дозорных башен, для казни преступников, которых сбрасывали из ротонды вниз, а во время военных действий — как удобный пункт для обстрела города.

Подъезжая к городу, путешественник неизбежно встречал еще одну мощную и внушительную постройку — городские стены. В разных городах эти грандиозные, геометрически четкие, скошенные снизу отвесные сооружения с круглыми или гранеными навесным башнями достигали от пятнадцати до двадцати метров в высоту. Строительство надежных и хорошо укрепленных стен считалось для любого правителя столь же важным делом, как возведение мечетей: в случае осады они становились ключом к обороне города и нередко полностью решали его судьбу. Остатки грандиозных стен — часто единственное, что осталось от некогда великих арабских городов.

У въездных ворот к наружной стороне стены города обычно примыкал базар, где кипела жизнь. Многочисленные торговцы и ремесленники предлагали подъезжавшим путникам всевозможные полезные услуги, от мелкого ремонта одежды до покупки раба или верблюда. Здесь же можно было взять напрокат осликов, которые в арабских городах заменяли такси: эти выносливые животные с утра до вечера курсировали между «ослиными стоянками», расположенными во всех кварталах города.

Потом над головой путешественника проплывала подъемная решетка, и, миновав темный тоннель, проложенный в толще крепостной стены, он оказывался на одной из главных улиц города. После этого путь иноземца лежал на постоялый двор. В Багдаде и других крупных центрах не было гостиниц в чистом виде, но существовали рабаты, или рибаты, которые на персидский манер назывались караван-сараями. Это были огромные строения с просторным внутренним двором, обнесенным открытой галереей, и множеством комнат для постояльцев. Поставив в стойла вьючных животных и разместив свои товары на прилежавшем к рабату складе, приезжий иностранец принимал баню, помещавшуюся в том же здании, переодевался в чистую одежду и, отведав блюда местной кухни, отправлялся в соборную мечеть.

В первые века ислама мечети были не только местом для молитвы, но и очень бойким местом, где с утра до ночи толпилось множество людей, не имевших никакого отношения к молитве. Днем здесь зачитывали указы, вершили суд, хранили деньги, обедали и заключали сделки. Преподаватели богословия и учителя сидели у колонн на молитвенных ковриках — порой по пять или десять человек сразу — и вели свои занятия, собирая вокруг себя кружки учеников. По вечерам в мечеть приходили литера-

торы, ученые и философы, чтобы вести оживленные дискуссии, обсуждать новости, декламировать стихи или заводить романы. (Один поэт с гордостью рассказывал, как много мальчиков он совратил в мечети Басры). Ночью дверей не закрывали, чтобы внутри мечети могли ночевать нищие, бездомные и странники, а с утра здесь уже торговали хлебом.

Устройство всех мечетей в халифате было более или менее одинаковым, оно ориентировалось на один и тот же образец — первый мединский храм, построенный пророком Мухаммедом. С точки зрения архитектуры мусульманский храм — это простая базилика византийского типа, с персидскими или египетскими элементами, где с одной стороны пристроен открытый двор, обрамленный галереями-аркадами. В память о том, что мечеть Мухаммеда не имела крыши, а только навес для молящихся у одной из стен, у всех последующих мечетей всегда имелась открытая и закрытая часть. В середине двора обычно устраивался бассейн для омовения, огороженный небольшой решеткой и выложенный мрамором; в центре бассейна был фонтан, окруженный колоннами и накрытый куполом.

Главное украшение интерьера составляли каллиграфия и орнамент. По стенам тянулись цитаты из Корана, выведенные декоративной вязью и как бы тонувшие в мелкой кружевной листве. Они сопровождали посетителя повсюду: взлетали вверх по аркам, перекидывались со стены на стену, спускались по сводам с потолка. На полу, словно отражение этого сложного декора, была выложена геометрическая мозаика из цветного кирпича, оплетенная по периметру прихотливыми узорами в виде завитков и усиков растений. С потолка свисали терракотовые «сталактиты» — характерное для арабских зданий украшение в виде граненых сот, расположенных друг над другом многоярусными уступами.

Мечеть внутри. Убранство любой мусульманской мечети не только красиво, но и хорошо продумано. В закрытой части всегда расположен михраб — неглубокая ниша в стене, род апсиды, повернутой к Мекке и указывающей направление молитвы. Место перед михрабом, где стоят вельможи и другие важные лица, называется максура, а место, с которого читается Коран, — такбир. Такбир и минбар находятся на возвышении, чтобы всем было хорошо слышно голос пропо-

ведника или чтеца. По углам мечети обычно ставят бронзовые сосуды с водой, куда в дни службы кладут лед, чтобы обеспечивать свежесть и прохладу воздуха. Для поддержания чистоты и удобства верующих в хозяйственных помещениях запасают кожаные ведра и метла для уборки, молитвенные коврики и циновки, глиняные сосуды для воды, паклю для фитилей. По вечерам в мечети зажигают свечи и масляные лампы, а по праздникам — курильницы на древесном угле, в которых курится благовонная смесь камфары, мускуса и индийского алоэ.

Именно в мечети прибывший в город иноземец мог узнать все последние новости, встретиться с нужными людьми и заручиться их поддержкой и помощью в делах. Если он мог предоставить рекомендательное письмо от какого-нибудь общего друга, то становился «побратимом» одного из местных жителей и поселился в его доме на правах гостя.

В гостях у друга

Не считая дворцов и мечетей, внешний вид арабских домов не представлял собой ничего особенного: вся их красота сосредотачивалась внутри. Даже в богатой и процветающей столице почти все здания были одноэтажными и строились из самых простых и дешевых материалов: глины, ила, дерева или тростника. Арабы, как и древние римляне, любили жить «внутри» дома, а не наружу: их домашняя жизнь сосредотачивалась вокруг внутреннего двора, а к улице поворачивалась глухими стенами, которые выходили на «проезжую часть» в лучшем случае парой маленьких окошек. Только иногда с внешней стороны устраивались «машрабии» — балкончики, забранные частыми решетками. Сидя в таких убежищах, домочадцы могли следить за происходившим на улице, оставаясь невидимыми для прохожих.

Часто арабский дом вообще была нельзя увидеть снаружи: он надежно прятался в недрах городских кварталов, куда приходилось пробираться через запутанную сеть узких переулков и дворов. В хаосе этих лабиринтов мог не заблудиться разве что местный житель, хорошо знакомый с каждым поворотом. В конце концов пешеход оказывался в закрытом дворике, который в столице имели все, даже самые скромные горожане. Собственно, сам по себе двор уже являлся частью дома, поскольку никаких дверей

в нем не было: входом служил открытый портик, опирающийся на две колонны из дерева и занавешенный циновкой из тростника.

Войдя в дом, гость прежде всего попадал в *айван* — большую гостиную и главный зал, откуда можно было попасть в другие помещения, разбегавшиеся по периметру двора. Жилые комнаты в мусульманском доме имели небольшой размер и казались практически пустыми: в них не было ни шкафов, ни кроватей, ни кресел, вообще никакой мебели. Только вдоль стен стояли большие сундуки, в которых хранили одежду.

За неимением стульев и диванов жители и гости дома сидели прямо на полу, на ковриках или на *фарше* — переносном настиле, поднимавшемся чуть выше пола. Ночью арабы укладывались спать на коврах, застеленных матрасом и заваленных одеялами и подушками. Столы использовались только за обедом — их вносили в комнату на время трапезы, прямо вместе с блюдами, а потом выносили обратно.

Всю остальную обстановку в доме заменяли подушки, занавеси, циновки и ковры. Ковры были, пожалуй, самым важным предметом в доме. Эти великолепные изделия не только вешали на стены или стелили на пол: на них спали, молились, ели, принимали гостей. Ковры могли быть самых разных видов и форм, от больших *бассатов* до маленьких *мусалла* — моельных ковриков, особенно почитавшихся мусульманами. Больше всего у арабов ценились армянские ковры в красной гамме, после них шли персидские и бухарские.

Эстетической стороне быта арабы придавали особое значение и тратили на нее большие средства. Украшения комнат имели тот особый восточный вкус и колорит, который до сих пор составляет неповторимое очарование для европейца. Обилие мягких подушек, ярких и причудливых орнаментов, искусство инкрустации и чеканки заставляли забывать про недостаток мебели и картин. Главное богатство обстановки составляли разнообразные драпировки и ткани, развешанные на стенах, декоративные росписи в простенках и по потолку, тонкая, порой изощренная резьба по дереву, дорогая посуда из металла, рубина и стекла. Все это переливалось разными цветами радуги, освещаясь вечером масляными лампами и свечами, а днем — лучами солнца, падавшими в маленькие круглые окна с цветными стеклами.

Многие стороны повседневной жизни в мусульманских городах определялись жарким климатом. Вечера и ночи арабы

проводили на крышах, наслаждаясь прохладой и простором. В жару крыши домов для охлаждения покрывали сырой глиной, а в специальные деревянные «батареи», тянувшиеся вдоль стен, насыпали лед. На окна вешали мокрое полотно. Воздух в помещении освежали *хайшем* — огромным веером из куска ткани, натянутым на подвешенную к потолку деревянную раму, которую вращал специальный слуга. Кроме того, на пол ставили серебряный сосуд с розовой водой, шафраном и другими благовониями.

Когда в домах становилось совсем невыносимо от зноя и духоты, богатые жители выбирались к реке и ставили на берегу переносные домики из легкой, продувавшейся ветром ткани. В Багдаде от жары спасались с помощью мокрого войлока, который натягивали над летними палатками. На востоке, в Афганистане и Персии, люди в сильную жару вообще редко поднимались в дом, предпочитая жить в прохладных подвалах.

Другим способом укрыться от жары были сады. В городах сад имелся в каждом более или менее просторном дворе, где можно было посадить несколько растений. В центре сада почти всегда устраивался *сурдаб* — круглый бассейн с проточной водой, дорожки устилали циновками. В саду можно было спать в зной или просто укрыться в тени плодовых деревьев и проводить время в приятной праздности, глядя на то, как на воде покачиваются лотосы.

В отношении бытовых удобств жизнь арабов была комфортной и цивилизованной. В городе имелась канализация, почти в каждом дворе находилась колодцы с чистой водой, в глубоких подвалах хранились скоропортящиеся продукты. Домашние и общественные бани поддерживали гигиену на высоком уровне, даже не снившемся средневековой Европе.

Бани

Чистоплотные арабы постоянно ходили мыться в бани, называвшиеся *хаммам*. Наряду с мечетью это было, пожалуй, самое распространенное здание в городе. Бани строили в частных домах, дворцах, караван-сараях, жилых районах и при мечетях (иногда, наоборот, мечети устраивали прямо в банях). Средневековые авторы, любившие все преувеличивать, писали, что в Багдаде было 60 тысяч бань. Более правдивые путешественники сообщали о 30—36 хаммамах, то есть по два или три на каждый жилой квартал.

Ислам довольно противоречиво относился к баням. С одной стороны, вера предписывала арабам регулярное омовение, а воде и чистоте придавалось особое значение. Пророк говорил: чистота — половина веры. С другой стороны, тот же пророк считал, что в банях обитают джинны, поэтому перед их посещением рекомендовалось читать очистительные молитвы. Получалось, что физической гигиене и чистоте придавался только религиозный смысл, а его светская половина выглядела сомнительной.

Особые возражения у ревнителей благочестия вызывали общественные бани. Добродетельному мусульманину полагалось мыться дома, тем более — добродетельной мусульманке. По словам пророка, «когда бы женщина ни входила в баню, шайтан сопровождает ее». На практике все это не мешало арабам и арабкам сделать бани частью своей повседневной жизни и с наслаждением предаваться посещению хаммамов, где

Будто пламя, горячая плещет вода,
Солнце сияет, сквозь дождь, и в достатке всегда!

Бани чаще всего находились в полуподвалах или просто под землей (торчала только крыша, из которой валил пар), но их легко узнавали по мелким световым окошкам, усеивавшим купола подобно звездам. Снаружи стены и крыши бани густо мазали асфальтом, поэтому казалось, что они высечены из черного мрамора.

По внутреннему устройству арабские бани напоминали античные термы и, скорей всего, были заимствованы у поздних греков. Даже общий интерьер выглядел так же, как у византийцев: мозаики на полу, мраморные стены, решетчатые окна с витражами. Мусульманские богословы не зря относились к баням с подозрением: в отличие от других помещений, здесь имелись запрещенные исламом росписи с изображениями животных и даже людей. Особенно часто почему-то изображали сказочное существо аль-Анка — птицу с четырьмя крыльями и человеческим лицом.

В традиционной арабской бане было два или три помещения разной температуры. Горячая вода подавалась из-под земли по трубам с помощью вращавшего круг быка или верблюда и нагревала двойной пол, наполненный горячим воздухом. Печи для нагрева топили сушеным навозом — кизяком. В каждом по-

мещении находился бассейн, а иногда и фонтан, облицованный мрамором — материалом, хорошо сохранявшим тепло.

Мужчины и женщины посещали одни и те же бани по очереди. Если в бане мылись женщины, дверь в нее занавешивали ковром, — это был знак, запрещающий вход мужчинам. Клиенты первым делом снимали одежду в раздевалке, где им помогал специальный человек — *кайим*. Чтобы не обжигать ноги о горячий пол, посетители надевали башмаки с деревянными подошвами.

Мусульмане никогда не мылись полностью обнаженными, по крайней мере, не должны были мыться: ислам запрещал открывать прилюдно «срамные места». Завернувшись в полотенца, из раздевалки посетители попадали в холодный зал, потом в теплый и, наконец, парилку, где температура достигла 100 и больше градусов. Здесь, растянувшись на лежаках, гости долго потели в затуманенных паром солнечных лучах, которые пробивались сверху через решето звездчатых окошек. Под действием жара в теле, как писал Ибн Сина, «раскрывались поры, проходило утомление и рассасывались излишки».

Единственным допустимым развлечением в бане был массаж. В ход шли грубые глиняные скребки для подошв и мохнатые мочалки для растирания кожи. Тело разминали костяшками пальцев, кулаками, локтями и даже ступнями. Под конец, основательно размякнув и прогревшись, клиенты переходили в зал для отдыха, где им подавали сладости и напитки. Здесь можно было приятно провести время, выпить лимонной и розовой воды и побеседовать с друзьями.

Во дворце халифа

На приеме

Дворцы халифа, вазиров, высших чиновников и других вельмож отличались от других домов только размерами и богатым убранством. Как и жилища бедняков, они имели внутренние дворы, но не один, два или три, а десяток или больше. В халифских дворах, занимавших целые кварталы, при необходимости можно было разместить полк солдат. Внутри роскошь обстановки била в глаза изобилием драгоценных материалов, мозаик, изысканно расшитых тканей и ковров, мастерски выполненных фресок и резьбы. Чем выше был статус дома, тем больше в нем

золота и самоцветов и тем тоньше и искусней отделка покрывал. Богатые домовладельцы заключали садовые пальмы в золотые обручи, выкладывали стенки дворовых бассейнов золотыми и серебряными пластинами. Один багдадский халиф сделал у себя во дворе небольшое озеро из олова и поставил на него золотые корабли с раздувавшимися парусами. Во многих дворцах имелись ипподромы для скачек, позаимствованные у византийцев.

В Багдаде халифский дворец стоял в самом центре города на перекрестке четырех главных улиц, обращенный к ним четырьмя открытыми дворами. Каждый двор переходил в просторный зал-айван, а на их перекрестии находился парадный зал со стенами, покрытыми радужной мозаикой и золоченым мрамором. Мраморная лестница вела к высокому помосту, где в приемные дни на украшенном львами троне восседал халиф, обложенный одеялами и подушками и облаченный в халат из золотой парчи.

Приемы у халифа проводились регулярно и имели не только церемониальный, но и практический смысл. В халифате существовало правило, называемое *мазалим*, по которому любой подданный халифа мог прийти к нему на прием и пожаловаться на несправедливость. Иногда на разбор таких жалоб уходил целый день. Благочестивые халифы требовали, чтобы к ним пропускали всех жалобщиков без разбора, а вазир, если такого приема не случалось в течение трех дней, был обязан напомнить повелителю о его обязанностях. Насколько в действительности соблюдалось мазалим, неизвестно. Кроме аудиенций, на приемах зачитывали новые указы, принимали послов и давали назначения чиновникам.

Во время приема в главном зале собиралось несколько сотен приглашенных. Гости входили через центральный вход, на котором по этому случаю откидывали занавес. В парадную комнату вступали строго по рангу: первыми шли самые знатные и влиятельные вельможи, дальше шествовали знатоки Корана и закона в сопровождении секретарей-каттибов. Еще ниже рангом стояли поэты и певцы, а в хвосте плелись мелкие чиновники или придворные, впавшие в немилость. Наиболее приближенные к халифу после окончания церемонии отправлялись вместе с ним в мечеть.

На парадный прием было принято одеваться во все черное — официальный цвет Аббасидов. В торжественные дни во дворце государственные лица носили — персидский кафтан каба и «длинные калансува» (калансува тавила) — высокие, су-

живавшиеся кверху шапки из черного шелка, натянутого на тростниковый каркас. «Длинные калансува» были неудобны, и в обычное время вместо них на головы надевали тюрбаны или накидывали капюшоны — талайсаны.

Жизнь правителей

В IX — X веках аббасидские халифы были уже не те скромные и преданные служители ислама, какими их знали во времена Абу Бакра и Омара. Из духовных авторитетов и глав общин они превратились в земных царей, окруженных роскошью и наделенных безграничной властью.

О том, как менялось отношение к правителям, можно судить по тому, как звучали их титулы. Если в IX веке к халифу обращались просто на «ты», то в начале X века его уже называли в третьем лице — повелитель правоверных. Скоро и это звание стало казаться слишком простым, и к нему начали добавлять почетные прозвища вроде «аль-Хади» (руководящий) или «аль-Мамун» (благополучный). К прозвищу присовокуплялся особый титул — лакаб, выражавший близость халифа к Аллаху. Например, аль-Мансур носил титул «би-л-лах» — «побеждающий силой Аллаха!». Позже, в XI веке, стали использовать канцелярски-витиеватое выражение «пресвятейшее пророческое присутствие».

Знатные вельможи старались не отставать от повелителя и тоже получали всевозможные красочные титулы: «опора царства», «венец веры», «властитель мира» и пр. Чаще всего в этих прозвищах присутствовало слово «династия» или «держава» — *даула*, поэтому во многих мусульманских государствах у правителей вошло в обычай добавлять «ад-Даула» к своему имени. Популярны были также прозвища, где вместо династии говорилось о вере — например, Рукн ад-Дин — «столп веры».

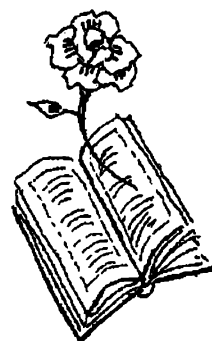
Титулы и звания раздавались не просто так: халиф получал за них деньги, и чем пышней и торжественней они звучали, тем дороже стоили. За торжественный титул Малик ад-Даула — «царь династии» — правитель Багдада заплатил несколько тысяч золотых динаров, сотни кусков дорогих тканей, множество драгоценных благовоний и триста китайских ваз. Махмуд Газневийский первым получил от халифа аль-Кадира титул султан, что значит «власть»: с его легкой руки это слово разошлось по всей исламской империи.

Одновременно с титулами усложнялся и придворный этикет. Первый омейядский халиф Муавия подчеркнул свое высокое положение тем, что поселился в специально выстроенном для него дворце, где окружил себя гвардией и завел обширный штат прислуги. Аббасидский халиф аль-Махди сделал следующий шаг, создав при дворе сложный и пышный персидский церемониал. При нем двор приобрел то огромное значение, которое сделало его отличительным признаком халифата. Семья, гарем и прислуга правителя превратились в центр, вокруг которого вращалась вся жизнь государства. Халифа и его приближенных охраняла многочисленная стража, а дворец и его окружение образовали замкнутый мир, отделивший правителя от подданных непреодолимой стеной. Это позволяло слабым и безответственным царям обитать как бы на другой планете, ничего не зная о внешнем мире и не интересуясь тем, что в нем происходит. Государство и общество жили своей жизнью, а халиф и двор — своей.

Постепенно этикет Аббасидов становился все сложнее и все больше каменел в своей торжественной помпезности. В середине IX века вошло в обычай падать ниц и целовать землю перед халифами. Наместники провинций из почтения называли повелителя «наш господин», а самих себя — его рабами и вольноотпущенниками. Венцом поклонения «заместителям Аллаха» стало появление мавзолеев — почести, подобавшей только царям или святым. Если раньше халифов скромно и непритязательно хоронили там, где их заставляла смерть, то теперь тела правителей переносили в столицу, а над их могилами возводили пышные гробницы. Первым халифом, погребенным в мавзолее, стал аль-Мутамид (870—892), для которого построили роскошную усыпальницу в Самарре.

Жизнь халифов представляла собой ряд бесконечных пиров и развлечений. Трапезы повелителей правоверных были обставлены как многочасовые празднества, длившиеся целые ночи напролет. И здесь тоже имелись свои правила и обычаи. Халифы стояли слишком высоко, чтобы позволить себе заурядную пьянку и обжорство в простонародном духе (хотя в более поздние времена дело доходило и до этого). Пиршества халифов следовали арабским и персидским образцам и имели традиционную форму *маджлиса* — мужского клуба образованных людей.

Первоначально, еще до ислама, маджлисы были вечерним племенным собранием, где вспоминались ратные подвиги чле-

нов племени. Под влиянием персов эти встречи приобрели более культурный оттенок, проникнутый чувственными удовольствиями и облагороженный искусством. На трапезах у халифа был обязательный товарищ — *надим*, сотрапезник, которому он отдавал предпочтение в беседе. В число надимов входили самые известные и образованные люди, которые могли чем-то развлечь или развеселить повелителя: поэты, литераторы, ученые, музыканты, любители шахмат. Надимы состояли в придворном штате и получали за свою работу щедрое жалованье. Благодаря им халифское застолье превращалось в утонченное и изысканное удовольствие, состоявшее из занимательных историй, остроумных рассказов, исполнения песен и чтения стихов.

Семьи и близкие родственники халифов жили ненамного хуже правителя. Братьям, сыновьям, дядьям халифа принадлежали огромные земли и целые провинции. В Багдаде каждый из них имел свой дворец и свой двор. Так же, как халиф, они покровительствовали поэтам и ученым, наслаждались петушиными боями или охотой на зайцев, проводили время в беседах и пирах.

Жизнь халифа и его родных становилась все более пышной и веселой, хотя дела в государстве шли все хуже. Количество слуг росло, по залам дворца сновали смазливые мальчишки, стелившие постель или разносившие вино. Появилось много евнухов, которых прежде не держали. И все большее значение приобретала женская половина халифского дворца — гарем, ставший главным центром и сосредоточием «сладкой» жизни.

Гарем и его обитатели

Шатры бедуинов еще до Мухаммеда делились на мужскую и женскую половины, но гарем (точнее, *харим*, буквально «закрытое место», множественное число — *хурам*) появился в халифате довольно поздно. Его не было ни у праведных халифов, ни у Омейядов. Для первых Аббасидов гарем был скорей понятием, чем местом: слово «хурам» обозначало всех женских обитателей дворца или вообще всех домочадцев. Знатные женщины рода в это время жили в собственных домах и дворцах и имели свой штат прислуги. Только при сравнительно позднем халифе аль-Мутаиде гарем стал женской частью общего дворцового комплекса, куда имели вход только сам повелитель и несколько евнухов. Здесь образовалась особая среда, изолированная

от мира, полная праздности, соблазнов и интриг, утонченной роскоши и скуки.

Сведения о гаремах времен халифата скупы. Почти все доступные нам знания из этой области были получены только в XIX веке, когда европейцы стали частыми гостями в Турции. В эпоху Аббасидов эта была закрытая тема. О гареме Харуна ар-Рашида известно только то, что вазир Йахья запер его на ночь на ключ. Кто-то утверждал, что в нем жили тысячи наложниц и певиц, а кто-то — что только двадцать четыре. Аль-Мутаваккиль якобы содержал четыре тысячи наложниц и с каждой из них делил постель. В гаремах, по рассказам современников, готовили так много и так вкусно, что гурманы приходили к их воротам, чтобы недорого купить какое-нибудь изысканное блюдо.

Намного больше известно о женах халифов, часто игравших важную роль в государстве. Уже первый аббасидский халиф Абу-ль-Аббас был женат на весьма незаурядной женщине по имени Умм Салам. Прежде, чем выйти за Абу-ль-Аббаса, она была женой еще двух халифов, Абд аль-Малика и Хишама, и, как пишет арабский историк, «оба погибли из-за нее». Аль-Масуди рассказывает, что когда Абу-ль-Аббас был еще никому не известным молодым человеком, Умм Салам случайно увидела его на улице. Наведя о нем справки, она сама послала к нему свою служанку с предложением стать ее мужем, а поскольку Абу-ль-Аббас был беден, дала ему денег, чтобы он мог заплатить выкуп ее брату.

У аль-Мансура была не менее известная жена Умм Муса, от которой он имел двух сыновей, в том числе наследника аль-Махди. При заключении брака Умм Муса настояла, что у халифа не должно быть других жен и наложниц, кроме нее. Только после ее смерти он женился на Фатиме, от которой имел трех сыновей (дочери не считались), и завел двух наложниц, в том числе византийку по прозвищу Неугомонная Бабочка.

Следующий халиф аль-Махди женился на Рите, дочери Абу-ль-Аббаса, которая приходилась ему двоюродной сестрой. От Риты у него было два сына, но наследниками стали не они, а сыновья от его любимой рабыни Хайзуран, на которой он потом женился и которая возглавила его гарем. Третьей его женой стала еще одна двоюродная сестра, Умм Абдллах, а четвертой — Рокайе из рода праведного халифа Османа.

Судьба Хайзуран достойна того, чтобы стать сюжетом исторического романа. Аль-Махди, тогда еще принц, сам купил ее на

невольничьем рынке во время хаджа в Мекку. По легенде, она была продана в рабство собственными родителями, а необычное имя (Хайзуран — Тростинка) получила за стройность и хрупкость своей фигуры. Став халифом, аль-Махди немедленно освободил ее от рабства и сделал своей женой. Считается, что аль-Махди без ума любил Хайзуран, но это не мешало ему каждую ночь предаваться новым любовным приключениям и окружать себя прекрасными наложницами и певицами, которые регулярно поставлялись ко двору. Говорили даже, что у него был роман с ее сестрой Асмой. Несмотря на это, до самой смерти халиф сохранил с Хайзуран любовные и дружеские отношения. Она родила ему не только двух сыновей, ставших новыми халифами, но и дочь Бануку — красавицу и смуглянку, такую же стройную, как ее мать. Халиф обожал свою дочь и позволял ей много вольностей, например, ездить в своей свите в одежде мальчика.

Как полагалось жене халифа, Хайзуран занималась благотворительностью и проявляла благочестие, в том числе купила дом, где родился пророк Мухаммед, и устроила в нем мечеть Рождества. При правлении своего младшего сына Харуна ар-Рашида она стала очень богатой: говорили, что ее доход составлял половину от доходов всего государства.

Харун ар-Рашид, сын аль-Махди, тоже женился на своей двоюродной сестре Зубейде, а потом еще на двух двоюродных, Умм Мухаммед и Аббасе, и троюродной — Умм Абд Аллах. Одна из двух других его жен, Гадир, была рабыней его брата аль-Хади, а другая, Азиза, — племянницей Хайзуран. Но его любимицей всю жизнь оставалась Зубейда, имя которой означает «сливочный шарик»: такое прозвище дал ей аль-Махди за белизну кожи. Харун, без ума влюбленный в Зубейду, подарил ей в Багдаде целый квартал, где было несколько дворцов, сады и огромный штат прислуги. Она тоже проявила достойное своего положения благочестие, углубив священный источник Замзам в Мекке и построив для снабжения паломников акведук, прозванный «ручьём Зубейды». На Ближнем Востоке до сих пор существует «дорога Зубейды» — путь из Ирака в Мекку, который она проложила и благоустроила на свои средства.

О женах следующих халифов ничего не известно — возможно, они вообще перестали жениться и ограничивались наложницами. Во главе гаремов в это время становились матери халифов, а их обитательницы оставались безымянными. Исключени-

ем стал брак аль-Мамуна с Буран, дочерью Хасана ибн Сахла. Свадьба, которую устроил отец невесты, была так роскошна, что ее потом вспоминали несколько столетий.

Аль-Мамун и Буран провели первую брачную ночь в палатке, посреди которой горела гигантская благовонная свеча из амбры. Халиф попросил вынести свечу — его раздражали ее запах и дым. Вступить в связь с невестой в эту ночь ему не удалось — у нее оказались месячные. Халиф по этому поводу процитировал стихотворение про нетерпеливого жеребца, который собирался пустить кровь, но сам был остановлен кровью.

Наложницы

Поскольку наложницы были рабынями, а ислам запрещал обращать в рабство мусульман, в гарем попадали в основном иноземки. Персиянки ценились за знатность, берберки — за страстность и искусность в любви, византийки — за аристократизм и утонченность. Иногда в наложницы попадали дочери бедняков, добровольно продававших их в гарем, если у них были подходящие данные.

Все это приводило к тому, что дети халифов, включая и наследников престола, оказывались детьми рабынь. Матерью аль-Мансура была берберка из Северной Африки, матерью аль-Мамуна — персиянка из Средней Азии. Позже стали особенно популярны византийки, давшие халифату таких правителей, как аль-Васик, аль-Мунтасир, аль-Мухтади и аль-Мутаид. Были и славянки из Восточной Европы, например мать аль-Мустаина по имени Мухарик. Все они разбавляли арабскую кровь Аббасидов, поэтому многие из них были арабами в лучшем случае наполовину.

От наложниц требовались красота, красивый голос, способности к пению, утонченность, образованность, остроумие, умение вести беседу и слагать стихи. Они должны были представлять собой воплощение культуры и одновременно сексуальной привлекательности. Попасть в гарем халифа считалось удачей, лучшей карьерой для женщины, не имевшей возможности выразить себя как-то иначе. Обитательницы гаремов участвовали в ночных пирушках халифов, развлекали их самих и их гостей. Самых талантливых из них окружали восторг и поклонение, в них без ума влюблялись молодые принцы. При этом они были

своего рода товаром, и часто их покупали за большие деньги. Наложница Басбас была куплена в гарем за 17 тысяч золотых. Харун ар-Рашид не смог купить рабыню Инан, поскольку ее хозяин запросил за нее немислимую сумму — сто тысяч динаров. Однако после смерти ее владельца Инан была продана с аукциона на невольничьем рынке аж за 250 тысяч дирхемов какому-то неизвестному поклоннику, увезшему ее в Хорасан.

Наложницы в гареме иногда влюблялись друг в друга, хотя это запрещалось под страхом смерти. Халиф аль-Хади лично поймал двух рабынь, занимавшихся любовью «под одним одеялом», и отрубил им головы.

О дочерях халифов мало что известно. Их выдавали замуж за родственников из клана Аббасидов или за влиятельных Алидов, но чаще всего об их судьбе ничего не сообщается. Для истории и историков аббасидских принцесс словно не существовало. Кроме уже упомянутой Бануки, исключение составляет Улайя, дочь аль-Махди, прославившаяся как поэтесса. Она не могла появляться на публике и выступать со своими стихами и песнями, как мужчины, и только иногда пела за занавеской, когда собирались близкие родственники. Говорили, что она носила на лбу особую повязку, чтобы скрыть некрасивую родинку, и пела только во время менструаций, потому что в такие дни женщинам запрещено молиться, и пением она заменяла молитвы.

Уродина и Неприятность

Одна из самых знаменитых и влиятельных наложниц, Кабиха, что переводится как «уродина», была рабыней халифа аль-Мутаваккиля. В то время у арабов появилась странная мода давать красивым девушкам неприятные имена, а Кабиха отличалась редкой красотой.

Любовь халифа к Кабихе сделала наследником престола ее сына аль-Мутазза. Праздник, устроенный в честь обрезания мальчика, едва не затмил своей роскошью свадьбу Буран. Летописцы потом долго вспоминали, как Кабиха приказала отчеканить миллион новых дирхемов с именем аль-Мутазза и раздавала монеты гостям и слугам.

Но та же Кабиха отказалась помочь деньгами сыну, когда тот не мог расплатиться с тюркской гвардией, и в результате аль-Мутазз был убит. После его свержения Кабиха бежала через под-

земный туннель, прокопанный под ее дворцом, и унесла с собой все свои сокровища. Позже, боясь, что ее все-таки разыщут, она сама явилась к предводителю тюрок аль-Васифу и предложила ему полмиллиона динаров, которые тот принял. Однако кто-то из слуг выдал местонахождение остальных сокровищ Каби-хи — подвал, скрытый за потайной дверцей маленького дома. Посланные туда люди нашли миллион динаров и три корзины с изумрудами, жемчугом и рубинами, стоимостями не меньше двух миллионов. Все это отдали аль-Васифу, который воскликнул: «Да проклянет ее Аллах! У нее были такие сокровища, а она отказала своему сыну в деньгах, которые могли спасти его жизнь». Каби-ха умерла при халифе аль-Мухтади в ссылке в Мекке.

Другой известной наложницей была Шагаб, что значит Неприятность. Ее сына, тринадцатилетнего аль-Муктадира, по малолетству жившего еще в гареме, сделал халифом предводитель тюрок евнух Мунис. Шагаб в это время стала главой гарема и приобрела богатство и авторитет, связанный с ее влиянием на сына. Ей принадлежало множество земель, торговых лавок и складов с зерном. Женская часть дворцового комплекса в Багдаде при ней превратилась в отдельное государство со своим «диваном», секретарями и управляющими поместьями.

Аль-Муктадир, уже вступив на трон, продолжал много времени проводить в гареме, куда не было доступа мужчинам, поэтому даже вазирам приходилось общаться с ним через женщин. Большое влияние имела не только сама Шагаб, но и подчиненные ей управительницы гарема — Фатима, Умм Муса, Сумаль, Зейдан. Умм Муса низложила своей властью вазира Али ибн Ису за то, что однажды он по недоразумению отказал ей в приеме. Позже она сама пала в опалу — ее заподозрили, что она собиралась посадить на трон своего племянника, — и оказалась вместе с братом в руках Сумаль, которая специализировалась по пыткам и наказаниям рабов. Сумаль сумела выбить из нее сведения о всех ее богатствах, насчитывавших, как говорили, миллион динаров.

Зейдан, заведовавшая тюрьмой, наоборот, славилась своей мягкостью и добротой. Те, кто попадал к ней в заключение, получали хорошее содержание и врачебную помощь. Среди ее узников были низвергнутые вазир Али ибн Иса и ибн аль-Фурат.

На гарем в это время тратились огромные средства: при общем доходе государства два с половиной миллиона динаров больше семисот тысяч уходило на содержание женщин халифа и их

прислуги. Шагаб распорядилась этими средствами единолично, и аль-Муктадир во время восстания карматов вынужден был просить у матери денег, потому что ему было нечем платить армии. Выданные ею полмиллиона динаров спасли Багдад и халифат.

После убийства аль-Муктадира новый халиф аль-Кахир лично пытал Шагаб, подвесив ее за ногу и требуя отдать спрятанные деньги. Но денег уже не было, остались только дорогие платья, шитые золотом ткани и благовония, за которые удалось выручить около двухсот тысяч динаров. Затем Шагаб посадили под замок в одной из комнат дворца, где она умерла через девять месяцев.

После этого багдадский гарем, существовавший во всем великолепии в течение двухсот лет, больше не достигал прежней пышности и красоты. Однако он стал легендой и образцом, которому старались следовать все правители исламского мира.

Столпы власти

Вазирь

Первым лицом после халифа в государстве был вазир, что значит «помощник» (буквально: «несущий бремя»). В аббасидском халифате вазирами назначали обычно персов как людей, знавших толк в управлении государством. Им же поручалось и воспитание наследников. Вазир был главным чиновником и судьей, советником, секретарем и доверенным лицом халифа. Его официально называли «глава всех глав» и «совершенство рода людского». Подчеркивая важность своего сана, он одевался по-военному и носил на поясе меч. При каждом официальном выходе его сопровождали не меньше двухсот стражников с обнаженными мечами.

Вазирь являлись ко двору только два раза в неделю, чтобы сделать доклад халифу. Все остальное время они жили в собственных дворцах, где устраивали аудиенции и проводили совещания с чиновниками. В их личных покоях стоял специальный бамбуковый ящик, где хранились секретные документы. Дома вазиров буквально тонули в бумагах, поскольку они снимали копии со всех государственных распоряжений, указов и писем.

Вазирь были не просто правой рукой халифов — часто именно они обладали всей полнотой власти, предоставляя халифам проводить время в удовольствиях и развлечениях. Они были главнокомандующими, казначеями и дипломатами в одном ли-

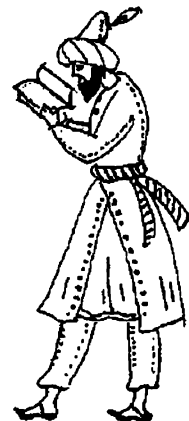
це. Парадокс, однако, заключался в том, что их власть буквально висела в воздухе: достаточно было одного слова халифа, чтобы низвергнуть их с высоты всемогущества и лишить всего, в том числе свободы и жизни. Влияние вазира держалось на интригах, на лавировании между разными придворными силами, на умении манипулировать волей и желаниями халифа. Он мог впасть в немилость по любому поводу — от дурного настроения повелителя до недостатка денег в казне, который ему часто приходилось восполнять из личных средств.

При династии Буидов, правившей в Багдаде в 945–1055 годах, престиж вазиров начал падать. Султан Муизз ад-Даула назначил на это место собственного повара, а султан Адуд имел сразу двух вазиров. Но именно в это время, в 1020 году, появился титул «великий вазир», ставший очень популярным в мусульманском мире. Ни один исламский двор не обходился без великого вазира, ставшего символом земной власти и могущества. Его стали именовать самыми пышными титулами вроде «знамя веры», «счастье династии» и «величие царства».

Хаджибы. В эпоху Омейядов вазиров в халифате еще не было, и их функции выполняли хаджибы — придворные администраторы и секретари. Поскольку доступ к халифу был закрыт и прием для посетителя мог устроить только хаджиб, эта должность ценилась очень высоко. При первых Аббасидах хаджиб мог пошатнуть положение самого вазира, допуская к халифу его врагов и не допуская друзей: тем самым он настраивал против него правителя. В это время хаджибом был один и тот же человек — Раби ибн Юнус, сын рабыни из Медины, освобожденный и приближенный халифом аль-Мансуром за хорошее знание поэзии. Авторитет Раби был непререкаем. Когда при халифе аль-Махди с ним неуважительно обошелся вазир, Раби ему жестоко отомстил, обвинив его сына в ереси и доказав это публично: он устроил ему экзамен на знание Корана, который тот с позором провалил. Халиф приказал вазире казнить собственного сына, а когда тот не сделал это, отстранил его от дел.

Знаменитые министры

Несмотря на то что власть при Аббасидах была суннитской, большинство халифов старались заигрывать с шиитами и привлекать

их на свою сторону. Поэтому вазирами становились как сунниты, так и шииты. Часто это были люди не слишком религиозные, едва принявшие ислам, порой — принципиальные противники халифской власти, которой они, однако, служили, потому что это было выгодно им и их клану. Так, при аль-Мутаиде главой казначейства стал глава шиитов Ахмад ибн аль-Фурат, сказочный богач и умелый финансист. Он и его брат Али на должности вазиров пережили нескольких халифов: суннитские правители не могли обойтись без шиитских денег.

Али ибн ал-Фурат был необыкновенно богат. Его состояние оценивали в 10 миллионов динаров. Только на поэтов он тратил по 20 тысяч дирхемов в год. В его дворце, больше похожем на отдельный город, бесплатно раздавали воду и угощали фруктовыми соками, на кухне непрерывно готовили еду, а гостей встречали слуги в тонком египетском полотне и с белоснежным полотенцем через плечо. Любой посетитель мог даром взять разложенные по углам свитки папируса; если же он уходил из дворца затемно, ему вручали толстую восковую свечу. Вообще у Али ибн ал-Фурата были замашки халифа, а не чиновника. Он жил с размахом, держался с достоинством и поступал благородно, прощая своих политических противников и не унижая тех, кто стоял ниже его. Когда его сняли с должности, он не пытался откупиться, хотя ему грозила смерть. Государственную казну он считал своей и свободно брал мешки с деньгами, на которых стояла личная печать халифского казначея. В делах государства он разбирался так хорошо, что даже его преемник воскликнул после его отставки: «Теперь закончилось вазирское искусство!» Он был умен и ироничен, говорил, что управление государством — это искусство фокусника, и добавлял: «Лучше двигаться вперед с ошибками, чем правильно стоять на месте».

Его друг, а потом и соперник Али ибн Иса был человеком совсем другого склада. Упорный труженик, он работал днем и ночью — всегда тщательно одетый, суровый и нелюдимый, нелюбезный со своими подчиненными и даже с самим халифом. С одним из секретарей-адибов он обошелся так грубо и оскорбительно, что тот умер, не вынеся унижения. Половину своих личных денег вазир тратил на благотворительность, а сам целыми днями постился и не пропускал ни одной молитвы. Своим сыновьям он из щепетильности запретил занимать государственные должности, пока служил вазиром. В делах Али ибн Иса был

скрупулезен и бережлив, стараясь выгадывать на каждой мелочи, чтобы пополнить халифскую казну. Но, увы, к его рукам тоже прилипали деньги, а после своего падения он впал в такое малодушие, что на коленях ползал перед десятилетним сыном Али ибн аль-Фурата, надеясь вымолить милость у его отца.

Еще один известный вазир Хамид ибн аль-Аббас прошел все ступеньки административной иерархии, начав с простого сборщика налогов, и стал вазиром в 80 лет. Его называли «вазиром с нянькой», потому что он совсем не разбирался в государственном управлении и все вопросы за него решал все тот же Али ибн Иса. Он обожал роскошь и держал дорогую прислугу из мамлюков и белых евнухов. При этом был щедр и кормил всех, кто приходил в его дом, даже прислугу своих гостей. К причудам его щедрости можно отнести случай, когда он увидел сгоревший дом бедняка и приказал отстроить его в тот же день, чтобы пострадавший не успел как следует расстроиться. В то же время во время голода в Вавилонии и Персии он нещадно спекулировал зерном, что привело к народному восстанию.

Ибн Мукла, несмотря на простое происхождение, сделал головокружительную карьеру и был вазиром при трех халифах. Его слабостью была астрология, и он ничего не делал без указаний астрологов. Возведенный им дворец славился огромным парком, где обитали дикие олени, ослы, верблюды и прочая живность и где он ставил свои «научные» опыты, пытаясь скрестить животных разных видов. Но прославился он не этим: Ибн Мукла был, возможно, лучшим из арабских каллиграфов всех эпох. Именно он произвел революцию в рукописном ремесле, придумав новый почерк, которым потом пользовались во всем исламском мире. Придворные интриги он вел так мастерски, что сумел свалить халифа аль-Кахира и едва не избавился от могущественного Ибн Раика, оклеветав его в глазах нового халифа. За это ему отрубили правую руку, и бывшему вазиру пришлось писать каламом (тростниковой палочкой), привязанным к обрубку. Позже ему вырезали и язык. Умер он в тюрьме, где ему приходилось таскать воду из колодца одной рукой, зажав в зубах веревку.

Аль-Мухаллаби целых тринадцать лет служил вазиром при буидском султানে Муиззе ад-Даула. В молодости он был так беден, что ему пришлось занять денег, чтобы добраться до Багдада. Став вазиром, он прославился своей щедростью и однажды подарил

роскошную чернильницу бедному чиновнику, услышав, как на приеме тот пробормотал, что мог бы всю жизнь прожить от ее продажи. За его столом собирались знаменитые писатели и ученые, но сам он во время трапезы много пил и вел себя развязно. Аль-Мухаллаби охотно покровительствовал своим друзьям и их сыновьям. Одного юношу он возвысил тем, что просто побеседовал с ним на приеме, сделав вид, что они обсуждают важные дела. Однажды, узнав, что хаджиб верховного кади домогался женщин, которые обращались к нему за помощью, вазир чуть не до смерти забил его палками. Хотя армией вазир управлял только формально — непосредственно войска подчинялись эмиру, — в трудные времена им иногда приходилось становиться полководцами и сражаться с оружием в руках. Именно таким «мастером двух искусств» (меча и пера) был аль-Мухаллаби; он и скончался во время военного похода. Несмотря на все его достоинства, султан Муизз относился к нему без уважения и за какой-то проступок дал ему 150 палок, а когда он умер, не только завладел всем его состоянием, но и постарался выбить деньги из всех его слуг.

Ас-Сахиб, сельский учитель, стал вазиром и покровителем искусств — его сравнивали с Харун ар-Рашидом. В его библиотеке было 10 тысяч томов, из них одних только богословских сочинений — 400 верблюжьих вьюков. Его интересовали не только литература и музыка, но и философия, астрономия, математика и медицина; он даже сам писал медицинские трактаты. Буидский эмир Фахр ад-Даула, пришедший к власти благодаря ас-Сахибу, во всем его почитал и после его смерти объявил в стране всеобщий траур.

Ибн аль-Амид, арабский Архимед и да Винчи в одном лице, обладал великолепной памятью и за ночь, как утверждают, мог выучить тысячу стихов. Помимо обычных наук и искусств, он хорошо разбирался в механике и физике, что было редкостью в те времена. Он изобретал новые осадные орудия и метательные машины, способы поджигать противника с помощью зеркал, создавал разрушительные снаряды огромной дальности. Сборник его писем называли учебником вазирского искусства. Однажды ради забавы он ногтем вырезал на яблоке тончайший портрет. Ибн аль-Амид лично возглавлял военные походы, хотя из-за мучившей его подагры его приходилось нести на носилках. Про него говорили, что каждый, кто на него смотрел, трепетал

от страха. Его сын, наоборот, был ничтожным вазиром и самодуром, истеричным, мстительным и падким на лесть.

На одного выдающегося вазира приходилось множество средних, не блиставших особыми талантами или исчезавших раньше, чем они успели себя чем-нибудь прославить. Были вазир-пьяницы, пившие беспробудно всю ночь и наутро ничего не соображавшие с похмелья. Были бездарные администраторы, но гениальные интриганы, преуспевавшие главным образом в том, чтобы устранять своих менее ловких конкурентов. Но в целом вазирами становились просто добросовестные чиновники, вознесенные наверх благодаря обстоятельствам и воле случая и почти не оставившие следов в истории. Во многом это было связано с тем, что должности при дворе часто передавались под наследством, и вазир не был исключением. Существовали целые вазирские династии: Хакан, Бану-л-Фурат, Бану-Вахиб, — в каждой из них было по четыре вазира. Сыновья вазира по умолчанию надеялись, что займут должность после отца, и часто становились вазирами в очень молодом возрасте — в 20 и даже в 18 лет.

«Взыскания»

После отставки впавший в немилость вазир подвергался «взысканию». Заключалось оно в том, что с него требовали отчет во всех делах и с помощью пыток выколачивали «награбленные» богатства, которые, как предполагалось, он где-то прятал.

Это касалось не только вазиров. После смерти богатых людей власть стремилась присвоить их деньги себе и не гнушалась для этого любыми средствами. Родственников и слуг пытали, выведывая, где покойник прятал деньги. «Горе тому, чей отец умер богатым!» — говорили арабы. Стоило умереть столичному вельможе или крупному военачальнику, как халиф лично отправлялся в его дом и выносил все, что мог найти. Банкирам и друзьям умершего приходилось скрываться, чтобы палачи не добрались и до них. Богачи, в свою очередь, старались как можно надежней спрятать деньги, закапывая их в пустыне, в подвале или в доме своего парикмахера. Но чаще всего семье приходилось выплачивать немалую сумму, чтобы откупиться от властей. У некоторых состоятельных людей часть денег отбирали еще при жизни: предполагалось, что с халифом и его окружением надо делиться.

Современник описывал, как при халифе аль-Мутамиде вымогали деньги у богатого купца: «Они окуривали его дымом, сжигаемой смолой и подпаливали его тяжелыми раскаленными кирпичами, пока жизнь не становилась ему отравой, и его не охватывало малодушие, и он не восклицал: “О, хоть бы все деньги провалились в ад!” И давал он им, что они требовали, его отпускали, и думал он лишь о том, как бы уйти, и уходил прочь в оцепенении».

Позже, когда авторитет халифской власти упал, то же самое стали делать по отношению к самому халифу: когда он умирал, его дворец посещал султан и забирал все, что ему хотелось. Иногда дворец отдавали на разграбление народу, и каждый выносил оттуда все, что мог.

«Железная дева»

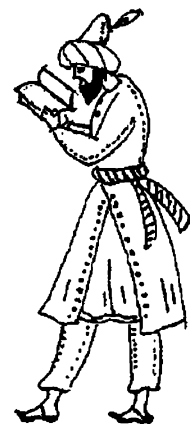
Для «взысканий» власти использовали самые изощренные средства. Вазир халифа аль-Васика по имени Мухаммед ибн аль-Зейат придумал «железную деву» — специальный пыточный инструмент в виде железного ящика с шипами внутри, куда помещали человека, чтобы выбить из него признания и узнать, где он прячет деньги и сокровища. По иронии судьбы, именно в ней он и закончил свои дни, поссорившись с Джафаром — одним из младших братьев халифа, не имевшим никаких шансов на власть.

О причинах этой ссоры подробно рассказано в хрониках. По характеру Ибн аль-Зейат был высокомерен и свысока относился ко всем, кого считал ниже себя. Когда Джафар пришел к нему просить о заступничестве перед халифом, которого чем-то прогневал, вазир принял его пренебрежительно и заставил долго ждать, а на просьбу заступиться ответил лишь насмешкой, посоветовав «хорошо себя вести». Позже на приеме у халифа Ибн аль-Зейат пожаловался, что Джафар приходил к нему с жалким видом и что его волосы слишком длинны и, вообще, он одет как дамский угодник. На следующий день, когда Джафар явился к аль-Васику, нарядившись в новую одежду и надеясь на прощение, халиф приказал схватить его за волосы и остричь. Джафар был осмеян и глубоко унижен.

После смерти аль-Васика случилось то, чего никто не ожидал: Джафар стал новым халифом под именем аль-Мутаваккиль.

Гвардия решила посадить его на трон только потому, что он случайно оказался в коридоре и попался на глаза кому-то из турецких главарей, когда они решали, кому передать власть. Ибн аль-Зейату оставалось лишь надеяться, что новый халиф забыл про давнюю обиду. Но этого, к его несчастью, не случилось: его заковали в кандалы и конфисковали все имущество.

Это внезапное падение так потрясло Ибн аль-Зейата, что после ареста он не мог пить и есть и целыми днями только плакал. В тюрьме несчастного вазира лишили сна — как только он засыпал, его кололи длинной спицей. В конце концов, он попал в ту самую «железную деву», которую придумал для пытки заключенных. К нему приставили тюремщика-садиста, получавшего удовольствие от его страданий. Сначала палач дал ему некоторое послабление, позволив сидеть на доске, но потребовал, чтобы при каждом его появлении он вставал, хотя при этом в тело узника впивались острые шипы. Затем тюремщик отобрал у него доску и затянул на шее петлю, лишив Ибн аль-Зейата возможности сидеть. Через несколько дней невыносимых мучений бывший вазир умер. Родные сыновья отреклись от него, заявив, что давно мечтали избавиться «от этого разбойника». В качестве последнего оскорбления его специально закопали неглубоко, и собаки, разрыв землю, сожрали его труп.

Власти и налоги

В халифате было два главных министерства — внутренних дел и финансов. Им подчинялось множество других диванов: военный, расходов (он ведал жалованьями чиновников, провиантом для двора и пр.), казначейство, канцелярия. Существовало особое ведомство, занимавшееся конфискацией имущества, и почтовое ведомство, совмещавшее пересылку писем со службой осведомителей. В одном из диванов чиновники ставили печати на распоряжения халифа; в другом, наоборот, вскрывали печати с писем, адресованных халифу. Отдельным министерством считался государственный банк, а один из самых незначительных диванов занимался благотворительностью.

Власть в провинциях представляли два правителя: военный — эмир и гражданский — амил, занимавшийся в основном сбором и распределением податей. Иногда две эти должности объединялись в одну, что таило в себе определенную опасность. Та-

кой эмир-амил мог стать самостоятельным правителем, как это случилось в Египте, где Ибн Тулун и Ихшид превратили свои провинции в независимые государства.

Другими высокопоставленными чиновниками в провинциях были кади (судья), сборщик налогов, командующий гарнизоном, почтмейстер и управляющий землями халифа. Все они подчинялись напрямую вазиру и после его отставки оставались без работы, обивая пороги вельмож в поисках новой должности. Воровство среди них считалось само собой разумеющимся, а честность удивляла. Заподозренные в растрате часто откупались от суда и оставались на своей должности или назначались на нее снова. Если у провинившегося не хватало денег на взятку, часто скидывались его собратья-чиновники; это была круговая порука воровства.

Сбор налогов обычно отдавался на откуп; откупщик обязывался отдать государству определенную сумму, а все, что собирал сверх этого, клал себе в карман. Современник рассказывал, как проходил процесс выбивания средств из должника: «Выставляли его на ад полуденного солнца, пока его голова не превращалась в кипящий котел. Руки опутывали пеньковыми веревками, которые прорезали суставы. Его подвешивали на стенной крюк, как сосуд с холодной водой. Били по голове, как по барабану... Когда он молил спасти его от палящего зноя, сборщик налогов отвечал ему пинками, а тюремщик лил на него масло». Наконец, когда пытка становилась невыносима, узник молил дать ему возможность взять денег взаймы. «И тогда приходили к нему нечестивые помощники и ссужали ему деньги из расчета один за десять», то есть под 1000 процентов.

Иногда на откуп брали отдельных должников, устраивая что-то вроде соревнования: кто сможет выжать больше денег. Чиновников, бравшихся за это дело, называли *мустахиссун* — вытаскивающие. При этом по закону должники должны были сами оплачивать работу своих палачей.

При халифе аль-Махди его вазир Абу Убайдаллах совершил революцию, введя вместо фиксированного налога на землю налог пропорциональный, размер которого зависел от реальных доходов землевладельца, в том числе от урожая и стоимости продуктов. То есть правитель отныне не брал одну и ту же сумму со всех без разбора, а с больших доходов требовал больше, с меньших — меньше.

Помимо налогов, государство богатело за счет пошлин. Въездные пошлины по мусульманскому праву были запрещены, но на деле везде платились под видом благотворительных взносов — закята. Каждый порт или пограничный пункт сам определял размеры взноса, причем брали не только за ввоз, но и за вывоз товара. Особенно крупными поборы были в порту Басры, на что жаловались многие торговцы. В Александрии, если верить выходцу из Гранады Ибн Джубайру, творился настоящий «беспредел»: «Каждого допрашивали о товарах и наличных деньгах, которые он вез с собой, и со всего этого нужно было уплатить налог на благотворительность... Верующим было приказано выгрузить на берег свой багаж и продовольствие, причем на берегу стояли охранники, которые их сторожили и следили за тем, чтобы все их вещи были доставлены в таможню. Затем их вызывали поодиночке, вносили багаж каждого (таможня была битком набита) и приступали к досмотру всех вещей, больших и малых, причем все бросали в кучу. Залезали к путешественникам в карманы, проверяя, нет ли в них чего; после этого их заставляли клясться в том, что у них больше ничего нет. Во время всего этого пропадали многие вещи...»

Кади

Благочестивые халифы считали своим долгом лично разбирать дела своих подданных и выделяли один или два дня в неделю, чтобы вершить суд. Но эта традиция быстро сошла на нет, и судебными делами начал заниматься особо назначенный чиновник, сочетавший в себе функции богослова и юриста, — кади.

К должности судьи правоверные мусульмане относились не то чтобы плохо, но с некоторым ужасом. Считалось, что стать судьей означает обречь себя на серьезные проблемы. Многие старались избежать этой чести всеми возможными способами. Кто-то бежал из дома, другой притворился сумасшедшим. Основателя одной из четырех суннитских правоведческих школ Абу Ханифу не смогли принудить к судейству даже побоями.

Жалованье кади получали маленькое. Жили они бедно и подрабатывали торговлей или каким-нибудь ремеслом. Одни занимались каллиграфией, другие выращивали овощи, третьи продавали финики или конские уздечки. Какой-то судья сдавал внаем собственный дом. У багдадского кади было так мало денег,

что он имел на двоих с братом один тюрбан и одно платье: пока один ходил на службу, другой сидел дома. Понятно, что в таких условиях многие поправляли свои дела за казенный счет.

В то же время пост верховного кади («кадий кадиев») имел большой авторитет. Он напрямую назначался самим халифом. Это был один из высших чиновников в городе и провинции, формально стоявший не ниже военачальника-эмира. Рассказывали, что кади аль-Харбавайхи не вставал в присутствии эмира и даже не удостоивал его этого звания, называя просто по имени. В одном из дел он привлек в качестве свидетеля самого правителя государства, всесильного вольноотпущенника Муниса, и попросил предъявить справку, что тот действительно отпущен халифом на свободу, а не является рабом. Свое положение аль-Харбавайхи ценил так высоко и считал таким священным — ведь через него судит сам Аллах, — что старался никогда не пить и не есть на людях, не мыть руки, не сморкаться и плевать, чтобы никто не видел в нем простого смертного.

От человека, занимавшего должность кади, требовалось, чтобы тот держал себя с достоинством, подобающим его сану, говорил сдержанно и тихо, не суетился, не глазел по сторонам. Ему полагалось иметь писца, судебного служителя и заместителя, которым он сам выплачивал жалованье. В его обязанности входило надзирать над сиротами, вести учет пожертвований и тщательно отбирать свидетелей. Все свои решения он основывал на Коране и хадисах, а в затруднительных случаях обращался к совету богословов-улемов, которые выносили окончательный приговор. В теории допускалось, что судьей может быть и женщина, но на практике такие случаи неизвестны.

Слушания в суде проходили всегда публично. Кади, облаченный во все черное, в плаще и высокой шапке с повязкой, ниспадавшей одним концом на спину, сидел в мечети или в собственном доме, окруженный заседателями, писарями и многочисленной публикой. Даже во дворце халифа он приказывал настежь открывать ворота и созывать людей, чтобы все видели, как проходит суд, и никто не усомнился в его справедливости. В день ему подавали до пятидесяти записок с делами, которые он должен был разобрать.

Вершить правосудие кади помогали так называемые свидетели, собиравшие факты и предъявлявшие их при рассмотрении дела. Свидетелем в арабском суде мог быть не каждый — они выбирались

только из заранее утвержденного списка, который гарантировал их надежность и добропорядочность. Списки эти проверялись и обновлялись каждые полгода. Тщательный отбор свидетелей входил в прямые обязанности судьи, поскольку тот ручался за них лично; когда кади уходил со своей должности, вместе с ним уходили и свидетели. В конце концов, свидетельство стало что-то вроде официальной судейской должности, за которую платили деньги. Обычно рядом с судьей сидело четыре свидетеля, по два с каждой стороны. Некоторые из них могли выступать как нотариусы, решать разные мелкие дела и заверять деловые документы.

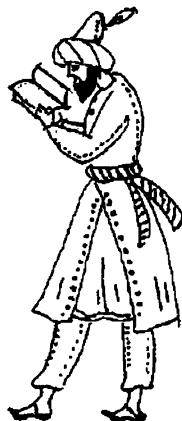
Должность кади, как и все должности в арабском мире, часто переходила по наследству. В роду Абу-ш-Шавариб за двести лет было восемь верховных кади и шестнадцать обычных. Со временем некоторые из таких судейских кланов обретали большое могущество, разрастаясь вширь и охватывая целые провинции и государства.

Кади осуществлял суд шариата, но параллельно с ним существовал и светский суд. В него попадали уголовные и политические дела, которые требовали вмешательства светской власти. Таких судей назначал вазир. Бывало, что приговор, вынесенный кади, обжаловался в светском суде, и подсудимым оказывался сам кади. Известен случай, когда в Каире один кади домогался руки богатой наследницы, но, получив отказ, объявил ее сумасшедшей и арестовал ее имущество. После ее жалобы вазир сам выступил как судья, и кади оказался за решеткой вместе с нанятыми им лжесвидетелями.

Армия

С армией халифата происходило то же, что с армиями многих других империй, которые начинали как национальные государства, а заканчивали как интернациональные конгломераты. Все свои территории арабы завоевали, когда их войско составляли исключительно жители Аравии, воодушевленные новой верой и сказочной роскошью соседей. В это время в армии существовало только деление внутри самих арабов: на кайситов и калбитов, которые попеременно брали верх и в войске, и в государстве в зависимости от политики того или иного халифа.

Но по мере того, как благосостояние бедуинов насыщалось, а население окультуривалось, большинство арабов предпочита-

ло переходить к мирной и оседлой жизни. Боевой пыл «воинов ислама» угас. Воевать оставляли тем, у кого не было другого выбора или кто имел к этому личную склонность, в основном гражданам «второго сорта», жителям захваченных провинций. Постепенно армия становилась не «народной», а профессиональной: арабы воевали все меньше, а население завоеванных окраин — все больше.

В аббасидском войске главную силу составляли уже не арабы, а персы-хорасанцы, которые сыграли ключевую роль в восстании и победе Аббасидов. Благодаря им новым халифам больше не приходилось думать о правильном балансе между южными и северными арабами, как это было при Омейядах: и тех, и других заменили персы. Они официально были приняты в клан Аббасидов с правами «сыновей» и составляли *абну* — привилегированную касту военных, основное ударное ядро армии, игравшее главную роль в междоусобных войнах.

Еще одним важным элементом мусульманской армии были *гази* — предводители и участники газва, или газавата, военного похода против неверных. Газии, состоявшие из особо рьяных мусульман, а также из наемников, бандитов и авантюристов всех мастей, постоянно собирались у границ халифата и устраивали набеги на соседей. Война за веру продолжала удачно сочетаться с грабежами.

Особенно почетно было воевать против византийцев. На войну с Византией арабы ходили почти как на паломничество в Мекку: это был обязательный ежегодный ритуал, поход против неверных, обычно заключающийся в очередном набеге на приграничные территории, который никак не влиял на общую расстановку сил. Если армию возглавлял молодой принц — например, будущий халиф Харун ар-Рашид, — на поход тратилось много денег, и собирали большое войско, которое прорывалось вглубь византийской территории, получало с византийцев дань и с чувством удовлетворения возвращалось обратно, покрыв наследника престола бранной славой.

Внутренние войска делились на полицию (*шурта*) и стражу (*харас*). Стража жила вокруг дворца халифа, охраняла все входы и следила за порядком на приемах. Но со временем ее заменила другая сила, сыгравшая важную и, возможно, роковую роль в Багдадском халифате.

Гвардия

Халиф не нуждался в воинственном и хорошо вооруженном населении, которое в любой момент могло свергнуть его силой: он предпочитал ставить между собой и подданными буфер из хорошо обученных наемников, содержащихся на его деньги и подчинявшихся ему напрямую. Легко представить, как мусульманские правители, не знавшие римской истории, поздравляли себя с тем, что нашли такой замечательный и остроумный выход: окружить себя крепким панцирем из надежных, лично им преданных людей, для которых война была хлебом и смыслом жизни. В хорошие времена гвардия насчитывала 60 тысяч человек: с таким войском халифу был не страшен никакой враг.

Гвардию намеренно составляли из инородцев, в основном из *мамлюков* — молодых рабов, взятых в плен при захвате новых территорий (их называли также гулямами). Среди гвардейцев были турки, далаймиты, славяне, африканцы — представители самых воинственных народов со всех концов империи. Турки преобладали в кавалерии, далаймиты — в пехоте, а командовали всем тюркские эмиры.

Идея была в том, чтобы гвардия не имела ничего общего с местными жителями и не участвовала в их интригах и переворотах. Поэтому гвардейцы всегда жили изолированно, не завязывая никаких связей в городе. Даже жениться на местных девушках им было запрещено: для них специально привозили невест с востока. На местных жителей гвардейцы смотрели сверху вниз и вели себя с ними как хозяева.

Будущих гвардейцев с юных лет обучали военному искусству в особых школах. Профессиональный солдат учился от пяти до восьми лет и всю жизнь занимался только войной. Даже в мирное время, если такое случалось, мамлюки постоянно тренировались на охоте или в конных играх. При этом каждый гвардеец сам обеспечивал себя экипировкой, на что уходили большие средства. Кольчуга стоила как два хорошо откормленных барана, конь — как три верблюда. За породистых лошадей отдавали десятки и даже сотни верблюдов.

Но преимущества гвардии скоро превратились в свою противоположность. Рядовой гвардеец был предан не халифу или султану, а тому, кто ему платил. Поскольку войны больше не окупались размерами захваченной добычи, содержание про-

фессиональной армии становилось все более сложной задачей. По мере истощения ресурсов государства она превращалась в неразрешимую проблему. Страна была наводнена воинами, которые подчинялись не государству, а своим эмирам. Они могли служить за деньги кому угодно, а могли и сами взять власть в руки, если чувствовали, что правитель стал слишком слаб. Часто обстоятельства — скажем, невыплата жалованья — буквально вынуждали их к бунту, что усугубляло разорение страны.

Глава 2. Арабская культура

Литераторы

В начале были переводы

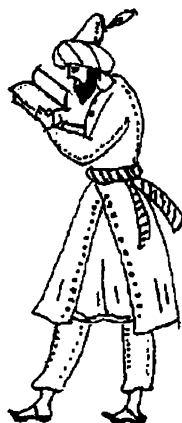
До появления ислама Аравию окружали три древние и высоко развитые цивилизации: Византия, Индия и Персия. Захватив большую часть их территорий, арабы начали щедро черпать из всех этих источников, быстро усваивая и перерабатывая достижения более развитых соседей. Происходила живая передача культурного опыта от завоеванных арабами народов — греко-сирийцев, индусов и персов. Существовавшие в Александрии, Антиохии, Эдессе астрономические, медицинские, философские школы продолжали свою деятельность и при арабах: они влились в новую мусульманскую культуру, дав арабам первых врачей, астрологов, математиков и учителей. Практически все греческое и персидское чиновничество сохранилось в неприкосновенности и только поменяло хозяев, начав служить халифату вместо византийских императоров и персидских шахов.

Эти носители культуры стали и первыми переводчиками, познакомившими арабов с главными научными и философскими трудами греков, с персидской историографией и индийской математикой и медициной. Уже при первых аббасидских халифах, аль-Мансуре и аль-Мамуне, арабы стали массово покупать и переводить греко-римские рукописи. Появились целые переводческие кланы, передававшие свое искусство из поколения в поколение, и не менее известные меценаты, покровители наук, собиравшие вокруг себя квалифицированных переводчиков и платившие им большие деньги.

Одной из самых известных меценатских семей были три брата Бану Муса: Мухаммед, Ахмед и Хасан. Не жалея средств, они отправляли специальных людей за книгами в Византию. В числе переводчиков, которым покровительствовали братья, было много выдающихся ученых разного происхождения и веры. Араб-христианин Хунайн ибн Исхак, блестящий знаток греческого и сирийского, перевел главные труды Аристотеля, Галена и Эвклида и основал ученую династию, в которую входили его сын Исхак и его племянник Хубеш. Грек Константин, родом из Гелиополиса, переводил книги по астрономии, медицине, кулинарии, плотской любви и геометрии. Еще один великий переводчик, астроном, математик и механик Сабит ибн Курра, сириец по происхождению, был из языческой секты звездопоклонников, почитавших богиню луны Син; он составил в Багдаде свой кружок, пользовавшийся большим авторитетом среди интеллектуалов.

Переводы, при всем их обилии и разнообразии, делались арабами несистематично и однобоко. Они перенимали у других народов только то, что считали практически полезным. Для управления государством им требовались география и астрология, для строительства — математика, для личного здоровья — медицина, для победы в богословских спорах — философия и логика. Среди переводов почти не было истории и художественной литературы: дух римско-эллинской цивилизации оставался мусульманам абсолютно чужд и не вызывал в них никакого любопытства. На протяжении всего халифата арабы очень плохо знали античную историю и поэзию и вообще жизнь Греции и Рима представляли себе очень смутно. Платона они путали с Плотинем, о стоиках не знали ничего, а философию Аристотеля приняли в исковерканном виде и увязали с исламским богословием, передав в том же виде европейцам.

Культурная жизнь арабов процветала в крупных и богатых городах, таких как Басра или Куфа. Здесь на греческий манер изучали «семь свободных искусств», включая математику, астрономию, музыку и грамматику. К философии относилась также логика, а к естествознанию — медицина и химия. Басрийцы занимались этикой, экономикой и политикой (как практической философией), богословием, законоведением и филологией. Именно в Басре Халиль ибн Ахмад создал знаменитый словарь арабского языка; здесь же X веке появились «братья чистоты» — что-то вроде Платоновской академии, существовавшей намного

позже во Флоренции, где религию пытались скрестить с философией. «Братья чистоты» были настроены вольнодумно, интересовались всем на свете и писали трактаты по самым разным темам, но чаще всего не очень основательно.

После победы Аббасидов эстафета культурной столицы перешла к Багдаду, где был основан «Дом мудрости», особенно расцветший при аль-Мамуне. Считается, что почти вся основа и большая доля культурных достижений арабов была создана именно в этом учреждении. В «Доме мудрости» появились ключевые переводы и комментарии к Корану, были обработаны литературные произведения домусульманской эпохи, написаны первые медицинские и географические труды, созданы огромные исторические хроники, прозаические сочинения и энциклопедические словари.

Вместе с династией Аббасидов пришел в упадок и Багдад, но вместо него в раздробленной империи расцвели десятки новых центров: испанская Кордова, египетский Каир, магрибский Кайруан, сирийские Халеб и Триполи, персидские Шираз, Хамадан, Нишапур, Герат, Балх, среднеазиатские Самарканд, Бухара и Ургенч. Но где бы ни находились источники культуры, благодаря общему языку арабский мир был един культурно на протяжении всей империи. Знаменитые «Макамы» аль-Харири и историю ат-Табари с одинаковым увлечением читали и на крайнем западе, и на восточных рубежах.

Адибы и каттибы

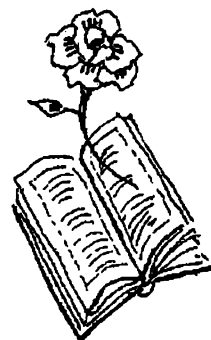
Так же, как в средневековой Европе, Византии или Древнем Китае, у арабов сформировалось свое понятие личной культуры или «вежества» — адаб. Быть вежественным в общем смысле означало быть хорошо воспитанным и вести себя «правильно», то есть согласно принятым условностям, которые возводились в идеал. Омейяды, а потом и Аббасиды установили некий обязательный стандарт: если хочешь принадлежать к элите, ты должен быть образованным, утонченным, искушенным в науках и искусствах, уметь себя вести, красиво говорить и т. д. Культура отличала знать от простолюдинов, а цивилизованного человека — от варваров и дикарей.

В эпоху первых Аббасидов появилось новое понятие — каттиб (кятиб), секретарь или литератор, — образованный, знающий

человек, хорошо разбирающийся в культуре и политике и дающий мудрые советы правителям. Прозвище аль-Каттиб носил известный мусульманский писатель Абд аль-Хамид, секретарь халифа Марвана II. Он написал знаменитое послание к секретарям, где называл каттибов ушами, глазами и руками халифов, без которых те не могли бы управлять страной. Каттиб, по аль-Хамиду, должен быть безупречен во всех отношениях, обладать не только знаниями и хорошим слогом, но и скромностью, твердостью, преданностью, честно служить своему владыке и не иметь никаких страстей. Аль-Хамид не только писал и проповедовал правильные вещи: он на деле доказал верность своим словам, не покинув опального халифа в трудную минуту и погибнув вместе с ним.

Как и среди переводчиков, среди каттибов были не только мусульмане, но и евреи и христиане, особенно несториане. Они составили кодекс образованного человека — адиба, — напоминающий рекомендации Конфуция государственным чиновникам и вообще всем просвещенным и правильно живущим людям. Важное место в нем занимало искусство общения и угождения правителю. Например, в книге «Правила поведения и обычаи при дворе халифов» говорилось, что хороший придворный должен смотреть только на халифа и его уста. «Самый лучший в глазах своего господина тот человек, который безгласен и бесплотен, как эхо. Он не плюет, не сморкается, не жует и не пьет». Халиф может рассердиться на придворного, если тот громко говорит или от него слишком сильно пахнет благовониями. Не надо чересчур настаивать на своем, потому что даже если ты докажешь свою правоту, халиф может разгневаться на тебя за то, что сам был неправ. Повиноваться правителю важнее, чем заботиться о деле. «Не нужно противоречить эмиру верующих, — говорится в том же источнике. — Если то, что он задумал, правильно — будет успех; если он ошибся — то ошибка будет его собственная, без твоего участия, по его приказу». Если ты не военный, не стоит демонстрировать свою силу и храбрость, лучше притвориться слабым и трусливым, чтобы халиф не подумал, что ты можешь замыслить против него какое-то зло.

Этикет. Дворцовый этикет включал много правил и регламентаций, о которых должен был знать каждый придворный. Нельзя было ничего переспрашивать, говорить не по

делу, поворачиваться спиной к халифу, когда уходишь. Не рекомендовалось приходить на прием в красном, потому что красный — цвет халифа или бунтовщиков. Запрещалось снимать с головы чалму и сидеть, положив ногу на ногу, не только в присутствии халифа, но и вообще в его дворце. За исполнением этих и других правил следили особые осведомители, которые доносили обо всем начальству.

Халиф Муавия, знавший толк в человеческой психологии, говорил, что лучший способ очаровать правителя — проявлять кротость, когда он гневается, и внимание, когда он говорит. Придворные мудрецы наставляли, что вниманию следует обучаться так же, как и красноречию. Если халиф рассказывал какую-то историю, которую ты знал лучше, чем он, следовало притвориться, что она тебе неизвестна, и слушать с глубоким вниманием и сосредоточенностью, словно внимаая какой-то великой истине. Желательно, чтобы при этом рядом обрушилась кровля дома, или камень случайно угодил тебе в голову, так чтобы ручьем хлынула кровь, или лошадь наступила в яму и ты бы вывалился из седла (все эти случаи описываются в хрониках), — чтобы потом на вопрос халифа, почему ты не обращаешь на все это внимания или почему ты так неловок, можно было ответить, что блаженство от беседы с повелителем слишком велико, чтобы замечать что-либо другое. Многочисленные истории, иллюстрирующие это наставление, рассказывали о том, как после подобного ответа придворный тут же получал пятьсот тысяч дирхемов, прибавку жалованья и всевозможные богатые дары.

Бади

Знание стихов и умение слагать стихи были отличительными признаками образованного человека. Сложить газель или уколоть врага едкой эпиграммой считалось необходимым навыком для всякого, кто претендовал на звание вельможи или носителя культуры. Иногда стихами — или, скорее, рифмованной прозой, — излагались целые научные трактаты, например по логике или медицине.

Большинство поэтов в это время жили при дворе. Придворный поэт по умолчанию был панегиристом, писавшим хвалебные стихи. Это была его официальная должность, за которую он

получал жалованье. Вельможа, не имевший в своем штате поэта, выглядел так же странно, как если бы у него не было повара или секретаря. Панегирист целиком зависел от милости своего господина и находился на положении слуги. Угодивших халифу поэтов щедро награждали, а не угодивших — пороли.

Именно в этих условиях арабская поэзия достигла невероятного расцвета. В VIII — IX веках в литературе появился «новый стиль» — бади, то есть «обновление». В поэтический мир нищих бедуинов хлынули цивилизованные персы, высмеивавшие ди-карей-кочевников и восхвалявшие персидскую утонченность. Они наполнили стихотворения особыми эффектными сочетаниями слов, новыми украшениями фраз, изощренными метафорами. Тонкость чувств, разнообразие тем, непринужденная живость и безупречная техника сделали этот период золотым веком арабской поэзии, ее классикой, образцом и высшим пиком.

Три придворных поэта, великая «триада» этого времени: Башшар ибн Бурд, Абу Нувас и Абу-ль-Атахия.

Башшар ибн Бурд

Башшар ибн Бурд был потомком знатных персов и сыном раба. Как полагалось поэту бади, он гордился своей персидской кровью и высмеивал арабов, их невежество и грубый быт кочевников. Он с издевкой описывал, как бедуины «тянут песню, бредя за верблюдом в колючках», грызут с голоду дикие арбузы и выкапывают ящериц из каменной земли. Персы в его стихах, наоборот, утонченны и изысканны. Каждый из них мог похвастаться длинной родословной и знанием культуры, не говоря уже о том, что именно они завоевали власть для Аббасидов. Все это не мешало поэту со всем блеском таланта восхвалять ныне здравствующих арабских халифов.

Слепой от рождения, с грузной неповоротливой фигурой и рябым лицом, Башшар мало походил на поэта. Современники вспоминали, что у него была особая манера подготавливаться к чтению стихов: он покашливал, хлопал в ладоши и поплеывал на ладони, словно собираясь взяться за лопату или кирку. Как и у всех «бадистов», его любовная лирика представляла собой вздохи по прекрасной и недоступной возлюбленной. При этом у него была тяжелая и мощная фигура, как у буйвола, и когда он

писал, что весь иссох от любви и его может унести даже ветер, это вызывало смех.

Несмотря на слепоту автора, стихи Башшара отличались удивительной точностью и живостью деталей. Когда его спрашивали, как ему, будучи слепым, удастся так ярко описывать видимый мир, поэт отвечал, что «видит сердцем». «Мой ум — результат моей слепоты, — объяснял он. — Когда человек что-то теряет, он в то же время и приобретает».

Человек желчный и ожесточившийся, порой с мрачным юмором, Башшар часто высмеивал те самые поэтические приемы, которым следовал, чтобы заработать деньги. Однажды, пародируя любовные стихи, он рассказал, что его осел умер от любви к одной ослице, прекрасной, но безжалостной. Осел, продолжал поэт, говорил мне, что у нее были жемчужные зубы и щеки, подобные щекам аш-шайфурани. Когда у Башшара спросили, что такое аш-шайфурани, тот ответил, что осел ему этого не разъяснил.

Башшар не довольствовался канонами и пытался выйти за рамки избитых приемов и расхожих образов, придумывая новые метафоры, подмечая детали повседневной жизни («богач с похмелья пьет настой фиалки» и пр.) и вводя новые темы, не встречавшиеся прежде нигде. Он был неожидан, оригинален, свеж, как истинный талант, за это его ценили и признавали первым поэтом «нового стиля».

В его душе была глубокая горечь, смешанная со смирением. Характерные для него выражения и мысли говорили о его презрении к обществу. «Спасибо Аллаху, что сделал меня слепым, чтобы я не видел тех, кого ненавижу». «Мы в недобром, неправедном мире живем». «Нет друзей — одни стяжатели вокруг». Он писал, что люди — это звери, которые делятся на два сорта: псы и свиньи.

К старости он потерял всех своих друзей. За какую-то едкую сатиру халиф приказал избить его до смерти и бросить в Тигр. За его гробом шел один человек — бывшая рабыня, которую он освободил. Она плакала и восклицала: «О, мой господин!»

Башшар сам написал эпитафию для своей могилы:

Он был влюблен, но не любим,
И ныне смерть пришла за ним.

Перевод Н. Горской

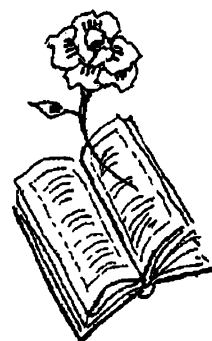
Абу Нувас

В Абу Нувасе тоже текла персидская кровь, хотя похвастаться благородным происхождением он не мог. Сын простого солдата и мойщицы шерсти, в детстве он зарабатывал на жизнь, собирая травы для торговца, продававшего в лавке благовония. Тем, кто кичился своей знатной родословной, он отвечал: моя образованность — моя родословная.

Чтобы усвоить чистоту арабского языка, он, как полагалось в это время, целый год провел в стане кочевников, но не вывез оттуда ничего, кроме отвращения к убожеству их быта. Бедуинские касыды вызывали у него насмешку. Чем плакать над покинутым становищем, иронизировал он, лучше свернуть к ближайшей винной лавке и выпить свежего вина с золотистой пеной.

Уже в юности Абу Нувас вступил в поэтический кружок в Басре и стал вести распутную жизнь. По натуре это был весельчак, эпикуреец, любитель роскоши и всех радостей жизни, хотя и слишком умный для того, чтобы воспевать все это без нотки горечи. Переехав в Багдад, он писал пронзительные любовные стихотворения и в то же время был чем-то вроде шута при халифе Харуне ар-Рашиде, его сотрапезником и собутыльником, потешавшим своего хозяина смелыми словечками и скандальными выходками, за которые другие могли бы поплатиться головой. В его стихах встречалось много эротики, в том числе гомосексуальной: он не скрывал своей любви к мальчикам и воспевал ее открыто и со вкусом. В то же время в них ощущалась едкость, яд, иногда откровенный цинизм, соединенный с вольнодумством. Репутация Абу Нуваса в этом смысле была настолько плохой, что когда при дворе кто-то громко воскликнул: «Гяуры!» — он насмешливо отозвался: «Мы здесь!»

Стихи Абу Нуваса высоко ценились уже при жизни, а время только упрочило их славу. Он обладал тем естественным и обаятельным талантом, который завоевывает симпатии без видимых усилий. Его стихотворения всегда живы, непосредственны и наглядны, часто это короткие диалоги, зарисовки уличных сценок — в них кипит сама жизнь. В то же время они сочны, яркие и образны, полны метких сравнений и красивых оборотов. Написанные им строки легко усваивались на лету, становились популярными песенками, которые исполняли даже сотни лет спустя.

Абу Нувас любил охоту и создал новый жанр охотничьих стихов — *тардийят*. Считается, что он же первым придумал и жанр *хамрийят* — стихи о вине. По крайней мере, Абу Нувас был одним из тех, кто создал в арабской поэзии культ вина, подобный которому трудно найти в мировой литературе. Вино он развеществовал, считая его высшим наслаждением жизни и средством от всех бед. Его стихи на эту тему неисчислимы и очень убедительны.

В одном из таких стихотворений он описывает кувшин с вином и говорит, что вино — это душа кувшина: «когда я выпиваю вино, у меня две души, а кувшин — пуст». В другом подробно и увлекательно рассказывает про ночной поход в лавку купца, где вино хранится в погребах «нежней, чем дух бесплотный».

Покуда взор мой полный кубок не узреет,
Нет радости ни в чем, ничто меня не греет.
Берут заботы в плен и на душе темно?
Оружья лучшего не сыщешь, чем вино!..
Дни без него пусты и мрачны вечера,
И я пью вечером и снова пью с утра...

Перевод М. Кудинова

Суть его «винной» философии можно свести к тому, что на свете нет ничего лучше вина. Оно соблазняет, как красавица, и влечет, как все запретное. Оно примиряет с этим миром: с вином ты — как в раю. А где вино, там флейтистки и певицы, юные виночерпии. Какой смысл мучить себя походами, сражаться в бою? Лучше пить вино с прекрасным юношей или красоткой. А «Всепрощающий» дарует нам прощенье за грехи. «Грехи как можно больше — ведь ты идешь к всемилостивому Господу». Вот почему я наслаждаюсь, отбросив всякий стыд, признавался Абу Нувас. Люди ничтожны, что мне их осуждения?

Глупец укоряет меня за вино,
Ему дураком умереть суждено...
Его ли мне слушать? Всевышний Аллах
Вино запрещает — я пью все равно.

Перевод Б. Шидфар

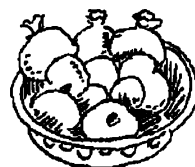
В другом стихотворении он писал, что хочет пьянствовать тысячу лет подряд и Аллах не увидит его иначе, чем с чашей вина

в руке или целующим красавицу. «Пусть меня ждет смерть, но я предаюсь наслаждениям так, словно вечен». Даже похоронить себя поэт предлагал прямо в винограднике.

Но за этой веселой бравадой проскальзывали нотки горечи и отчаяния. Абу Нувас с тоской описывал последние минуты перед смертью, когда все радости и удовольствия исчезнут как песок, когда уже нечего ждать и не на что надеяться. Что же нам делать перед смертью? Конечно, выпить последний кубок вина!

Он смеялся над паломничеством и говорил, что его хадж — это зланные места Багдада и что он не согласится отправиться в Мекку, даже если она будет стоять у ворот его дома. Да и можно ли быть мусульманином в Багдаде, полном соблазнов? Даже Коран он предлагал читать вперемежку с глотками вина: ведь Аллах все простит. В одном из стихов Абу Нувас приглашает на свою попойку самого пророка Мухаммеда, а в другом пишет, что хочет быть собакой у ворот Мекки, которая будет кусать всех паломников.

Все это вконец испортило его репутацию и имело скверные последствия. Халиф аль-Амин хоть и считался его другом, посадил Абу Нуваса в тюрьму, запретил пить вино и писать легкомысленные стихи. Отныне он должен был сочинять только торжественные оды повелителю. После смерти поэта — по разным версиям, он был зарезан, умер в тюрьме или упился до смерти в винной лавке, — не нашлось никого, кто захотел бы проводить его в последний путь.

Абу-ль-Атахия

Если Абу Нувас в детстве приторговывал благовониями, то Абу-ль-Атахия продавал на базаре горшки. Его юношеские стихи были широко известны, но не доставляли особого дохода, пока панегирик, адресованный халифу аль-Махди, не принес ему благосклонность правителя.

Начинал он как любовный лирик, воспевавший свою идеальную даму, и даже участвовал в «кружке распутников» вместе с Абу Нувасом. Его стихи были так красивы и мелодичны, что их часто перекладывали на музыку и превращали в песни. «Все его речи, — восхищался один филолог, — были сладостны, он говорил с людьми стихами и каждую фразу превращал в произведение искусства». Не слишком благочестивые современники считали, что его касиды даже лучше, чем суры Корана.

В это время он много писал о своей безнадежной любви к Утбе, невольнице жены халифа Риты, жалуясь на ее суровость и непреклонность. Поэт уверял, что она единственное существо на земле, созданное не из глины, и что, если бы ему была дарована хотя бы половина того, чем она является, ему хватило бы и этого. Однажды он переоделся старым рабом и, явившись к Утбе под видом просителя, умолил ее выкупить его у хозяина и дать ему свободу, — все это только для того, чтобы в благодарность получить возможность поцеловать ее руку.

Любовь и золото. О том, что безжалостная рабыня отказывала ему во взаимности, в Багдаде знали все, включая халифа. Однажды, когда Абу-ль-Атахия ему чем-то особо угодил, он решил отдать ему Утбу, но девушка стала возмущаться: ты хочешь меня, чистую и преданную, отдать какому-то горшечнику, кормящемуся стихами? Халиф передумал и взамен наградил его деньгами. Биограф Абу-ль-Атахи утверждал, что поэт не особенно расстроился и даже начал спорить с казначеем, что ему должны заплатить золотыми динарами, а не серебряными дирхемами. Услышав об этом, Утба оскорбленно воскликнула: если бы ты меня любил, то не стал бы спорить о золоте и серебре!

Уже в это время в стихах Абу-ль-Атахи не было радости и легкомыслия, свойственного Абу Нувасу. Он представлял собой абсолютно противоположный темперамент, который на абсурдность жизни отвечал усиленным благочестием и аскетизмом. Неудивительно, что в поздние годы в нем произошел перелом: он стал писать стихи о смерти, о тщетности всего сущего, что тоже было в традициях арабской поэзии и пользовалось большой популярностью у публики. За эту тему у арабов отвечал особый жанр *зухдийят* — отречение, аскетизм, в котором Абу-ль-Атахия стал признанным мастером.

Суть вещей по *зухдийят* Абу-ль-Атахия можно выразить так. Вся жизнь — только страдания и беды. Наслаждения — иллюзия. Люди пасутся, подобно скоту, на поле жизни, но за радостью всегда приходят бедствия. Все, что бы ты ни построил, будет разрушено. Нет ни одного царства, которое бы не пало. Рухнули могучие крепости, погибли их смелые защитники, погибли полководцы и правители, купавшиеся в роскоши и владевшие цве-

тущими странами. Никто из них больше ничего не почувствует и не увидит. В конце концов исчезнет все: мир, люди, даже небо и земля. Итог всему — смерть. Единственное, что можно этому противопоставить, — благородство, стойкость и честность. Но и это ничего не изменит.

Посмотри на себя, живой, — ты уже мертв. Ты погубил себя жадной удовольствий, и вот уже седина покрыла тебя своим плащом.

О, сколько раз ты уходил с путей добра и света,
О, сколько раз ты восставал душою непокорной!
Ты жил, блаженствуя. Теперь не жалуйся, не сетуй.
Плати за все. Таков удел, безвыходный и скорбный.

Перевод М. Курганцева

Поздние стихи Абу-ль-Атахии были популярны и в народе, и при дворе. Они служили чем-то вроде горького контраста слишком сладкой и жизнерадостной поэзии Абу Нуваса. Харун ар-Рашид проводил все время с Абу Нувасом, но порой на него нападали приступы покаяния, и тогда он звал к себе Абу-ль-Атахию. Первый отвечал за веселье, второй — за благочестие. Парадоксально, но однажды халиф приказал наказать Абу-ль-Атахию палками за то, что отказался написать скабрёзное стихотворение: он считал, что придворный поэт должен проявлять себя во всех жанрах, а не в одном. Абу-ль-Атахию вообще много били — то некстати воспел чью-то служанку, то высмеял высокомерного вельможу.

Арабы называли Абу-ль-Атахию лучшим поэтом среди людей и джиннов. Рассказывали, что будто бы даже византийский император просил его приехать, а когда поэт отправил вместо себя стихи, приказал отчеканить их на воротах своего дворца.

Зарифы и маджин. В Багдаде существовал особый кружок «арабских денди» — зарифов, собиравшихся в доме богача и аристократа Валиба ибн аль-Хубаба. Зариф должен был быть молод, изысканно одет, хорошо образован, остроумен и непременно влюблен в какую-нибудь прекрасную, но труднодоступную даму. Поэтому зарифу полагалось носить на себе «печать любви»: бледность, печаль в глазах, изможденный вид. Поэтом-зарифом был вазир аль-Аббас, писавший, что мечтает стать зубочисткой в руке возлюбленной, чтобы чувствовать вкус ее слюны.

На другом полюсе поэзии находился «низкий» жанр маджин, также имевший своих любителей и поклонников. Его мастером слыл Ибн аль-Хаджадж, который сравнивал свои стихи с клоакой, а себя — с чистильщиком уборных. Его сочинения полны «распутных шуток» и пестрят самыми непристойными выражениями, собранными с городского дна. «Когда я пою — идет пар из отхожего места», — говорил он.

Поэзия в эпоху упадка Аббасидов

В IX веке в поэзии начался откат к старым образцам, основанный больше на политических, чем на поэтических причинах. Власти по своим соображениям усиленно насаждали традиции и старину. Согласно новой идеологии, полагалось идеализировать бедуинское прошлое и восхвалять героизм предков. В моде были пафос, напыщенность, громоздкая помпезность, преувеличенная красочность описаний. Поэты, полностью зависевшие от халифа и покровителей-вельмож, волей-неволей подхватывали новые веяния и выполняли «государственный заказ», воспевая величие древних героев, знаменитые сражения и само собой современных им правителей. Среди них было множество талантов, сумевших реализовать себя в этих узких рамках. Самые крупные из них: Абу Таммам, аль-Бухтури, Ибн ар-Руми, Ибн аль-Мутазз — создавали настоящие шедевры, по-своему варьируя поэтические шаблоны.

Абу Таммам, грек по крови, сын виноторговца, не только принял ислам, но и в духе времени сочинил себе бедуинскую родословную, утверждая, что происходит из племени тайи. Он носил бедуинскую одежду и изо всех сил старался изображать арабского вельможу. Как и подобает важному лицу, он вел себя грубо и высокомерно, но при этом был жаден до денег и болезненно тщеславен. У него был неприятный голос, поэтому стихи сам он не декламировал и везде таскал с собой специального человека, который делал это за него. В то же время он любил повеселиться и пил не хуже Абу Нуваса, становясь на время дружеских пирушек добродушным и доступным.

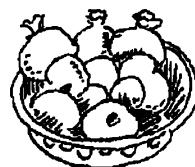
Писал он торжественно, высокопарно и тяжеловесно, что очень нравилось его заказчикам, — это стало считаться признаком истинной поэзии, соответствующей величию тех, кому она адресовалась. Поэта совершенно не смущало, что он со-

чиняет всем примерно одно и то же и что в его неумеренных восхвалениях нет и намека на правдоподобие. Самые нелепые и чудовищные преувеличения были в ходу и воспринимались с благодарностью: никакая лесть не могла быть слишком грубой, никакая похвала — слишком приторной.

Будучи придворным летописцем, Абу Таммам, разумеется, описывал достижения правителя. Он писал, что халиф в гневе «внушает страх самой ночи» и даже скорпионы при нем боятся выползть из земли. Любой лев, встретившись с ним, «испугается и умрет в тот же миг». Весь ислам, да что там — весь мир держится только на его твердости и силе: без него все бы рассыпалось, как песчаные холмы под ветром. Его могущество смущает разум, а его добродетели сияют, как золото. Щедрость его такова, что он изгнал из своей страны всю бедность и нужду: бедняки при нем разбогатели, бедность стала заманчивой, а сироты благодетельствованы так, что все мечтают стать сиротами.

Поэмы Абу Таммама — это историческая хроника в стихах, где присутствуют военные победы халифа, детальные описания битв, подавление восстаний, осады крепостей, строительство мечетей и дворцов. Образцовой считалась его касыда на взятие аль-Мутасимом крепости Амории. Она до предела насыщена изощренными метафорами и трудноуловимыми ассоциациями, которые публика часто просто не могла понять, — это считалось пределом мастерства. Объятая огнем Амория, писал Абу Таммам, ночью пылала так, словно солнце не зашло, а разрушенный город был прекрасней, чем «щеки зардевшейся красавицы». В этот день ни один из мужчин в городе не возлег со своей женой — с ними возлегли мусульмане. Это победа побед, в восторге восклицал поэт, — не хуже, чем битва пророка при Бадре.

В другой раз он разразился касыдой в честь коня, подаренного ему секретарем верховного кади. Конь этот желтый, пишет поэт, как желток яйца, — кажется, что в его шкуре растворилось солнце. Он легко понимает человеческую речь и в одну ночь может преодолеть пятидневный путь. Конь — предел совершенства, но достоинства скакуна ничто по сравнению с достоинствами его дарителя. Ум секретаря непогрешим, слова его разят наповал, а щедрость к нему так же близка, как потник — к спине верблюда. Он — само совершенство, вызывающее восторг; каждый прошедший день тоскует по нему, а каждый будущий ждет его с жадностью. Поэт уверял, что щедрый даритель коня близок ему

как никто другой: «наши души похожи, словно два шнурка сандалии из дубленой кожи». Один час без него кажется вечностью, и только близ него можно познать истинную жизнь.

Абу Таммам был мастер во всех жанрах, будь то элегии, стихи о природе или вине. Какой бы темы он ни касался, она блистала причудливыми красотами и неожиданными сопоставлениями. Про пузырьки в вине писал, что они играют разумом, как глаголы — словами, меняя их падеж, а само вино в алебастровом сосуде сравнивал с красным яхонтом, которым беременна белая жемчужина.

Ученик Абу Таммама, поэт аль-Бухтури, по части беспринципности, пожалуй, превзошел учителя. Шиит по убеждениям, он немало воспевал халифа аль-Мутаваккиля, который преследовал шиитов, а потом принял участие в заговоре, закончившимся его убийством. Менялись халифы, кипели дворцовые интриги, появлялись и исчезали новые фавориты, но аль-Бухтури всегда умел найти свою выгоду. Это не мешало ему создавать яркие и незаурядные стихи, где старые штампы, подобно встряхиваемому калейдоскопу, складывались в новых сочетаниях.

Впрочем, не все поэты были так угодливы и покладисты, как Абу Таммам или аль-Бухтури. Дибиль, например, ругал всех подряд, включая вазиров и халифов. Он считал, что это естественно, поскольку пороки людей превосходят их достоинства. Примерно так же вел себя и Ибн ар-Руми, багдадский шиит и мутазилит. Это был капризный, неуживчивый и жадный человек, страдавший от своей неприглядной внешности: он был маленького роста, лысый и хромым. Если покровитель оказывался недостаточно щедрым, Ибн ар-Руми грубо требовал прибавки, а если тот отказывал — поливал его в стихах желчными насмешками. «Он так скуп, что если бы мог, дышал бы через одну ноздрю», — издевался он над прижимистым вельможей. Придворных панегиристов он называл «мусором на поверхности моря», а аль-Бухтари обвинял в воровстве и говорил, что его стихи так же бестолковы, как крики каменщиков на стройке.

Поношения Ибн ар-Руми были столь же преувеличены, как и похвалы. Замысловатость своих метафор он ставил себе в заслугу: «Мои бедствия не заставили меня сочинять стихи, понятные обезьянам и собакам». Он жаловался, что найти нужное слово так же трудно, как выловить жемчужину с морского дна, и старался подбирать самые яркие и неизбитые сравнения: пи-

сал, например, что цветок фиалки на тонком стебле похож на «огонек, высеченный кремнем».

Еще один поэт, Ибн аль-Мутааз, не восхвалял Аббасидов, потому что сам был аббасидским принцем. Сын халифа аль-Муттаза, лишённого власти и заточённого в тюрьму, он проводил жизнь в роскоши и развлечениях. В его поэзии не было ничего оригинального — любовь, природа, культ вина, рассеивающего тоску и заменяющего солнце: «Кувшин похож на тьму, где спрятан свет»; «Настала ночь — зажги ее вином» и т. д. Он написал целую поэму о том, когда лучше пить вино, утром или вечером, — и доказал, что вечером. Но, несмотря на избитость своих тем, Ибн аль-Мутааз был выдающимся поэтом, умевшим придавать новые краски затасканным сюжетам. В его стихах везде все вроде бы одно и то же: юный виночерпий, хмельные друзья, прекрасные флейтистки, — но детали всегда неожиданны и свежи, и какая-нибудь мелочь, взятая прямо из жизни, точно схваченная и изящно поданная, наполняет стихотворение теплом. В описании грозы он сравнивал молнию со змеей, бьющейся на склоне холма, а струи дождя — с брошенными с неба веревками. Звезды у него похожи на стеклянные рюмки, наполненные ртутью, речная рябь — на позолоченную кольчугу, обрызганный кровью сокол — на свиток мелко исписанного пергамента. За неистощимое воображение, великолепие метафор и изысканность стиха его прозвали «властителем поэзии».

Аббасидское барокко

Аббасидская поэзия была довольно специфичной. От нее не требовалось никакой морали, а порой и логики. Поэт мог противоречить самому себе, говорить сегодня одно, а завтра — прямо противоположное, и никому это не казалось странным. Когда одному философу сказали, что некий стихотворец лжет, тот ответил: от поэта требуется, чтобы он говорил красиво, а истины требуют от пророков. Поэт может брать любую, самую низменную и непристойную тему, вторил ему живший в X веке филолог Кудама ибн Джафар, лишь бы он делал это талантливо: «О поэте следует судить лишь по тому, как он выразил свои чувства, а не по характеру самих чувств, ибо поэзия — лишь собрание слов».

Талантливость тоже понимали своеобразно. В стихах, как и в прозе, на первое место ставили необычность, оригиналь-

ность, замысловатость языка. Поэты во что бы то ни стало избегали избитых сравнений и расхожих образов. Если раньше щеки сравнивали с розами, то теперь, наоборот, розы — с прильнувшими друг к другу щеками. Сплошь и рядом шли необычные, натянуто-вычурные или, наоборот, неожиданно точные метафоры. Ибн ар-Руми писал о бреющем голову черноволосом человеке, что «его лицо увеличивается за счет головы, как летом день увеличивается за счет ночи». Башшар, описывая плачущую девушку, подмечал даже такую мелкую деталь, что слезы на ее бледных щеках были белыми, а на загорелой шее — желтыми.

Уже по этим примерам видно, что поэзия арабов — прежде всего зрительная, впитывающая тысячи видимых подробностей и мелочей. Если речь шла о весне, то описывалось не что-нибудь, а появлявшиеся из земли желтые пузыри трюфеля, похожие на «присосавшиеся к телу медицинские банки». Любимое арабами созвездие Плеяд поэты сравнивали с босой стопой, выглядывающей из складок траурных одежд; ночную звезду, заволакиваемую легким облаком, уподобляли дышащей на зеркало девушке, «когда красота ее уже совершенна, но она еще не замужем». Описывая сады (это была одна из любимых тем арабской лирики), кипарис сравнивали с певицей, подобравшей до колен свою одежду, анемоны — с пожаром, на который, столпившись, смотрят розы, а чистый пруд — с прозрачным воздухом, где летают рыбы. Когда же ветер бросает в ручей алые анемоны, вода становится «подобна лезвию меча, по которому струится кровь».

Наср и рисала

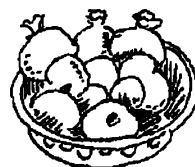
Стихи арабы называли *назм* — нанизанная речь, а прозу — *наср*, рассыпанная речь. В доисламскую эпоху прозаических трудов еще не существовало, не считая героических сказаний и былин, которые бедуины вспоминали во время застолий или на привалах у костра. Настоящая литературная проза появилась только при Аббасидах.

У ее истоков стояла трагическая фигура перса Ибн аль-Мукаффы — скептика и рационалиста, автора политического «Трактата о сподвижниках». За свою недолгую жизнь он успел написать несколько важных работ по этике, включая «Малый адаб» и «Большой адаб», и не столько перевел, сколько пересочинил на арабский язык сборник индийских рассказов «Калила

и Димна» — образец для всей будущей арабской прозы. Зороастриец по рождению, Ибн аль-Мукаффа принял ислам, но не мог отдать предпочтения ни одной религии и пытался опираться, по его словам, на «то благое, что не противоречит никакой вере». В результате в тридцать пять лет его обвинили в ереси и богохульстве (он позволял себе критиковать Коран). Халиф аль-Мансур приказал отрубить ему руки и ноги и сжечь их на глазах еще живого писателя, а потом бросить его в огонь.

Почти вся мусульманская проза в халифате состояла из писем (рисала) — как частных, так и деловых, к которым относили и научные трактаты. В это время не различали чиновников и писателей: считалось, что те и другие пишут прозу. Авторы делили скорей на духовных (улемы) и на светских (адибы), в зависимости от того, какие вопросы они решали в своих рисала. Объединяло их то, что все они старались блеснуть красивым слогом и соединять поучительность с занимательностью.

Само написание писем в это время довели до степени искусства. Метафорами, гиперболами, внутренними рифмами щеголяли даже в деловых посланиях. Высоко ценились красота, изящество и ритм фразы. Из лучших писем составляли сборники, им подражали, их знали наизусть. Мастера эпистолярного жанра были известны так же, как поэты. Часто письма превращались в фокусы, в игру слов, в шарады. Поэт Аль-Хамадани с гордостью перечислял, что он способен делать в письмах, в отличие от известного тогда мастера аль-Хорезми: «Написать письмо, которое, если его прочитать задом наперед, одновременно содержит ответ; написать письмо без определенных букв, групп букв или артиклей; написать письмо, которое, если читать его наискосок, является стихотворением; письмо, которое, в зависимости от толкования, может быть похвалой или порицанием».

То же относилось не только к письмам, но и к литературе вообще. Арабы любили парадоксы, и чем более дикими, безумными и острыми они выглядели, тем большей удаивались похвалы. Восхваляли скупость в пику щедрости, воспевали зависть, злобу и страдание, красоту объявляли безобразием, а порок — достоинством. Ибн ар-Руми сравнивал пышную розу с задницей испражняющегося осла — образ, достойный пера сюрреалиста. Поэт Ат-Таухиди, писавший несколько проще и яснее, чувствовал себя в одиночестве и жаловался на непонимание публики. В конце жизни он сжег свои книги, чтобы не

оставлять их людям, у которых не нашел ни понимания, ни уважения. Даже появившиеся в это время персидские и индийские сказки, составившие потом сборник «Тысячи и одной ночи», казались арабским писателям слишком сухими и холодными.

Одним из самых популярных авторов того времени был аль-Джахиз. Он написал огромное множество книг с занимательными историями, анекдотами, скандальными происшествиями, тонкими рассуждениями и обсуждением самых невероятных вопросов. Не относясь ни к чему всерьез, он упивался могуществом языка и гибкостью мысли, сопоставляя несопоставимое и переворачивая с ног на голову общепризнанные вещи. Он мог доказывать, что черные люди превосходят белых и что молчание важнее речи, а потом, наоборот, — что белые лучше черных, а речь выше, чем молчание. В ход шло все — цитаты из Корана и хадисов, греческая философия, отрывки стихов, наблюдения, остроты. Это софистическое буйство парадоксов и идей аль-Джахиз щедро наполнял изяществом, восхищавшим его покровителей-аристократов. Он хотел смешить, развлекать, блистать умом, доставлять эстетическое наслаждение — все одновременно. После долгой и блестящей жизни аль-Джахиз потерял покровительство халифа, истощил свои силы и талант и умер в бедности, вернувшись в Басру, откуда некогда уехал безвестным юнцом. Ходила легенда, что он погиб под огромной кипой собственных книг, которые погребли его под собой.

В первые два века Аббасидов было написано множество дидактических и назидательных сочинений, изданы сборники афоризмов и пословиц и разработаны основы филологии. Арабы считали свой язык величайшим на свете — ведь именно на нем был изречен Коран. Первые арабские филологи были скорее собирателями, чем учеными: они не пытались ничего анализировать и не строили теорий, а просто записывали, например, все риторические сравнения, вроде «белее снега», или находили несколько сотен синонимов для слова «несчастье». Первый настоящий словарь составил аль-Джаухари, который поставил себе целью сделать арабский язык «более близким и ясным». За два века культурного расцвета арабские ученые досконально изучили стихотворные размеры и строение арабского стиха, создали арабскую грамматику и фонетику, издали множество толковых словарей, включая тематические: медицинские, ботанические, минералогические и прочие.

Не забывали в халифате и про устную речь. С греками и римлянами арабов роднила страсть к ораторскому искусству. Пятничные проповеди в мечетях, выступления политиков, призывы к военным походам ценились за красочность сравнений и красоту слога. Речам полагалось быть энергичными, но емкими. «Аллах повелел долгую молитву, но краткую речь», — говорил пророк. Уличные ораторы, облаченные в широкие балахоны и с посохами в руках, выступали на площадях вместе со сказочниками и поэтами и собирали не меньше, чем они, публики и денег.

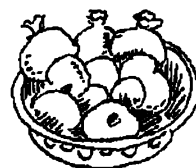
Принятие арабами ислама не могло не оказать огромного влияния на литературные темы и сюжеты. На одном полюсе арабской прозы стояли анекдоты о пройдохах, нищих, попрошайках, а на другом — истории о пророке, его сподвижниках и святых. К ним примыкали сборники сведений о халифах, поэтах и других известных людях, оставивших свой след в людской памяти.

История и география с чудесами

История

История арабов, словно раздвоенное дерево, росла из двух разных семян: народных преданий и Корана. В Аравии еще до ислама бытовали устные рассказы о войнах между племенами, перемешанные с местным фольклором и примерами героической доблести. После смерти Мухаммеда параллельно с ними появились так называемые магази — описание деяний пророка и праведных халифов, которые арабы по старинке называли «сирами» — житиями. В эти жития стали добавлять новые части о прежних пророках, живших до Мухаммеда, о его сподвижниках, об Омейядах, персах и т. д. — пока, наконец, в IX веке не появилась всеобщая «История» Халифы ибн Хайата.

Вместе с ростом владений халифата расширился и кругозор арабов, а их представления о странах и народах становились точнее и богаче. В исторических трудах появились ассирийцы, греки, римляне, индийцы, китайцы, берберы, турки, славяне, германцы и копты. В «Книге познаний» Ибн Кутайба повел историю уже от сотворения мира, а аль-Йакуби добавил географические описания всех известных ему древних и прилегавших к халифату стран. Одновременно с этим сочинялись истории от-

дельных городов, в которых летописцы чаще всего сообщали, что в городе жили такие-то ученые и такие-то богословы. Считалось, что именно они составляют славу города, а обо всем остальном знать необязательно. Увенчала все это «История пророков и царей» — огромный свод всех предшествующих исторических сведений, написанный Мухаммедом ат-Табари.

Как видно из его имени, ат-Табари был родом из Табаристана — провинции халифата, расположенной к югу от Каспийского моря. Перс по происхождению и мусульманин по вере, он блестяще знал арабскую историю, многие события которой засвидетельствовал лично. Ат-Табари был достаточно состоятелен — на родине у него имелось несколько поместий — и мог позволить себе жить в столичном Багдаде, но предпочитал вести независимый и одинокий образ жизни, подобавший скорее религиозному аскету, чем ученому: без жены и детей, не участвуя в политике и полностью посвятив себя работе. Его труды поражают воображение своим размахом: только в одной «Истории», самой знаменитой из его книг, больше десяти тысяч страниц текста. Это можно объяснить тем, что ат-Табари был скорее компилятором, чем оригинальным автором: он включал в свои работы куски и целые главы чужих работ, не скрывая этого и заботясь лишь о полноте представленных сведений. В результате он написал историю, которая включала в себя все предыдущие истории и тем самым делала их ненужными.

Из труда ат-Табари видно, что арабов мало интересовало то, что происходило до ислама. Греческой и римской истории они почти не знали. История прошлого была для них смесью Библии с национальным эпосом персов, представленных недавними Сасанидами. Недаром ат-Табари назвал свою книгу «История пророков и царей». Более древние персидские Ахемениды и Аршакиды были прочно забыты, а их место заняли какие-то вымышленные правители. Римские и византийские императоры давались только кратким списком, как нечто незначительное и малоинтересное. Персия называлась идеалом государства, греки — лучшими учеными, тюрки — воинами, а китайцы — торговцами и инженерами.

Зато к собственному прошлому арабы относились очень бережно и внимательно. Они записывали каждый рассказ, каждую мелочь, сохранившуюся в памяти какого-нибудь солдата или придворного вельможи. Чтобы обеспечить достоверность

передаваемых сведений, арабы опирались на *иснад* — ретроспективную цепочку свидетелей, удостоверявших истинность описанного события. Говорили, что такой-то слышал это от такого, который слышал это от такого-то, — и так далее до непосредственного очевидца или участника происходившего.

Благодаря этому повествование ат-Табари об исламском государстве лишено какой-либо условности. Это достоверная хроника, где он приводит много фактов, подробно цитирует первоисточники и никак не выражает своего отношения к тому, что сообщает. Ат-Табари точно излагает содержание какой-нибудь ереси или бесстрастно описывает личную жизнь не слишком благочестивого халифа, не выказывая при этом ни возмущения, ни порицания. В этом смысле он образцовый историк.

Многотомная история ат-Табари стала жертвой собственной популярности: после его смерти вышел сокращенный вариант на персидском, который прославился гораздо больше оригинала. Его часто перепечатывали и переводили на многие языки, тогда как первоначальный источник был забыт. Сегодня ни в одной библиотеке мира нет полной рукописи «Истории» ат-Табари, так же, как не существует перевода полной версии этой книги ни на один из европейских языков.

География

География была одной из любимейших наук в Багдадском халифате. Ее ценили и как увлекательное чтение, и как полезный инструмент. Управление провинциями зависело от хорошего знания маршрутов, обширная торговля требовала точных карт и подробных описаний местности. Все это в изобилии имелось у арабов, начинавших как подражатели и последователи греков, но быстро вырвавшихся вперед и достигших в «хождении по земле» (как переводили слово «география» арабы) замечательных успехов. Они далеко превзошли достижения Страбона или Плиния, не говоря уже о средневековой Европе.

Как и другие науки, география в халифате началась с перевода и переработки римских и греческих трудов. Первые арабские географы просто брали за основу «Альмагест» Птолемея и дополняли его новыми данными, накопленными арабами во время завоеваний и торговых путешествий. Путевые очерки, заметки послов и дипломатов, устные рассказы купцов или солдат, вер-

нувшихся из плена, архивы канцелярий — все становилось материалом для буйно развивавшейся географической литературы. В IX веке появилась оригинальная «Книга путей и государств» Ибн Хордадбега, где он обобщил опыт множества живых свидетелей, побывавших в разных странах по торговым делам или по долгу службы. В силу положения самого халифата, арабских географов часто заносило в такие места, где еще никогда не ступала нога историка: Среднюю Азию, Поволжье, Заволжье, Татарию. Эти земли и их обитателей увлекательно описывали Ахмед ибн Фадлан в своих «Записках» и Ибн Руста в энциклопедии «Дорогие ценности».

В начале X века аль-Истахри издал «Книгу путей и царств» — переработку более ранней работы аль-Балхи; позже книгу аль-Истахри переработал другой популярный географ Ибн Хаукаль. Вся земля в труде аль-Балхи — аль-Истахри — Ибн Хаукаля была поделена на 20 «климатов», большая часть которых считалась необитаемой из-за холода или жары. В нем содержались подробные знания о дорогах и маршрутах в разных странах, о расстояниях между почтовыми станциями, о том, где что добывается, выращивается и производится, как расположены и устроены попадавшиеся по пути города, какие народы населяют те или другие страны, каков их характер, обычаи, вера и множество других полезных сведений.

Еще более известны семь географических трактатов араба аль-Масуди, много ездившего по свету, но еще больше читавшего о путешествиях других. В погоне за популярностью аль-Масуди, как и многие арабы, старался писать занимательно в ущерб достоверности, поражая публику красочными описаниями и диковинными фактами. Цели он своей достиг: за свой яркий и масштабный труд он получил прозвище «арабского Геродота» и «имама всех историков».

Чудеса

Ни одна географическая книга в Средние века не обходилась без чудес. Вместе с живописным описанием какого-нибудь селения или зарисовками местных нравов авторы невозмутимо сообщали, что неподалеку гнездится птица кайкам, которая так огромна и тяжела, что встает на землю только одной ногой, — потому что если встанет двумя, земля сразу провалится. Фантастиче-

ские твари, загадочные амулеты и сверхъестественные явления встречались на каждом шагу. Рассказывали, что возле Дербента в пещере стоит меч Масламы, сам собой сохраняющий в этой местности чистоту ислама, или что на острове Рамин можно встретить странное животное: если человек его увидит, то умрет в течение сорока дней. В путевых записках аль-Гарнати говорилось про горный народ зирихгаран, который хранил кости своих мертвецов у себя в домах, вешая их в мешках на стены: с их помощью зирихгаране могут вызывать снежную бурю, во время которой на вражеских солдат нападает паника и они начинают убивать друг друга.

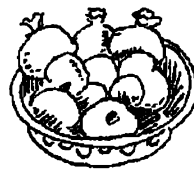
Некоторые невероятные случаи были лично засвидетельствованы их участниками. Так, географ Абу Дулаф, путешествуя с купцами в Табаристане, наблюдал за тем, как в пустыне посреди жаркого дня на караван внезапно налетел ветер, убивший всех людей холодом (сам он едва спасся, укрывшись в каком-то домике). Местные жители рассказывали, что этот ледяной ветер поднимается только тогда, когда что-то загрязняет источник на горном перевале, например дохлая птица, а если источник очистить, ветер тут же прекращается. Говорили также, что вода в этом источнике целебна, но если кто-то возьмет ее с собой и пронесет больше десяти шагов, она тут же превратится в камень.

Больше всего чудес встречалось в пустынях и горах, где путники часто становились жертвами демонов и духов. Путешественники рассказывали, что в горных ущельях творятся невероятные ужасы: джинны похищают заехавших в них людей, и что с ними происходит дальше, неизвестно. Иногда они забирают только лошадь, а человек теряет разум. Но хуже всего, когда всадник выезжает с виду невредимым, хотя на самом деле от него осталась только оболочка, а все внутренности исчезли. Иногда, впрочем, горные джинны просто шутили: зачаровывали странников и заставляли их приносить себе жертвы из дорогих блюд.

Бремя учености

Богач, бедняк

В просвещенном халифате знания и эрудиция ценились очень высоко. Стать ученым означало заслужить уважение всего общества, даже если ты беден и незнатен. Ученых считали не про-

сто знающими специалистами, а людьми возвышенного образа мыслей, поборниками чистой истины, отвергшими ради этой цели суетный мир и все его радости. Считалось, что настоящий ученый не предается страстям, не имеет дурных привычек, не развлекается в компании друзей. Таким образом, ученый был кем-то вроде подвижника или святого, к которому испытывал почтение каждый мусульманин.

Но у этого почетного положения была и обратная сторона. Наука почти не давала ученым возможности заработать на жизнь. Философ аль-Фараби, один из самых крупных мыслителей ислама, жил на один дирхем в день — ничтожную сумму, которой едва хватало на еду. Астроном Абу-ль-Фатх тратил не больше трех динаров в год, содержа на эти деньги и самого себя, и свою кошку. В отсутствие богатых покровителей или чиновничьей должности, позволявшей прокормиться, ученые вели полуголодное существование и искали другие источники дохода, часто весьма далекие от науки. Нередко бывало, что какой-нибудь известный математик торговал на рынке овощами, а по вечерам учил студентов в школе. Никого это не удивляло и не считалось чем-то зазорным: в то время многие вельможи занимались хозяйственной деятельностью, торговали, держали лавки на базарах или вели какое-нибудь ремесленное дело. Даже халифы и вазиры не гнушались иметь собственный «бизнес».

Адибы и алимы

Арабы уже в X веке различали ученых универсального знания — адибов и узких специалистов — алимов. Адибы были светскими людьми, обаятельными и красноречивыми эрудитами, знавшими понемногу обо всем и пользовавшимися большой популярностью, а алимы — учеными сухарями, глубоко знавшими свое дело, но не касавшимися других наук и ценимыми только знатоками. Стать «широким» специалистом тогда было гораздо проще, чем узким: строгого разделения между науками не существовало, и одно знание легко цеплялось за другое. Медицина смешивалась с философией, математика — с географией, политика — с литературой; ученый мог одновременно быть и популярным писателем, и выдающимся врачом, и секретарем какого-нибудь вазира или хаджиба.

Создавая научные труды, арабы стремились не только поучать, но и развлекать публику. Они беспокоились о том, как бы она не

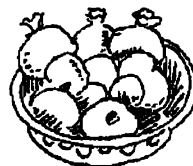
заскучала, и старались не усложнять чтение, перемежая серьезный материал с чем-нибудь легким и забавным. «В этой главе мы упоминаем обо всем понемногу, чтобы быстрой сменой уберечь читателя от скуки и примешать к серьезному немного шуточки, дав при этом душе и сердцу возможность отдохнуть», — писал знаменитый филолог и грамматик аль-Мубаррад. Сам аль-Мубаррад был воплощением адиба — великолепно владевшего речью и умевшего обаять любую публику. Именно по этой причине его коллега, известный филолог ас-Салаб, типичный алим, старался его избегать и не вел с ним никаких дискуссий: он не хотел профанировать науку изящной болтовней, боясь, что об их речах будут судить не по смыслу, а по внешней привлекательности. Несмотря на это, арабы одинаково ценили обоих и говорили: если чего не знаешь, обратись к аль-Мубарраду или Салабу, у них ты найдешь всеобъемлющее знание.

Философия

Поскольку в истоках всей арабской науки лежал ислам, ее первым и самым ярким проявлением стала философия, смешанная с богословием.

Кумиром мусульманских философов был Аристотель. Переводы Аристотеля на арабский изучались учеными с почти религиозным трепетом и сопровождались обильными комментариями, где греческая философия приспособлялась под ислам. В этих схоластических трудах выковывалась арабская терминология для оперирования абстрактными понятиями — *истилахат*, которой потом пользовался весь мусульманский мир.

Первым интерпретатором Аристотеля считается аль-Кинди — чистокровный араб из Куфы. Он всю жизнь изучал работы Аристотеля и писал о союзе веры и разума, считая, что первая невозможна без второго. Это был нелюдимый человек, желчный и скупой, славившийся неуживчивостью и не ладивший даже с известными меценатами Бану Муса, которые помогали нуждавшимся ученым. Недостатки своего характера он возмещал необыкновенной широтой знаний. Среди его интересов были традиционная медицина, астрономия, музыка и математика. Он написал большую книгу об изготовлении мечей, трактаты «О лучах», «О зажигательных зеркалах», «О причине голубого цвета неба», «О причине приливов и отливов», «О причине сне-

га, града, молнии, гроз, грома», «О дождях, ливнях и ветрах», «О фармакопее», «О химии благовоний и дистилляций». Этот универсальный философ был популярен не только в халифате, но и в Европе, где его труды переводились на латинский и становились пособиями в университетах.

Аль-Кинди и аль-Фараби относились к «греческой» ветви исламской философии, опиравшейся больше на рациональное мышление, чем на веру. Более поздние представители этого направления Ибн Сина и Аверроэс откровенно говорили, что мир вечен, а не сотворен, и доходили до отрицания воскресения и божественного промысла. Неудивительно, что в религиозных кругах на таких мыслителей смотрели с большим сомнением. «Грекам» противостояла чисто религиозная философия, основанная на Коране и сливавшаяся с теологией. Философов этого направления называли муттакалимами; на все мироздание они смотрели сквозь Коран и расходились только в его толковании. Среди них тоже были свои рационалисты и интеллектуалы — мутазилиты, которые поначалу составляли главное течение богословской философии. Но со временем теология арабов все больше сдвигалась в сторону традиции и преданий, отвергая все, что противоречило буквальному смыслу Корана, и мутазилиты уступили место более правоверным мухаккикам, ставившим веру выше разума.

Точные науки

Несмотря на большие усилия, приложенные арабами в изучении наук, и на бесчисленное количество написанных ими книг, их успехи в этой области оказались довольно скромными. Принято считать, что арабы сыграли главную роль как посредники и передатчики научных знаний между Античностью и новой Европой, а не как революционеры и первооткрыватели. В трудах арабских ученых много комментариев и переводов и мало самостоятельного творчества. Судя по всему, они и не ставили себе такой задачи. Предметом их заботы было не само по себе научное знание, а его практическая польза. Знаменитый аль-Хорезми, предвзяря свой труд по математике, писал: «Я составил краткую книгу об исчислении алгебры и алмукабалы, заключающую в себе простые и сложные вопросы арифметики, ибо это необходимо людям при дележе наследств, составлении завещаний, разделе имущества и судебных делах, в торговле и всевозможных сделках,

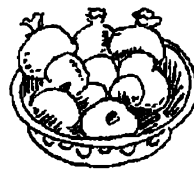
а также при измерении земель, проведении каналов, инженерном искусстве и прочих разновидностях подобных дел».

Тем не менее арабы оставили важные следы во многих научных областях. Больше всего они продвинулись в математике, сумев объединить достижения античной и индийской науки. Кроме алгебры, арабы усвоили и развили тригонометрию, которой почти не было у греков. В астрономии их главные заслуги состояли в строительстве обсерваторий, усовершенствовании измерительных приборов и составлении звездных каталогов и таблиц. От арабов осталось множество астрономических терминов и названий: зенит, надир, Альдебаран, Альтаир, Бетельгейзе, Вега, Ригель и др. Впрочем, даже в «небесной» науке они оставались верны практике: с ее помощью мусульмане определяли точное время молитв и правильное направление на Мекку. При мечетях существовала специальная должность «хранителя времени», который должен был знать астрономию и следить за тем, чтобы все посты и праздники справлялись верующими вовремя.

В физике арабы проявили себя как талантливые экспериментаторы. Ибн аль-Хайсам, которого сегодня называют «отцом оптики», ставил опыты с параболическими и сферическими зеркалами, изучал преломление света в разных средах и сформулировал принципы бинокулярного зрения. Арабы неплохо разбирались в инженерном деле и умели перемещать большие грузы на большие расстояния: когда в Мекке строили мечеть, туда по суше доставили гигантские колонны из египетского храма.

В химии арабские ученые оспаривали у китайцев изобретение пороха и первыми в истории получили такие вещества, как спирт (по-арабски «аль-кахуль» — отсюда «алкоголь»), селитра и серная кислота. Главным мастером здесь был Джабир ибн Хайян, «шейх химиков» и «отец химии», авторитет которого не подвергался сомнению ни на Востоке, ни на Западе. Как полагалось средневековому алхимику, он писал труды о выведении гомункулов и получении золота из ртути, но при этом опирался исключительно на опыты и едва ли не первым ввел понятие научного эксперимента. «Тот, кто не практикует и не экспериментирует, — говорил он, — не добьется абсолютно ничего».

Алмукабала. Вместо алгебры в Европе могла появиться «альмукабала». В IX веке арабский математик Мухаммед аль-Хорезми написал «Книгу об аль-джебр и аль-мукабале». Име-

лись в виду два приема при работе с уравнениями: аль-джебр, или «восстановление», означал перенесение отрицательных членов уравнения на другую сторону с изменением знака на положительный (в результате чего число как бы «восстанавливалось»); а аль-мукабала, или «противопоставление», — удаление в обеих частях уравнения похожих членов, что упрощало и облегчало вычисления. Благодаря этому труду науку о математических расчетах в Европе и стали называть алгеброй — искаженное «аль-джебр». Именно с легкой руки аль-Хорезми в Европе появились так называемые арабские, а на самом деле индийские цифры. На западе математика называли Алгорисмус, в честь него был назван «алгоритм».

Книги и библиотеки

Переписчики

Культура халифата по праву считается одной из самых «книжных». Арабы не просто любили книги — они создали из них настоящий культ. Рассказывали, что поэт и вазир Фатх ибн Хакан ни одной свободной минуты не проводил без какой-нибудь книги, которую он таскал с собой в рукаве и читал даже в уборной. Известный филолог Сагляр попал под лошадь и погиб, зачитавшись книгой на улице. А когда в Рее разграбили дворец халифа аль-Мутаваккиля, тот больше всего радовался тому, что уцелела его библиотека: «Все потери можно возместить, кроме этой!»

Неудачный хадж. Персидский астролог аль-Балхи однажды отправился в хадж и, добравшись до Багдада, зашел в местную библиотеку. Просидев там с утра до вечера, он решил остаться в ней навсегда, не в силах расстаться с открывшимися ему сокровищами мудрости. «Он забыл про хадж и про ислам», — с грустью писал биограф.

Вся мусульманская учеба в халифате была основана на книгах и отчасти заключалась в их переписывании. Считалось, что нельзя усвоить книгу, не переписав ее или не выучив наизусть. Это делали не только ученики, но и крупные ученые, историки и богословы. Один ученый переписал столько книг, что их хватило на четыре книжных шкафа. Другой переписывал по 80 страниц

в день. Но и это был не предел — философ Ибн Ади побил все рекорды, переписывая ежедневно по 100 страниц.

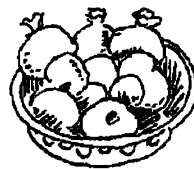
Профессиональными переписчиками становились не от хорошей жизни. Это был тяжелый и неблагодарный труд, которым занимались в основном рабы и бедняки. Многие ученые и богословы в молодости были вынуждены зарабатывать перепиской книг. Некоторые занимались этим только в первой половине дня, чтобы обеспечить себя пропитанием, а вторую посвящали ученым занятиям.

Переписчики занимали низшую ступеньку в иерархии учености. Их считали поденщиками, которые из-за своей беспечности вынуждены работать за гроши. Платили за такой кропотливый труд совсем немного — по дирхему за страницу. Изготовление рукописных копий называли «злосчастливым ремеслом», жаловались, что это жалкое и проклятое занятие, которое не дает «ни куска хлеба для жизни, ни савана для смерти». Отчаявшиеся копиисты мечтали, что избавятся от этой каторги хотя бы в раю, где им больше не придется переписывать ни строчки.

Переписчики иногда превращались в книгопродавцев — таких называли варраками (от *варрак* — лист). Они держали лавки с канцелярскими товарами и одновременно торговали копиями книг, которые сами же снимали с хранившихся у них оригиналов. На базарах существовали целые ряды варраков, где можно было купить практически любую книгу. Здесь собирались поэты, любители словесности и библиофилы, желавшие приобрести какой-нибудь редкий экземпляр. Варраки, в свою очередь, старались раздобыть необычные раритеты, свежие новинки или книги с автографами знаменитостей.

Иногда переписчик, продавец рукописей и даже сочинитель мог сочетаться в одном лице. Филолог ас-Сиджистани не только изучал книги, но и сам продавал их на базаре. Некоторые торговцы работали агентами знатных и богатых лиц, странствуя по городам и собирая книжные коллекции для своих клиентов. Другие просто разъезжали по стране со своим бумажным товаром, предлагая его ценителям и знатокам. Таких людей называли *даллалами*, одним из них был знаменитый географ Йакут аль-Хамави.

В доисламские времена арабы передавали свои знания устно, полагаясь только на собственную память. После появления

письменности эта традиция не исчезла и обрела новое дыхание в хафизах — хранителях, «людях, знающих наизусть». Хафизы продолжали носить знания в своей памяти, но запоминали не древние поэмы и устные сказания, а опубликованные книги. Это были «ходячие библиотеки», помнившие множество разных трудов и текстов, как религиозных, так и светских. Человек, знавший книги наизусть, пользовался уважением в обществе и почитался так же, как ученый: считалось, что тот, кто запомнил книгу, овладел и ее смыслом.

Библиофилы и библиотеки

Книги был недешевым удовольствием. Особенно ценные экземпляры стоили очень дорого — до 10 тысяч дирхемов (столько заплатили за знаменитую «Книгу песен» аль-Исфахани). Крупные библиотеки уходили за астрономические суммы — 500 тысяч дирхемов и выше. Коллекцию кордовского судьи Ибн Футайса, помешанного на книгах и покупавшего все, что имело хоть какую-то известность, продали за 40 тысяч золотых динаров. Существовали целые семьи библиофилов: например, трое сыновей Ибн Шакира, которые, как писал историк, «до крайности были одержимы желанием приобретать книги по наукам древних, расточали ради этого все милости и преодолевали любые трудности».

Количество книг в библиотеках было так велико, что их измеряли верблюжьими вьюками. Например, халиф аль-Мустансир передал в основанную им библиотеку в Багдаде 160 верблюжьих вьюков книг (около 80 тысяч томов). В это время крупнейшие библиотеки Европы содержали в лучшем случае несколько сотен томов.

Кроме Багдада, знаменитые библиотеки существовали в Дамаске, Халебе, Каире, Кордове, Бухаре, Нишапуре, Мерве, Рее и многих других городах. Часто они погибали при пожарах или во время нашествий. Некоторые из них потом восстанавливали, другие исчезали навсегда. Сеть более мелких библиотек покрывала практически весь мусульманский мир. Книжная культура была распространена повсеместно, везде находились свои знатоки и любители, собиратели, меценаты, авторы и переписчики.

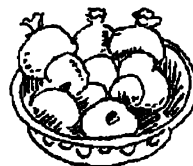
Как выглядела книга

В халифате встречались уникальные книги, создававшиеся как произведения искусства. Например, послание к кордовскому халифу было написано золотом на небесно-голубой коже и убрано в роскошный футляр из чеканного серебра, украшенный портретом из цветного стекла и завернутый в драгоценную парчу.

Но большинство арабских книг выглядело скромно. Обычно листы рукописи заключали в неброский кожаный переплет с картонной крышкой, украшенной геометрическим орнаментом и круглым или миндалевидным медальоном в центре. Первую страницу книги или раздела украшали декоративной заставкой *унваном* в форме расписанного красками купола, а заголовки выделяли крупными буквами. На этом все украшения заканчивались: дальше шла только белая бумага и простой прямоугольник текста, иногда заключенный в рамку. В книге не было абзацев, заглавных букв, красных строк и даже знаков препинания; только в конце главы или большого куска текста ставили звездочки, кружочки, треугольники или сердечки, выведенные цветной краской или золотом. Номеров страниц тоже не было: арабы считали не страницы и не листы, а *куррасы* — блоки по 10 или 12 листов.

Самой красивой частью книги считалось само письмо: ему уделялось все внимание, в него вкладывалась вся тонкость и вся сила книжного искусства. Арабская вязь, писавшаяся справа налево или сверху вниз, была красива и сама по себе, а усыпанная множеством диакритических точек, надстрочных и подстрочных знаков, которые громоздились в несколько ярусов вместе с витиеватыми хвостиками связывающих буквы окончаний, она напоминала сложную и изысканную вышивку на восточном ковре. Правда, чаще всего все знаки, уточнявшие значение слов, просто опускались, поэтому текст становился многозначным и расплывчатым, допуская множество разных толкований. Филологи утверждают, что арабская книга содержит только 75 процентов смысла, а остальное додумывает читатель.

Мастера каллиграфии доводили красоту букв до совершенства, по-своему расставляя точки, меняя толщину букв, ширину строки и пр. Существовала официальная номенклатура почерков, принятая у чиновников. Самым популярным был почерк *наسخ*, которым переписывались суры из Корана. Появление нового

красивого почерка воспринималось как важное событие, а его авторы превращались в знаменитостей.

Не меньшее, если не большее значение имел инструмент, которым писался текст. Это был калам — тростниковая палочка, очищенная от коры и раздвоенная на одном конце. Мусульмане называли его «вторым языком»; считалось, что калам — одна из первых вещей, созданных Аллахом. Каллиграфы придавали своему каламу не меньше значения, чем японские самураи — боевому мечу. Изготовление калама требовало особого искусства: правильного выбора тростника, мастерства очинки, умения должным образом расщепить кончик палочки и отшлифовать ее поверхность. Каждый уважающий себя писец делал калам сам, сохраняя в секрете свои приемы. «Люди пера», чиновники и ученые, почти не расставались с каламом, таская его с собой вместе с чернильницей в особом футляре — каламдане.

Книги арабов делались из бумаги, что в то время было новостью. Как известно, секрет ее изготовления арабы переняли у китайцев. После этого бумага еще лет двести производилась только в Самарканде, и лишь к X веку бумажные фабрики появились в Сирии, а еще позже — в Египте и Испании. По китайскому рецепту бумагу делали из льняного и конопляного тряпья, смешивая его с известью и размалывая на мельнице или в ступе. В получившуюся массу добавляли крахмал и образовавшееся тягучее сырье вычерпывали сетчатыми рамами, расстилая тонкими слоями для сушки. Потом высохшие листы снова смешивали с крахмалом и глянцевавали, делая их тонкими и безупречно гладкими. Так получалась бумага, на которой написаны почти все известные нам книги мусульманских авторов до XV века.

Чернила для книг делали из чернильного ореха и сажки, смешанных с яичным белком, камедью, медом, сахаром, индиго, хной и другими ингредиентами. Потом их ароматизировали мускусом, розовой водой и шафраном.

Книг в империи ислама насчитывались миллионы. Сейчас в мире известно около шестисот тысяч арабских рукописных книг, включающих больше ста тысяч произведений.

Школа и учеба

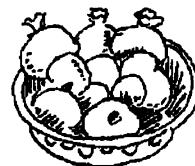
В первое время в халифате не было учебных заведений. Исключения составляли начальные школы, где детей учили читать

и писать по-арабски. При Аббасидах в мечетях появились религиозные кружки, в которых преподавали богословие: Коран, хадисы, калам (дисциплина, толкующая догматы ислама) и мусульманское право — фикх. Но чаще всего школьная программа сводилась к заучиванию наизусть Корана.

Чтобы получить светские знания, арабам приходилось обращаться к частным учителям. Процесс обучения состоял в переписывании или заучивании одного или нескольких трудов. Ученик должен был знать книгу досконально, чтобы получить право передавать ее другим — *иджазу*. Чем известней был учитель, тем авторитетней была выданная им *иджаза*. Передавались права не только на отдельные книги, но и на собрания сочинений одного автора и даже на целые библиотеки. Обычно студенты не довольствовались одной *иджазой*, а старались получить их как можно больше, обращаясь к другим учителям, насколько позволяли средства и в зависимости от своих амбиций. Несколько *иджаз* служили хорошей рекомендацией для поступления на службу и начала новой карьеры. Переходя от одного учителя к другому, ученик собирал их целую коллекцию, в которой множество разных традиций переплетались в один уникальный узор, обозначавший его личный путь к знанию. Со временем возник особый литературный жанр: *иджазы* выпускались отдельными книгами, на которые находились свои ценители и знатоки.

Бакалавр. По-арабски право передачи знаний от учителя звучало как «би-хакк ал-ривайа», отсюда появилось слово бакалавр.

Частное обучение велось на улицах, базарах и в частных домах, но прежде всего — в мечетях. Во время уроков учитель сидел в мечети спиной к колонне, а ученики собирались вокруг него полукругом. Если учеников собиралось много, специальный помощник передавал слова преподавателя тем, кто сидел далеко и не мог его слышать. Некоторые учителя преподавали у одной и той же колонны лет по пятьдесят и больше.

Занятия состояли в основном из записывания под диктовку, хотя иногда допускались вопросы и дискуссии. Сохранилась забавная зарисовка того времени, когда преподаватель, наслушавшись бестолковых вопросов учеников, убегает из мечети, подхватив свои сандалии и восклицая: «Откуда нагнали ко мне

этих скотов?» Посреди занятий кто-нибудь мог подойти и бросить в круг записку с просьбой помолиться за страждущего или больного: тогда учитель подбирал записку и читал молитву, а слушатели хором подхватывали: «Велик Аллах...» Если учитель умирал, ученики в знак горя разбивали свои чернильницы, ломали каламы и бродили, стеная, по городу. Но известны и такие случаи, когда недовольные слушатели забрасывали учителя чернильницами (такой участи подвергся, например, историк ат-Табари).

Арабы начинали учиться в разном возрасте, обычно с одиннадцати лет, но некоторые учителя допускали к занятиям только тех, у кого уже росла борода. Рассказывали, что одному ученику, чтобы приходиться на уроки, приходилось наклеивать фальшивую бороду.

За преподавание брали деньги, но не всегда, поскольку обучать Корану и хадисам бесплатно считалось благочестивым делом. Такие учителя-бессребреники подрабатывали на жизнь переписыванием или торговали на базаре. Некоторые соглашались принимать от учеников только еду.

К учителям в целом относились пренебрежительно, существовала даже поговорка: «Глуп, как школьный учитель». Считалось, что в школьные учителя идут только из трусости перед военной стезей. Больше получали и имели лучшую репутацию домашние преподаватели у вельмож и богачей.

В XI веке, при Сельджуках, появились государственные школы с официальным «сертифицированным» преподавателем — медресе. Слово *медресе* буквально значит «место для учения». Эти заведения представляли собой не столько школы, сколько библиотеки с помещениями для работы, дискуссий и учебы. Учащиеся жили здесь в отдельных кельях, а в аудитории ходили слушать лекции. В состав медресе чаще всего входила мечеть.

Самые ранние медресе возникли на Востоке: в Бухаре, Газне, Нишапуре, — и только потом в Багдаде. Но именно багдадское медресе ан-Низамия (названное так в честь сельджукского вазира Низам аль-Мулька) стало образцом для всех последующих. В одном из его зданий располагался знаменитый «Дом мудрости», где хранились библиотеки многих халифов и ученых, в том числе самого Низам аль-Мулька и ат-Табари.

В отличие от христианской Европы, в исламских государствах царил почти полная грамотность.

Глава 3. Как они жили

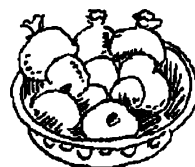
Город и деревня

Новые урбанисты

В эпоху великих завоеваний арабы избегали селиться в городах. Захватив очередную метрополию, они тут же покидали и устраивались жить в военных лагерях, разбитых прямо посреди пустыни. Городская среда казалась кочевникам чужой, а слишком мягкий и комфортный быт угрожал их военной дисциплине. К тому же они не стремились смешиваться с местным населением, от которого, с их точки зрения, требовались только послушание и дань.

Однако не прошло и ста лет, как арабы превратились в нацию закоренелых горожан. Во времена первых Аббасидов в халифате уже кипел строительный бум. С помощью византийских и персидских архитекторов арабы возводили великолепные здания, по размерам и качеству не уступавшие константинопольским. Неутомимым строителем был халиф аль-Мутаваккиль. Историки подсчитали, что за время своего царствования он построил 22 дворца, потратив на них больше 200 миллионов дирхемов. При этом аль-Мутаваккиль не ограничился отдельными домами и основал новый грандиозный город, где один только халифский дворец тянулся вдоль реки на целый километр. «Теперь я знаю, что я царь, — говорил он, — потому что построил город, в котором могу жить». В самом деле, халиф не был бы халифом, если бы не возводил для себя новую столицу, а то и две: этим занимались все правители из Аббасидов — по крайней мере, те, кому для этого хватало времени и средств. К сожалению, большинство их построек были недолговечны: как только халиф умирал, его дворцы оказывались никому не нужны. Их сносили, а кирпичи использовали для постройки новых зданий.

Арабский город быстро стал сосредоточием всей мусульманской жизни. Кажется, что именно в городе арабы нашли самих себя, свой излюбленный образ жизни, больше всего подходивший их склонностям и вкусам. Здесь обосновались правитель, двор, министерства, войска, богатые землевладельцы, купцы и все, что составляло религию и культуру. Крестьяне и бедуины

устремлялись в города в поисках заработков и лучшей жизни. В городах жила шестая часть населения и почти все грамотные жители страны.

Город арабов не был чем-то единым: он состоял из районов и кварталов, часто почти не сообщавшихся друг с другом. Каждый район был обнесен стеной и имел запиравшиеся на ночь ворота. В Багдаде, например, имелось семь изолированных районов, каждый со своими воротами и стеной. Чужих здесь видеть не хотели, а к соседям относились враждебно. Районы делились по клановым, ремесленным, религиозным признакам: были шиитские и суннитские кварталы, ювелирные, гончарные, хорасанские и т. д.

Некоторые арабские города достигали огромных размеров. В Басре и Куфе было больше ста тысяч жителей, в Дамаске и Багдаде — несколько сотен тысяч. В одном только дворцовом квартале Багдада обитало больше десяти тысяч человек: рабы, прислуга, охрана, гарем, придворные поэты, музыканты, предсказатели. Дворцы вазиров были меньшего размера, но и их населяла многочисленная челядь. Кроме того, в городе размещался военный гарнизон, включавший до 30 тысяч солдат, еще около 10 тысяч составляла городская полиция, пешая и конная. Полицейские патрули были важной частью городской жизни: они поддерживали на улицах строгий порядок, обходя их по ночам от заката до первой утренней молитвы.

Базар

В мусульманском городе крайняя роскошь часто сочеталась с нищетой. В бедняцких районах стояли неприглядные одноэтажные дома из дешевого илового кирпича. Немощенные улицы, даже главные, были грязными и пыльными. Вся красота, все богатство, весь блеск культуры сосредоточивались в центре города. Главной притягательной точкой здесь был базар — сук, который иногда занимал половину городской площади. Рядом находились мечеть, администрация, полиция, товарные склады. В других районах города и у въездных ворот устраивали базары помельче; там тоже имелись свои склады, рынки и караван-сарай для купцов и иностранцев. В Дамаске насчитывали 40 суков, а в Багдаде их было еще больше.

Арабский базар и тогда, и сегодня — это просторная площадь, обрамленная открытой колоннадой и множеством лаво-

чек. Торговые места на рынке располагались по определенной иерархии. Самый центр занимали наиболее почетные товары: ткани, ювелирные изделия, специи, — все, что везли издалека. Среди продавцов тканей было много богословов, философов, юристов — это считалось уважаемым занятием для самых благородных людей. Не меньшим уважением пользовались ювелиры. Тут же сидели профессиональные оценщики и менялы. Ближе к окраинам торговали зерном, овощами, фруктами, сладостями и посудой.

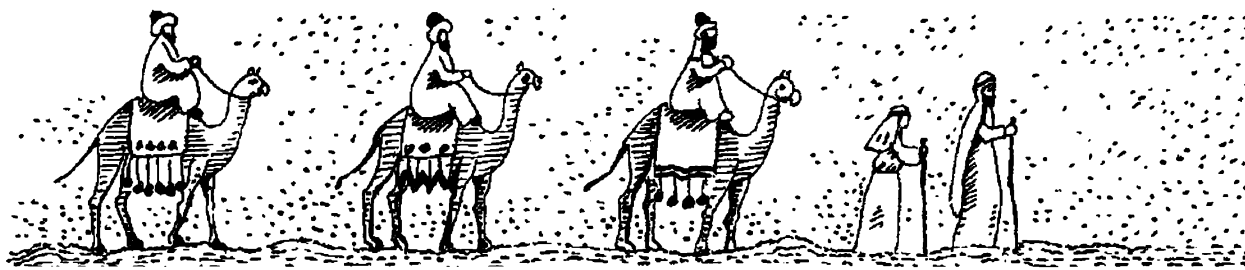
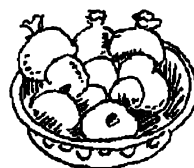
На базаре с утра до ночи стояли гвалт и суета. Торговцы не сидели внутри лавочек, а выставляли свой товар на улицу, ближе к покупателю. Продавцы беседовали между собой и клиентами, обсуждали новости, обменивались сплетнями и заключали сделки. Еще больше шума добавляли бродячие рассказчики и уличные музыканты. Популярные проповедники собирали толпы народа, не только проповедуя и толкуя Коран, но и развлекая публику. Здесь же выступали чтецы Корана.

На городском рынке можно было найти товары со всех концов халифата: благовония из Персии, бахрейнский жемчуг, египетские ткани, серебро из Сирии, алмазы с Цейлона. Из Судана везли золото, слоновую кость и черных рабов, из Северной Африки — хрусталь, из Средней Азии — рубины, из страны славян — меха и белокожих рабов.

Купцы как воины ислама

До Аббасидов арабы были в основном воинами. Халиф Омар говорил, что ни один мусульманин не должен быть торговцем: болтовня на базарах отвлекает от ислама. Мусульманин — это солдат Аллаха, в его руках меч, рубящий головы неверных и принуждающий их платить дань. Все, что нужно арабу, это война и военные трофеи, которые обеспечат его всем необходимым.

Но когда мир был завоеван и появилась потребность в роскоши, вся энергия арабов ушла в торговлю. Ислам прямо указывал на то, что, помимо почитания Аллаха, главная обязанность любого мусульманина — приобретение. Пророк Мухаммед говорил: «Приобретение — религиозная обязанность каждого мусульманина». Ему приписывают и другие слова: «Базары — накрытые столы Всевышнего, кто приходит туда, тот получает свою долю». Честная торговля — вот настоящий подвиг мусульманина,

которого шайтан соблазняет обмануть покупателя и нажать богатство неправедным путем. Торговля часто ставилась выше воинской службы. Один из основателей мусульманского права аш-Шайбани, ссылаясь на того же Омара, писал: «Омар ибн аль-Хаттаб, да будет доволен им Аллах, считал степень райского вознаграждения за приобретение выше вознаграждения за джихад и говорил: “Умереть в седле своего верблюда во время поездки для приобретения щедрот Аллаха мне милее, чем быть убитым в войне за веру”». Любой мусульманин должен был сам обеспечить себя достаточными средствами, а не надеяться на помощь свыше. Халиф Омар не стеснялся торговать на базаре тканями и призывал других: «Пусть никто из вас не отказывается от добывания хлеба насущного и не просит: Господи, подай мне! — знайте, что небо не прольет вам дождь золота и серебра». При этом аш-Шайбани клеймил «невежд из числа аскетов и дураков из числа суфиев», которые считали, что лучше всего на свете бедность.

Аль-Джахиз написал в IX веке специальный труд: «Похвала купцам и осуждение службы у султана», где превозносил купеческую жизнь. Торговцы сидят в своих лавках как цари на тронах, им не приходится унижаться и молить о благосклонности правителей. Они хорошо образованы, их торговля идет у всех на глазах и им нечего стыдиться. Среди них много ученых, богословов, правоведов. А служащие вынуждены унижаться и льстить, плести интриги, делать темные дела и жить не по средствам.

Ему вторил философ аль-Газали, который говорил, что гораздо благочестивей зарабатывать на жизнь честной торговлей, чем служить неправедным правителям, которые богатеют за счет грабежа. Особенную антипатию у него вызывали военные, на бесчинства которых он насмотрелся в своей жизни. Он видел в них не бойцов за веру, а притеснителей, грабителей, силой отбирающих у людей то, что нажито добросовестным трудом.

Торговые пути

Как ни странно, о купцах в халифате известно не так уж много, хотя они играли огромную роль в экономике. Верхние ступеньки в обществе занимали чиновники и военные, частично — религиозные авторитеты. Именно о них рассказывают арабские и му-

сульманские историки, а не о скромных купцах, соединявших, словно кровеносные сосуды, все части империи.

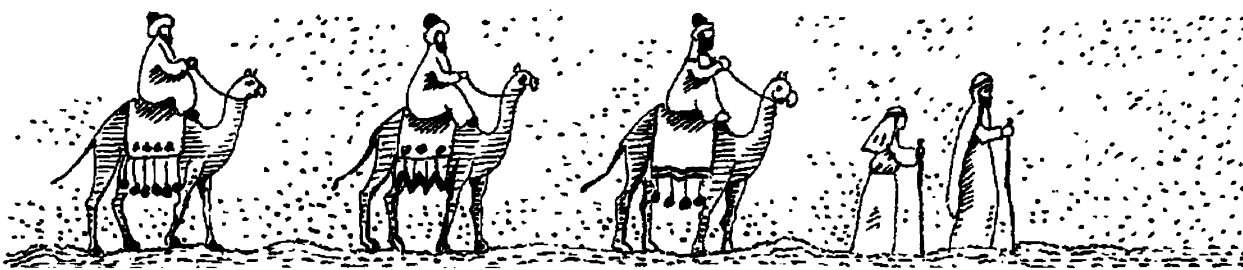
Если где и говорилось о купцах, то в многочисленных сказках. Здесь купцы — люди предприимчивые и не боящиеся риска, путешествовавшие по дальним странам и видевшие много необыкновенных вещей, — часто становились главными героями. Они были самыми подходящими персонажами для рассказов о невероятных чудесах, как, например, в знаменитом цикле о Синдбаде-мореходе.

Между тем торговые пути, словно крепкая сеть, опутывали весь халифат от Испании и Марокко до Индии и Дальнего Востока. Торговлей в стране занимались все: арабы, евреи, христиане, персы. Еврейские купцы держали монополию на товарный оборот с Европой через Константинополь и Египет. Персы и арабы отправляли караваны сухопутными маршрутами на север и восток: в Византию (с которой они и воевали, и торговали одновременно), к хазарам, тюркам, русам и через Среднюю Азию по Великому шелковому пути в Китай.

Морская торговля в это время достигла своего расцвета. Военные успехи арабов на море были очень велики. Уже в 649 году, буквально через несколько лет после появления ислама, они захватили Кипр, затем Родос и Мальту, Сицилию и Крит. К X веку арабам принадлежало все Средиземноморье, кроме северного побережья, но и оно постоянно подвергалось нападениям. Король франков Карл Великий называл Средиземное море «сарацинским».

Так же свободно арабы чувствовали себя в Восточной Африке, где плавали на юг вплоть до Могадисио и Занзибара. На востоке они доходили до Малайзии, Китая и Суматры. На западе была попытка отплыть из Лисабона в Атлантический океан, но моряки вернулись с полпути, испугавшись «темного моря», которое, по представлениям арабов, окаймляло вселенную.

Морские грузы перевозились тяжелыми торговыми судами — куркурами, которые сопровождали военные галеры. Само слово «галера» происходит от арабского *гураб* (воин): так называли быстроходный боевой корабль, который во время штиля мог идти на 180 веслах, а при ветре — на прямых и косых парусах, придававших судну хорошую маневренность. Морская наука арабов превосходила европейскую, и неудивительно, что многие ее термины перешли в европейские языки. Баржа получила

название от пиратского судна *бариджа*, фелюга — от легкого корабля *харрака*, арсенал — от *дар-ас-сына*, то есть «дом ремесла» (так называли арабские верфи). От арабов заимствованы такие слова, как «адмирал», «кабель», «муссон» и многие другие.

Ремесленники

Ремесленники по положению стояли намного ниже торговцев. Из арабской литературы мы очень мало знаем о купцах, но еще меньше — о ремесленниках. Их считали малообразованными, недалекими, грубыми людьми. Они сами продавали на рынках свой товар и работали в одиночку или семейными артелями, создавая *синфы* — что-то вроде цеховых союзов. Ремесла обычно были наследственными и переходили из поколения в поколение в неизменном виде, не меняясь на протяжении столетий. Если ты родился в семье башмачника, тебе не оставалось ничего другого, как стать башмачником.

Ремесленные кварталы располагались в наименее престижных местах, подальше от базарной площади. Земля в центре города стоила немислимо дорого, и многим даже самое дешевое жилье в доходных домах было не по карману. Поэтому ремесленники жили в хижинах и шалашах за границей города, иногда при мечетях и банях или в развалинах брошенных домов, а утром приходили торговать на базар.

Города и области огромного халифата специализировались по изделиям и материалам: тканям, металлу, керамике, дереву, коже. В Сирии, например, делали дамасскую сталь, из которой ковали не только мечи, шлемы, кольчуги и щиты, но и изготавливали посуду — блюда, кувшины, чаши. В Фарсе процветала парфюмерия: благовония, мыло, духи (точнее, цветочные эссенции), разнообразные масла. Персидская провинция Сабур была знаменита производством ароматического масла: из фиалок, лилий, лотоса, нарциссов, белого жасмина, мирта, майорана, карликовой пальмы и померанцевой корки. В Куфе готовили гвоздичное и фиалковое масло, которое ценилось еще выше персидского.

Арабские ткани в то время считались лучшими в мире, особенно те, что производили в Персии и Северном Египте. Египет и Фарс славились льном, Исфахан, Шираз и Рей — шелком и шерстяными тканями и коврами, хлопчатобумажные ткани

делали в Мерве, Кабуле, Нишапуре. В Европе до сих пор пользуются арабскими названиями многих тканей.

Большинство ремесел находилось под контролем государства. Только государство могло производить оружие и корабли, добывать золото и чеканить золотую монету (или разрешало делать это под строгим надзором).

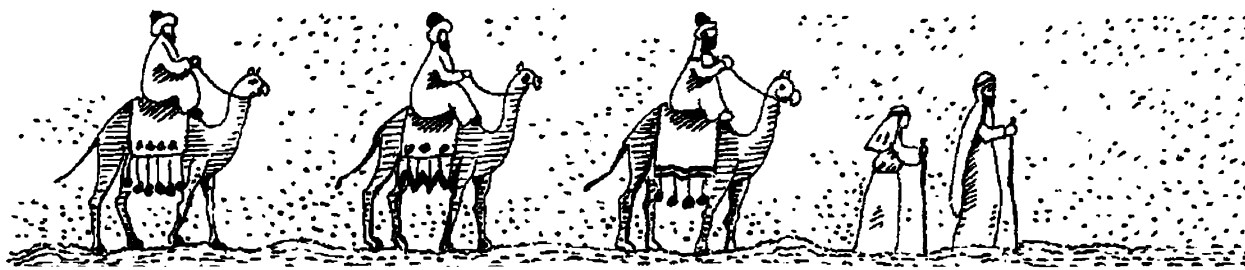
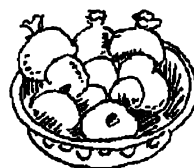
Сельское хозяйство

Науку земледелия мусульмане унаследовали от персов, которые хорошо разбирались в почвах, удобрениях, прививках и сортах растений. С древних времен они умело пользовались севооборотом, чередуя зерновые культуры с бобовыми, а культивируемые земли — с паром. Сочетая их познания с щедростью и разнообразием природы — а халифат включал в себя несколько часовых и климатических поясов, — арабы выращивали неисчислимое множество сельскохозяйственных культур, изобилию которых можно позавидовать и сегодня.

На первом месте всегда стоял хлеб, от которого зависело не только благосостояние, но часто и жизнь багдадских подданных. Посевную начинали весной, перепашивая землю плугом с тягловым скотом — буйволами или быками — и засевая поле пшеницей или ячменем (рожь и овес считались сорняком). Собранное зерно мололи на мельницах, которые располагались недалеко от базаров, чтобы можно было быстрее доставить муку. Поскольку все сельское хозяйство было ориентировано на воду, мельницы тоже были в основном водяными, а не ветряными. В Басре попадались особые хитроумные мельницы, вращавшиеся за счет приливов и отливов.

Хороший хлеб пекли из пшеницы, похуже — из проса и ячменя. Была и еще более дешевая мука для бедных — из каштанов и бобов.

Огороды, как и в наши дни, перекапывали лопатами. На грядках сажали овощи и зелень (огурцы, тыкву, баклажан, морковь, перец, спаржу, лук, латук, чеснок) и особенно много бобовых: фасоль, чечевицу, горох, вику, люцерну, клевер, нут. Процветало садоводство. Популярны были персики, абрикосы, айва, яблоки, виноград, груши разных сортов, гранаты, фиги, дыни, арбузы. А еще — слива, барбарис, кизил, черешня, мушмула. В восточных районах халифата выращивали хлопок, на запа-

де — лен, повсеместно — сахарный тростник, свеклу, сафлор, имбирь, цикорий, коноплю, опиный мак. Из древесины в ход шли кипарис, ива, кедр и дуб. Индия поставляла ценные породы дерева: индийский тик, пинию, сосну.

Удачное сочетание климатических условий делало некоторые районы особенно привлекательными для возделывания отдельных культур. Так, хорасанская область Тарик считалась идеальным местом для финиковых пальм и померанцев, а апельсины здесь росли в такой изобилии, что их продавали по триста и четыреста штук за один дирхем. Бадгис славился своими фисташками, Арраджан — льном, Сармак — сушеными грушами, Мерв — изюмом. Жители халифата хорошо знали, где растут самые лучшие оливки и откуда везут самую вкусную айву.

Через Среднюю Азию из Китая в халифат проникло шелководство — если раньше здесь делали шелк из привозного сырца, то теперь разводили самих шелковичных червей. В халифате были знамениты местные сорта шелка: гулянский, ганджинский, амульский, шекинский, за которыми приезжали купцы из Флоренции и Генуи. Шелководство получило такое распространение, что в некоторых районах даже пенсии солдатам выдавались шелком-сырцом.

Арабы разводили кошениль, из которой получали «царскую» пурпурную краску для окрашивания шелка — кармин. Самым лучшим кармином считался армянский. Много красок получали из растений: синий цвет давало индийское индиго, желтый — шафран, красный — марена. Из листьев сухой хенны (хны) делали оранжевый порошок, которым красили тело, волосы и ногти.

Все арабское земледелие было основано на искусственном орошении. Поэтому в сельском хозяйстве халифата большое внимание уделялось воде и ее распределению через каналы, колодцы, плотины или шлюзы.

Проще всего было отводить воду из рек с помощью каналов. Если поля находились выше уровня реки, их поливали с помощью водяных мельниц — водоподъемных колес, черпавших воду прикрепленными к ним ведрами. В других случаях делали плотину, которая поднимала уровень реки и создавала озеро, откуда вода распределялась по оросительным каналам.

Вода для орошения бралась не только из рек, но и из родников, колодцев и подземных каналов — каризов, соединявших место потребления с водоносным слоем. Многие местности были

сплошь изрыты каризами, тянувшимися на десятки километров. В одном только Хорасане их насчитывалось больше сорока тысяч. О таинственных каризах ходили легенды, говорили, что в них есть бездонные колодцы.

В засушливых странах посевы страдали не только от засухи — их заносило песком, который ветер гнал из глубины пустыни. Иногда песком засыпало целые деревни. Приходилось окружать поля и сады защитными валами и стенами. В качестве оград использовали посадки тamarиска — он хорошо удерживал движущиеся пески.

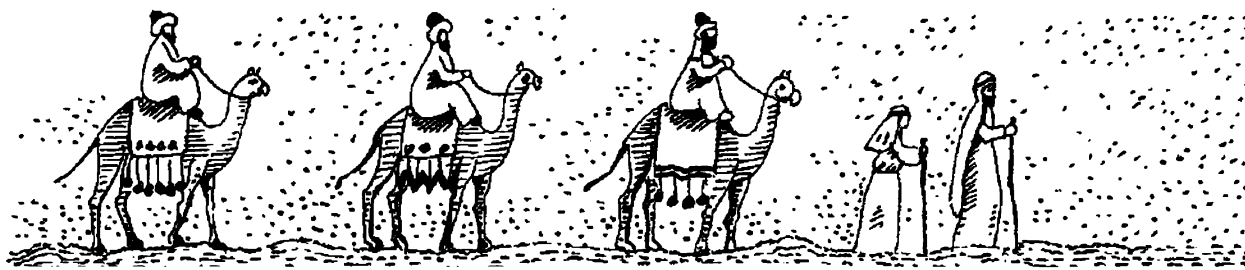
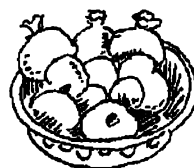
Национальный вопрос

Ислам появился как национальная религия арабов. Аравийским кочевникам очень нравилось, что посланник Бога — араб, данный им как избранному народу.

Долгое время ислам и национализм арабов шли рука об руку. Прежде чем вторгнуться в чужое государство, мусульмане предлагали на выбор: или принять ислам и стать равными с ними; или подчиниться им и платить дань, сохранив свою веру. В раннем халифате считалось, что принявший ислам сам становится арабом (как принявший иудаизм — евреем). Новый мусульманин входил в какой-нибудь родовой клан как мавлá, то есть клиент.

Но этот мусульманский интернационал декларировался больше на словах. На практике арабы никогда не упускали случая подчеркнуть свое превосходство. По мнению арабов, выше всех шли они сами, потом персы, а потом — все остальные. К мавлá, принявшим веру инородцам, относились пренебрежительно или с откровенным презрением. С мавлá не заключали браки, их всегда сажали на последнем месте. Арабы говорили: «Только три вещи могут испортить молитву — осел, собака и мавлá». Над персами, не умевшими произносить арабские слова, которыми был написан Коран, потешались.

То же самое относилось к людям другой расы. Во время завоевания Египта византийцы удивлялись, видя среди арабов чернокожих, а те с гордостью отвечали, что у них нет предрассудков насчет цвета кожи: все они братья по исламу. Действительно, чернокожий мог достичь даже высшей власти: абиссинский евнух Кафур при Фатимидах правил Египтом.

Но «на бытовом уровне» у арабов существовало предубеждение против черных. Черный цвет ассоциировался с чем-то дурным, темным, злым. Еще в домусульманской Аравии поэт Антара противопоставлял светлокожих воинов своего племени — «чистых, сияющих белизной» — их смуглым врагам «с лицами, черными, как закопченные бока котлов». Черный для араба — это раб, а властелину больше пристала белизна. Большинство аббасидских халифов действительно были белокожи, поскольку их матерями были наложницы византийки и славянки.

При случае раздраженный араб вполне мог указать на характерную негроидную внешность суданца или абиссинца, обозвав его «губастым». Того же Кафура поэт аль-Мутанабби называл «жалким евнухом, губы которого занимают половину тела». «В 1001 ночи» неверная жена изменяет герою не с кем-нибудь, а с чернокожим, верхняя губа которого как одеяло, а нижняя губа — как башмак, свисающий чуть не до земли.

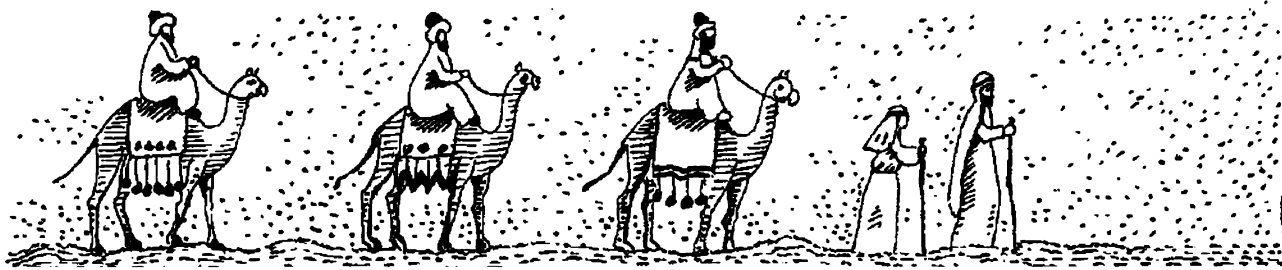
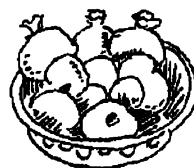
В халифате был широко распространен и «местный патриотизм». Жители часто и с азартом спорили, чья страна или чей город лучше. Куфийцы утверждали, что их вода из Евфрата гораздо чище и полезней басрийской воды из Тигра: дескать, вода в Басре такая грязная, что от нее дохнут кони, и в ней нельзя помыться, не смазав кожу жиром. Басрийцы молчали про воду, зато упрекали куфийцев в жадности, вероломстве и неверности. И те, и другие терпеть не могли Египет, ругая его за нильских крокодилов, из-за которых страшно подойти к реке: на воду Нила, писал поэт, можно смотреть только в собственном кувшине.

Рабы

Работорговля в халифате была одним из самых доходных ремесел. Невольничий рынок в крупном городе представлял собой целый квартал с улицами и домами, где торговцы жили вместе со своим товаром. Рабов везли со всех концов мира: из Магриба, Занзибара, Индии, Европы, Византии, Средней Азии. Цены на них были разными: черные рабы, которых доставляли из Нубии и Судана, ценились ниже белых (самая дорогая нубийка стоила 300 динаров, а обычная белая рабыня — от 1000 динаров), славяне из Восточной Европы — выше тюрков. Дороже всех продавались певицы и танцовщицы: вазир Ибн Раик купил певицу за 14 тысяч динаров.

Для хорошего раба продажа на рынке считалась позором: таких продавали прямо в доме хозяев или через крупных посредников. Репутация работорговцев была крайне низкой, их считали обманщиками и пройдохами. Особенно часто обманывали при продаже женщин. Покупатели жаловались, что тощих выдают за пышнобедрых, а пузатых — за стройных, могли даже подсунуть вместо девушки мальчика. «Они подкрашивают голубые глаза под черные, румянят желтые щеки, делают сухие лица жирными, удаляют растительность со щек, превращают пегие волосы в черные как смоль, прямые волосы делают вьющимися, худые руки — полными, выводят оспенные рубцы, бородавки, пятна на коже и чесоточные струпья». Сами торговцы живым товаром говорили: четверть дирхема на хну делает девушку на сто дирхемов дороже. Все было продумано до тонкостей: белых рабынь облачали в темные и розовые одежды, а чернокожих — в ярко-красные, «подражая природе, которая при сочетании цветов действует контрастами». Со стариками и робкими людьми девушкам рекомендовали быть ласковыми и податливыми; с юношами, наоборот, гордыми и неприступными, дабы возбудить их страсть.

Опытные люди давали советы, как следует выбирать рабов и особенно рабынь по их происхождению. Утверждалось, например, что невольницы из Медины сочетают кокетливость с прелестью тела, приятной речью и живостью ума. Девушки из Таифа были стройны, легкомысленны, склонны к играм и шуткам, но считалось, что они «не склонны к зачатию и умирают в родах». Негритянки отличались небрежностью, потными подмышками и шершавой кожей, но прекрасно танцевали («если негр падает с неба на землю, то даже падает он в такт», — писал арабский автор). Гречанки румяные, голубоглазые, уступчивые, дружелюбные и верные — на них можно положиться. Абиссинки чахоточны, но надежны и сильны характером, у женщин из Синда — тонкие талии и длинные волосы, индианки послушны и хорошо вынашивают детей, но быстро увядают и т. п. Кто-то жаловался, что у девочек из Буджа обрезание делают настолько грубо, что выступает наружу кость, поэтому их надо покупать совсем маленькими. Особенно ценились берберки, которые не только без проблем рожали, но и беспрекословно слушались хозяев и были искусны во всякой работе. Идеал рабыни выглядел так: берберка, которую в детстве вывезли в Мекку, потом вос-

питывали в Медине и Вавилонии и, наконец, обучили изящным искусствам. Это был своего рода выносливый дичок, на который привили более нежные и культурные сорта.

В халифате в отношении к рабам, особенно мусульманам, официально исповедовалась гуманность. Ислам запрещал бить рабов. «Все верующие — братья», — сказано в Коране. Ходила поговорка: «Будь другом своему рабу и рабом своему другу». В похвалу человеку говорили: «Он никогда не бил раба».

Любовь к рабыне или рабу была не редкостью, и не только плотская. Поэт Саид аль-Халиди прославил своего раба-управляющего в стихах:

Он не раб, а дитя, которым Аллах меня одарил.
 На щеках его розы и анемоны, яблоки и гранаты.
 Изящен, весел, остроумен, неподражаем —
 прекрасный драгоценный камень, лучи которого искрятся.
 Он хранитель всех драгоценностей в моем доме и верный страж:
 у меня никогда ничего не пропадет.
 Он выдает деньги, но протестует, когда я транжирую,
 и всегда придерживается золотой середины.
 Он знает искусство поэзии, как я, но стремится познать его еще лучше.
 Он так заботится о моих книгах, что все они в прекрасном виде;
 Он так складывает мои одежды, что все они как новые.
 Среди всех людей он больше всех сведущ в приготовлении пищи.
 Когда я улыбаюсь — он сияет, когда я недоволен — он трепещет.

Освобождение рабов было обычным делом. Рабы могли выкупаться на свободу в рассрочку, каждый день выдавая хозяину часть заработанных денег. Многих рабов освобождали по завещанию. Ребенок, родившийся от свободного и рабыни, считался свободным, а его мать становилась свободной после смерти хозяина. Бывший раб мог возвыситься и стать наместником провинции и даже халифом. Многие багдадские халифы родились от невольниц и были смешанного происхождения — сыновьями персидских, тюркских, африканских рабынь.

При этом сам институт рабства в исламе никогда не подвергался ни сомнению, ни осуждению, а хозяева часто нещадно эксплуатировали невольников и подвергали их жестоким наказаниям. Иногда жизнь рабов становилась настолько невыносимой, что они поднимали массовые кровавые бунты, вроде восстания зинджей.

Радости жизни

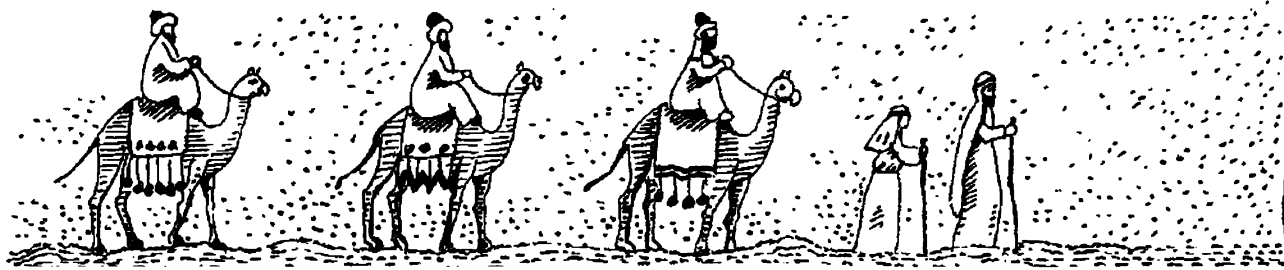
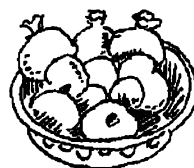
Еда

Жизнь богатых мусульман в халифате коротко можно описать тремя словами: гедонизм, эстетизм и благочестие. Читая биографии иных багдадских правителей, можно подумать, что они приходили к власти только затем, чтобы как можно больше наслаждаться жизнью. Когда однажды халифу аль-Мансуру приготовили особенно вкусное блюдо из мозга и сахара, он просто-душно воскликнул: вот каких удовольствий хотел лишить меня Ибрахим (лидер шиитов, пытавшийся свергнуть его с трона)!

Удовольствия и роскошь были главными приманками, которыми притягивали к себе власть и двор. Халиф аль-Махди однажды пригласил к себе богослова Шарика аль-Кади, не любившего придворной жизни, и предложил ему сделать выбор: стать судьей, учителем его сына или один раз с ним отобедать. Тот выбрал обед как самое легкое, но за едой ему подали мозг с медом и леденцами, и Шарик испытал такое наслаждение, что не смог покинуть двор и в конце концов стал и судьей, и учителем, и сотрапезником халифа.

Еда была одним из главных наслаждений арабской жизни. В исторических записках халифы и их окружение подробно обсуждают особенности приготовления еды, считая это не менее важным и серьезным делом, чем занятия поэзией, географией или медициной. Широкое хождение имели книги по кулинарии, по большей части написанные в стихах. Такие выдающиеся люди, как поэт Ибрахим ибн аль-Махди и историк Сули, составляли подробные описания разных блюд и гастрономических рецептов.

Главную роль в рационе арабов играли хлеб, мясо и молоко. В багдадских домах тысячами солили бараньи и бычьи головы, ели ягнятину, кур и битую дичь. Любили дорогую рыбу, которую привозили издалека: осетров из озера Ван (Персия), тунцов из Средиземного моря. Среди блюд популярны были тушеные овощи с мясом. На столы состоятельных людей подавали гусятину с горохом, горячую морковь в масле, рыбу и репу в уксусе, жареную козлятину с мятой и тархуном, куропаток, «тардины» (пирожки с мясом и другими начинками) и т. д. В блюда до-

бавляли тархун, тимьян и чеснок, каперсы, майоран и гвоздику, зерна граната и проч.

Трапезы при дворе могли продолжаться по несколько часов. Когда халиф аль-Кахир начал экономить, он ограничил обед двенадцатью переменами блюд. При других халифах такие перемены насчитывались десятками: аль-Масуди пишет, что одних только сладких было тридцать.

Арабы были страшными сладкоежками. Сахар они извлекали из тростника и свеклы: именно арабы заразили любовью к сахару европейцев, заново привив им утраченный после римлян вкус к сахарной свекле. Сладости готовили в основном из сушеных фруктов, меда и орехов, однако сладкие блюда могли делать из чего угодно, включая овощи и мясо. Таким был, например, сикбадж: цыпленок в винном уксусе с луком, медом и морковью. Знали багдадцы и мороженое: кололи заготовленный в подвалах лед и подавали его с фруктами.

Финики в Багдад везли караванами из персидского Кермана. Лучший виноград привозили из Южной Аравии. Свежие дыни доставляли в свинцовых ящиках, наполненных льдом, а спелые яблоки — упакованными в мех. Из дынь столичные жители больше всего ценили исфаханские с зеленой кожей и красной мякотью, настолько сладкой, что ее нельзя было есть, не запивая водой. Знатоки уверяли, что с исфаханскими дынями можно сравнить только бухарские и хорезмские, а вот абрикосы и айву из Исфахана нельзя сравнить ни с чем. Лучшим инжиром считался аль-вазири (то есть из аль-Вазирии). Говорили, что у него самая тонкая кожица, зернышки самые мелкие, а мякоть — самая сладкая и нежная. Впрочем, богачи инжир презирали, как и арбузы и гранаты, поскольку они были слишком дешевы и их ело только простонародье.

Краткий гастрономический словарь

Арузза — рис с сахаром.

Джузаба — пшеница, протертая с рисом и сахаром, в толченом шафране и курином жире. «Бледная, как влюбленная, — писал о ней поэт, — дрожащая, и круги на ней от дуновения пробующего».

Катаиф — сладкий пирожок; таким, по одной из версий, отравился халиф аль-Махди.

Лаузиндж — сладкий пирожок в миндальной глазури. Поэт ар-Руми писал о лаузиндже, что тот «мог бы воспарить на гору, несомый своим ароматом».

Мадира — вареное мясо в специях, которое заливают кислым молоком и подают холодным. «Сладостная она, странная и удивительная для людей», — сообщал один из кулинаров. Однажды мадиру на ониксовом подносе во время поста принесли сподвижнику пророка Абу Хурайру, и, как пишет аль-Масуди, «одолела страсть к еде его намерение поститься. Увидел он в поедании мадиры счастье и поспешил к ней».

Расиа — кислое молоко со сладостями.

Фалузандж — сладость из крахмала с сахаром.

Хабиса — варенье из фиников и сливок. Ар-Руми говорил, что «цветом и ценой она подобна золотому динару».

Хариса — блюдо из мяса и толченого зерна. Харису подавали в апреле, когда еще не готовили жаркое из баранины и козлятины. В ней «соединилось мясо ягнят и птиц».

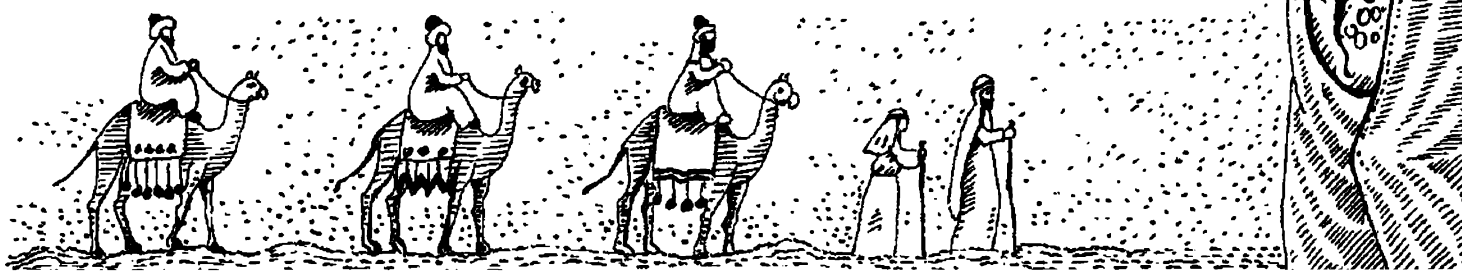
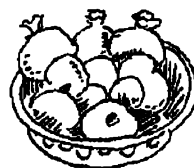
Вино

Вино в халифате было единственным напитком, если не считать воды. Воду со льдом пили только в жару, приправляя ее медом, лимоном, апельсином или лепестками роз. Чай, кофе и более крепкий алкоголь появились у арабов гораздо позже.

Запрет на вино, наложенный пророком Мухаммедом, часто обходился. Халиф аль-Мансур был одним из немногих багдадских правителей, который никогда не употреблял вина. Летописец с юмором рассказывал, как его врач и сотрапезник, христианин Бухтишу, любивший выпить, за трапезой халифа был вынужден довольствоваться простой водой из Тигра и расхваливать ее на все лады, уверяя, что она ничуть не хуже любого вина.

Другой халиф, аль-Мамун, осуждал не само винопитие, а тех, кто пьет вино из изюма, используя это как уловку (считалось, что пророком запрещено только виноградное, а не изюмное вино). По этому поводу он написал четверостишие:

Пью я вино и говорю, что оно запретно,
Полагаясь на прощение Аллаха.
А любитель изюма пьет вино и говорит, что оно дозволено.
Для негодья это двойное преступление.

Про халифа аль-Васика говорили, что он так переживал из-за смерти дочери, что «даже не пил вина». Халиф аль-Кахир запретил подданным пить вино, хотя сам каждый день бывал пьян. Халиф ар-Ради дал обет не пить вина, но продержался только два года: факихи избавили его от обета в обмен на щедрые пожертвования.

Повелителям, как всегда, подражали их чиновники. По свидетельству историка ас-Саалиби, в доме вазира аль-Мухаллаби дважды в неделю собирались судейские чиновники, среди которых был главный кади Багдада Ибн Маруф, «все, убеленные сединами, длиннобородые, как и сам вазир. Когда веселье достигало высшей точки, каждый получал золотой кубок, наполненный кутраббульским или укбарским вином, окунал в него свою бороду и друзья брызгали вином друг в друга. И все они плясали, нарядившись в пестрые платья, с венками из цветов на голове».

Близкое соседство с христианами давало арабам удобную возможность пить вино, не занимаясь его производством. Христианские лавки и монастыри были популярным местом для праздников и попоек. В трактирах багдадцам прислуживали девушки-христианки, на груди которых, как писал поэт, «красовались кресты, словно гвоздики без стебля». Богослов Ибн аль-Халладж как-то прямо сказал: когда я вижу вино, то превращаюсь в христианина.

Вино превозносили сверх всякой меры. Говорили, что в нем смешаны все четыре стихии: сладость воды, нежность воздуха, жар огня и холод земли. По светоносности его сравнивали с солнцем, луной, звездами, огнем и драгоценными камнями. Вино, восхищался поэт, так чисто и прозрачно, что «сквозь него увидишь даже самую дальнюю соринку».

Абу Нувас сравнивал вино с утром посреди ночи. Однажды в гостях поэт проснулся от яркого света и подумал, что взошло солнце. Но его спутник покачал головой: «Нет тут никакого солнца, кроме вина, просто я открыл кувшин, видишь?» — с этими словами он закрыл кувшин, и все погасло.

Пить вдвоем или тем более в одиночестве было не принято — для пирушки собирались компанией в три—пять человек. Пол усыпали цветами, на головы надевали венки, бросали друг в друга цветами, сыпали шутками и анекдотами. А где вино, там беседа, пение и танцы.

Четвертая чаша. Халиф Аль-Махди во время охоты проголодался и заглянул в шатер бедуина. Тот принял его за обычного гостя и угостил чашкой вина. Халиф спросил: «Знаешь, кто я такой? Слуга при дворе халифа!» Бедуин кивнул и угостил его снова. Аль-Махди снова спросил: «Знаешь, кто я такой? Военачальник халифа!» Бедуин выразил ему свое почтение и угостил третьей чашей. «Знаешь, кто я такой? — продолжал халиф. — Повелитель правоверных!» Бедуин покачал головой и завязал бурдюк: «Больше не дам тебе ни капли, а то ты скажешь, что ты сам пророк, посланник Аллаха». Вскоре прибыла многочисленная свита, и оказалось, что его гость — действительно халиф. Бедуин покачал головой и промолвил: «Что ж, признаю, ты сказал правду. Но, думаю, даже если бы ты выпил четвертую и пятую, то все равно как-нибудь бы выкрутился». После этого халиф смеялся так, что «чуть не упал с лошади», и назначил бедуину содержание, устроив его при своем дворе.

Беседа, пение и танцы

Беседу ценили даже те, кто уже во всем разочаровался. Разговор сравнивали с дорогой, которая разветвляется во все стороны и при этом всегда нова. Многие считали, что общение с умным собеседником, обогащающим тебя знанием и улаждающим изящной речью, — лучшее из наслаждений. Халиф Абу-ль-Аббас, проводивший ночи напролет в застольях, говорил: лучше беседовать с мужами, чем идти к женщине, слушать глупости и говорить пустяки.

Не менее высоко арабы ценили музыку. Арабская поговорка гласила: нет ничего лучше для печали, чем музыка и вино. Пение очищает ум, смягчает нрав, веселит душу, вселяет храбрость в сердце и делает щедрым скупца.

Первым мусульманским музыкантом считался Ибн Мисджах, сын рабыни и африканца: по легенде, его научили играть на лютне персидские рабочие, строившие дворец Муавии в Мекке. Два его ученика, Ибн Мухриз и Ибн Сурайдж, тоже были персами. Да и позже среди известных музыкантов и певцов редко встречались арабы: в основном это были персы, греки или африканцы, чаще всего из рабов.

Исполнителей в мусульманских странах тщательно отделяли от слушателей. Музыканты выступали перед халифом, сидев-

шим за занавеской вместе со своими друзьями, а иногда и женами (женщин нельзя было видеть чужим). Иногда устраивалось что-то вроде семейных музыкальных вечеров, где по очереди играли и пели братья и сестры халифа и их близкие родственники. Певица Хариб описала одни из таких вечеров в компании Ибрахима аль-Махди, его брата Йакуба и сестры Улайи, уверяя, что «никогда прежде не слышала ничего, подобного их пению, и никогда больше не услышу».

Самым распространенным музыкальным инструментом был уд, или аль-юд (отсюда появилась европейская лютня), на котором играют и сейчас. Созданный в VIII веке легендарным лютнистом Зальзалем, придворным музыкантом ар-Рашида, арабский уд имел тело резонатора в виде груши или яйца и четыре разноцветные струны. Все вместе это походило на раздутую рыбу шаббут, поэтому лютню тоже называли аль-шаббут. Считалось, что каждая из струн имеет свой характер: желтая выражает желчность, красная — живость и энергию, белая — созерцательность, черная — меланхолию. Еще один струнным инструментом был тунбур с маленьким корпусом в виде обтянутого кожей барабана и длинным грифом, на котором крепились две или три струны. Из смычковых широко известен ребаб, прототип скрипки, из духовых — мимзар, по-персидски най: трубка из ствола камыша с восемью отверстиями. Роль ударных играли барабаны и тамбурины (табл и дуфф).

Больше других славились такие исполнители, как Ибрахим аль-Мосули и его сын Исхак, ибн Джами, Ибрахим ибн аль-Махди (сын халифа аль-Махди). Биографии некоторых из них хорошо известны. Аль-Мосули из семьи знатных, но обедневших персов, вел разгульную жизнь, пьянствовал, благодаря своему таланту сказочно разбогател, однако спустил почти все свое состояние. Мужчин сводили с ума женщины-певицы, пленявшие не только голосом, но и красотой.

Поскольку у арабов не было нотной записи, почти вся музыка того времени не сохранилась. В X веке аль-Исфакани собрал оставшиеся крупинки в «Книге песен», но большая часть мелодий была утеряна.

О танцовщицах в халифате мало что известно. Согласно шариату, танец женщины допускался только перед своим мужем, да и то без музыки и в отсутствии детей. С точки зрения ислама смотреть на танцовщиц — такой же грех, как пить вино. Прак-

тически все танцовщицы были рабынями и, кроме танца, оказывали интимные услуги. В самом благопристойном варианте они играли роль *альмей* — гаремной прислуги, развлекавшей танцами не мужчин, а женщин. Статус арабских танцовщиц был примерно такой же, как у гетер в Афинах и у гейш в Японии: на грани, а чаще далеко за гранью приличного общества.

О том, что именно и как танцевали, известно мало. Вероятней всего, это были традиционные на Востоке ритмично-однообразные движения тела, плавные покачивания бедер и плеч и «говорящие жесты», до сих пор популярные в Индии. Современный «беллидэнс» — танец живота, позаимствованный в XIX веке у египетских цыганок газави (по совместительству уличных проституток), — имеет мало общего с классическим арабским танцем.

Женщины и любовь

В исламе женщины — не совсем полноценные существа, «половина мужчины», как гласил хасид пророка. В Коране и хадисах они часто выступают как сварливые жены, вечно ссорящиеся и ругающие мужей. Пророк Мухаммед не раз указывал на то, что гурии в раю никогда не придираются к мужьям, в отличие от земных жен. Этим неуживчивым и крикливым особам ислам противопоставлял мусульманский женский идеал — «благочестивую жену», всегда покладистую, скромную, не перечашую мужу и не ссорящуюся с другими женами. Пророк говорил, что благочестивая супруга стоит больше целого мира и всего, что есть в нем. Уже из этого можно заключить, насколько редко встречались такие жены.

Совсем другое отношение к женщине было в арабской культуре. Арабы видели в женской красоте сладчайший дар жизни, неотразимо притягательный, но полный опасности и скрытого коварства. Вероломство женщины, ее тайная власть над мужчиной — излюбленная тема многих арабских сказок, стихов, прозаических историй и философских наставлений. Мудрецы говорили, что Сократ, увидев на дереве повесившуюся женщину, якобы воскликнул: «О, если бы все деревья могли приносить такие плоды!» Другой философ упрекал человека, обучавшего девушку грамоте: не заостряй оружие, направленное против тебя!

Порочные, соблазняющие и норовящие изменить, способные причинять мужчине боль, заставляя его страдать и сводить с ума, женщины становятся причиной неисчислимых бед. Никакая сила, никакое могущество не может устоять перед женским очарованием и хитростью. Взгляд красавицы побеждает целые армии, любовь — это проклятие и судьба, от которой нет никакой защиты.

Зато и блаженство, даруемое женщиной, ни с чем не сравнимо. Арабы были очень чувствительны к женской красоте и чрезвычайно влюбчивы. Сам пророк среди своих любимых вещей называл благовония и женщин. Араб мог без ума влюбиться в красивую служанку, которая отказывалась с ним общаться, или в невольницу, которую он не мог купить, потому что за нее дорого просили. Вельможи сохли по певицам, тратили на них состояния, и все относились к этому с пониманием и сочувствием. Один араб влюбился даже в отпечаток руки, оставленный женщиной на стене.

В поэзии культ любви достигал своего пика. Стихотворные сборники тех лет пестрят заявлениями: «Если ты не любил и не знал страсти, то ты — один из камней пустыни». «Все люди — влюбленные создания! Пропавший тот, кто не любил и не был любим». «Не быть любимым — значит быть ослом!» Поэт Джамиль дошел до того, что объявил всех умерших от любви шахидами. Удивительно, но примерно такого же мнения придерживался сам пророк, сделав, впрочем, упор на целомудрии: «Кто влюбится и умрет, сохранив себя от греха прелюбодеяния, приравнивается к шахиду».

Для арабов женщина была как бы существом иной природы, чуждой и загадочной. Мусульмане всерьез задавались вопросом, могут ли женщины получать удовольствие во время плотской любви, а если могут — дозволено ли им кричать от наслаждения? С другой стороны, на войне женщины считались такой же законной добычей и трофеем, как любая другая собственность, захваченная у врага. В этом арабы недалеко ушли от античного Ахилла с его Брисеидой. После штурма города женщин наряду с золотом и тканями распределяли в соответствии с их достоинствами между воинами, начиная со старших военачальников и кончая рядовыми.

Девушка в розовом. Силу женщин порой использовали как оружие. Халиф аль-Махди подозревал своего вазира Йакуба ибн Дауда в связях с враждебными шиитами. Чтобы выяснить,

так ли это, он прибег к помощи женщины. Однажды он пригласил Йакуба в прекрасную комнату, где все было розовым: ковры, шелк на стенах, мягкие подушки, даже цветы яблонь и персиков в саду. В комнате сидела молодая рабыня необыкновенной красоты, тоже одетая в розовое. Халиф спросил вазира, нравится ли ему все это, и когда тот ответил восторженной похвалой, заявил, что дарит ему все это, в том числе и девушку, чтобы «удовольствие было полным». Приняв дар халифа, вазир поселился в розовой комнате. Его удовольствие действительно было настолько полным, что он никуда из нее не выходил, наслаждаясь роскошью обстановки и любовью рабыни. Девушка присутствовала при всех его разговорах с гостями и посетителями (разумеется, сидя за занавеской), а потом докладывала о них халифу. Вскоре вазир был арестован за измену и вышел из тюрьмы только дряхлым стариком.

Любовь к мальчикам в халифате была распространена не меньше, если не больше, чем в Греции и Древнем Риме. В арабской любовной лирике об однополой любви пишут так же охотно, как о двуполой. Репутацию какого-нибудь авторитетного факиха вроде ан-Нафтавайхи ничуть не портил роман с сыном школьного учителя. Рассказывали трогательные истории о безответной любви уважаемых людей к прекрасным юношам, вроде воздыханий грамматика Ибн Кулайба по прекрасному, но жестокому Асламу, который не навестил его даже перед смертью, или о безумной страсти торговца Сада к юному христианину Исе, затворившемуся в монастыре (после чего Сад сошел с ума, сжег свой дом и умер от горя). В Басре некий торговец жареным рисом воспевал однополую любовь, и перед его лавкой всегда толпились любопытные слушатели, а местные юноши гордились, когда он упоминал их в своих стихах. В любой багдадской таверне вместе с ночевкой предлагали девушку или мальчика, и стоило это всего два дирхема. Мальчики для утех должны были выглядеть изящно, вести себя манерно и приятно шепелявить.

В халифате благополучно существовала проституция. Любой религии, если она хочет быть массовой, приходится мириться с человеческими слабостями. Несмотря на то что ислам строго запрещал проституцию, в некоторых мусульманских городах имелись официальные публичные дома, а гостей в знатных до-

мах развлекали гетеры, оказывавшие свои услуги и днем, и ночью (ночью стоило дешевле).

Евнухи в халифате были так же распространены, как в Византии. В Коране прямо запрещалось кастрировать людей и животных, поэтому мусульмане предпочитали евнухов покупать. Кастрация была тяжелой и болезненной операцией, многие умирали, поэтому евнухи стоили дорого, в три-четыре раза дороже обычного раба. Евнухи служили не только в гареме, среди них были знаменитые правители и военачальники, такие как Мунис или адмирал Салим. Считалось, что характер евнухов похож на женский: они так же неуравновешенны, плаксивы, болтливы и склонны к сплетням.

Одежда

В халифате знали толк в одежде и ценили хороший наряд. Традиционная одежда арабов была многослойной: чем богаче костюм, тем больше в нем слоев. Бедняки ходили в одних штанах и подпоясанной рубаше, а богатые люди надевали поверх штанов две тонких рубашки из дорогой тустарийской ткани и накидывали на них еще халат — *риду*. Позже вместо риды появился длинный кафтан *гунбаз*, доходивший почти до земли.

Мужская одежда почти всегда была белой — носить пестрое и цветное долгое время считалось неприличным. В черном ходили только проповедники, военные и чиновники. У придворных имелось что-то вроде униформы: секретари носили длинную рубашку с вырезом — *дурра*, богословы набрасывали накидку *тайласан* (от *тюрк. талу сан* — «особая честь»), военные надевали короткую куртку *кааба* черного цвета. Женщинам позволялось носить белыми только шальвары (точнее, *сирваль* — персидскую одежду, заимствованную арабами), остальное должно было быть цветным, но не крашеным, а натуральным. Крашенная одежда полагалась только рабыням, певичкам или простонародью. В трауре обычно надевали голубое.

На голове носили традиционный головной убор — повязку или платок. В персидском варианте ее называли тюрбаном, в тюркском — чалмой. Существовали десятки способов обматывать чалму вокруг головы, но в любом случае это делалось «чистой», то есть правой рукой и всегда справа налево. Куски ткани для чалмы были длинными, и ими приходилось обматы-

вать голову по сорок и больше раз. Говорили, что чалма должна быть достаточно большой, чтобы после смерти послужить мусульманину в качестве савана. По сложности и причудливости фасона и по значению, которую придавали ей арабы, чалму можно сравнить с римской тогой.

Многие халифы вносили свою лепту в создание новых покроев одежды или деталей туалета. Так, после Харуна ар-Рашида появилась мода на высокие шапки-колпаки, которые укреплялись изнутри каркасом из деревянных реек, а аль-Мустаин увеличил ширину рукавов и уменьшил высоту шапок. Аль-Мутааз первым начал ходить в украшениях из золота (а не из серебра), аль-Мутаваккиль ввел моду носить одежды из пестрой ткани.

Появление шальвар и моды «под мальчиков» связывают с Зубейдой, женой Харуна ар-Рашида. Увлечение ее сына аль-Амин юношами вызывало нарекания благочестивых мусульман, и Зубейда попыталась излечить его от этой склонности, введя новую моду на «девушек-пажей»: они одевались и стриглись как юноши, чтобы понравиться аль-Амину и отучить его от однополрой любви.

Мода распространялась не только на одежду, но и на прически: багдадские щеголи начесывали волосы на висках вперед или изгибали их в виде жала скорпиона. Вместо карманов арабам служили широкие рукава или туфли, куда клали все — от кошельков до книг. Во время дождя горожане накидывали непромокаемые плащи-дождевики из клеенчатой китайской ткани.

Со временем одежда мусульман стала все больше зависеть от тюрков. Появились тюркская чалма (сувлук), турецкие шапки и фески, рубахи с вырезом на груди, черные короткие куртки (капа).

Эстеты

Специфичная восточная эстетика пронизывала все стороны мусульманской жизни, от кухонной утвари до манеры говорить. Цветастым речам соответствовали пестрые платья и рубахи, а витиеватым выражениям — инкрустация на посуде и орнамент на стене. Особый вкус яркой арабской речи можно уловить в белых диалогах, которые мелькают на страницах исторических хроник. «Мы поставим челки наших коней с челками ваших

коней», — говорили бедуины, предлагая друг другу примириться. «Горе тебе, принеси мне еще вина!» — обращался халиф к своему виночерпию, когда был чем-то недоволен. В знак благодарности арабы произносили: «Да буду я за тебя выкупом перед Аллахом», — а вместо ругательств восклицали: «Да обезобразит тебя Аллах, да не будет у тебя матери, да будут ваши лица ужасны в день Суда!» Один и тот же декоративно-красочный стиль узнается и в сложных арабесках иранских ковров, и в шитых золотом бархатных подушках из Стамбула, и в каирских мозаичных столиках для фруктов. Гармония вещей, среды и человека рождалась сама собой, определяясь общим духом времени и национальным характером и вкусом.

Свою страсть все расцвечивать и украшать арабы с особой силой утоляли в драгоценностях, которыми они покрывали все подряд: одежду, оружие, посуду, конскую сбрую и каждую часть тела, вплоть до пальцев на ногах. Правитель не был правителем, если не собирал большую коллекцию редких самоцветов и ювелирных изделий. В сокровищницах вельмож и богачей хранили все известные виды благородных камней. Драгоценности были в таком избытке, что далеко не все из них считались заслуживавшими внимания. Например, рубинов в первые века ислама было так много, что их не рассматривали как драгоценные камни и пускали на поделку огромных чаш или столешниц. При добыче оникса и лазурита брали только камни с «рисунком», а остальные выбрасывали. Исключение делали для особо ценного сорта оникса — бакарани, который ценился наравне с персидскими сапфирами и крупным жемчугом — «уйгуном».

Коллекция Юсуфа. Ат-Танухи в «Занимательных историях» (X век) рассказывает о коллекции редкостей и сокровищ, которую правитель Омана Юсуф ибн Ваджих держал в своем ларце: «Сначала он осмотрел печать на ларце, потом открыл его ключом и вытащил палочку, на которую было нанизано примерно пятьсот колец с рубинами, бирюзой и сердоликом — подобных мне никогда не доводилось видеть. При этом он сказал: “Это безделица, не обращайтесь на них внимания”. Мы так и сделали. Потом он вынул ожерелье из девяноста трех драгоценных камней, каждый величиной с яйцо змеи или воробья. Мы подивились их размерам. Потом он вынул бриллиантовый перстень с печаткой и, одев его на палец, поднес

к сердоликовой печатке, которая была на пальце Ибн Мактума. Бриллиант притянул сердолик, как железный магнит, и печатка Ибн Мактума разлетелась на кусочки. Потом он достал из ларца что-то завернутое в тонкий платок. Он развернул его — в платке лежал кусок хлопка. И тут он извлек из него какой-то предмет, который ослепил нас своим сиянием и наполнил комнату светом, так что все мы были поражены. Юсуф передал этот предмет Ибн Мактуму, чтобы тот осмотрел его. Мы все осмотрели его и обнаружили, что это был красный рубин величиной с кисть руки, как в длину, так и в ширину. Мы были поражены, а Юсуф ибн Ваджих спросил: “Ну, как это по сравнению с драгоценностью, которую ты описал, Ибн Мактум?” Ибн Мактум был потрясен. Мы все рассматривали эту “руку” и не могли на нее наглядеться».

Эстетизация повседневности и быта у арабов проникала повсюду, не обходя и правил поведения за столом. Основу светского этикета при дворе составляла утонченность, доходившая до манерности. Аристократы и люди изысканные старались избегать фруктов с косточками: фиников, винограда, персиков, — чтобы не приходилось их прилюдно выплевывать. К фруктам подавали золотые ножи для чистки, а обрезки бросали в стеклянные тазы. Мыть руки выходили в другую комнату: это считалось интимным делом, на которое лучше не смотреть другим. Ковырять в зубах зубочисткой прилюдно тоже не позволялось. «Люди знатные пренебрегают кишками, — писалось в арабской книге о хорошем тоне, — сухожилиями или жилами, почками, желудками, хрящами, брюшиной, изрезанными на куски и накрошенными, а также и суповой зеленью. Они не хлебают суп, не выискивают мозг, не наполняют руки жиром, не употребляют много соли, что у них считается самым неприличным, и не плещутся в уксусе. Они не пачкают жиром лежащую перед ними хлебную лепешку, не тянутся со своего места, не облизывают пальцы, не набивают полный рот, не берут в рот такие большие куски, что губы становятся жирными, не засовывают в рот два куска разной еды и не едят соленой закуски. Последнее считается у них позором; разве только изящные певицы и изысканные дамы иногда доставляют себе удовольствие поесть соленого на дому у своего любовника и пококотничать пренебрежительным отношением к еде и общепринятым кушаньям».

Некоторые манеры арабов сегодня кажутся довольно странными. Историк рассказывает, что, когда сидевшему на троне Осману передали предсказание, что он будет убит, халиф стал кусать свой веер, потом упал на спину, схватился за пятку и стал ее тереть: так он выражал свое смятение.

Благочестие

Обратной стороной гедонизма было благочестие. Чем больше арабы наслаждались жизнью, тем острее их мучила мысль, что все это только временные радости, за которыми неизбежно идут смерть и Страшный суд. Халиф аль-Мансур, сидя за пиршественным столом, как-то воскликнул: «Как был бы прекрасен этот мир, если бы не смерть!» Вазир ар-Раби на это возразил: «Как раз благодаря смерти он и прекрасен: не было бы смерти, не сидел бы ты на этом месте». Но это остроумное рассуждение вряд ли могло утешить халифа, осознавшего, как краток его век.

Чувство тщетности существования — как предвестие близкого конца — часто охватывало правителей перед самой смертью. Халиф аль-Махди однажды утром проснулся в слезах. Во сне ему явился некий муж и прочел стихи: вижу, величайший из людей лежит в могиле, и не осталось от него ничего, кроме упоминаний, и его дворцы и сады опустели, а его жены плачут о нем. Прошло десять дней, и аль-Махди умер.

Ат-Табари рассказывает: «Как-то раз к халифу ар-Рашиду пришел известный ученый Ибн ас-Саммак, которого называли “господином увещателей”. Хаджиб аль-Фадл ибн ар-Раби доложил об этом халифу, и тот велел впустить шейха. Халиф попросил его: “Дай мне наставление”. Ибн ас-Саммак сказал: “О повелитель правоверных, бойся только Аллаха, у Которого нет сотоварищей, и знай, что ты обязательно предстанешь перед Аллахом, твоим Господом, а потом отправишься либо в рай, либо в ад, и третьего не дано”. Харун ар-Рашид заплакал, и его борода промокла от слез. Хаджиб повернулся к Ибн ас-Саммаку и сказал: “Пречист Аллах! Неужели кто-то может усомниться в том, что повелитель правоверных с позволения Аллаха попадет в рай, ведь он выполняет свой долг перед Аллахом, справедлив с Его рабами и великодушен”. Шейх не придал значения его словам и даже не посмотрел в его сторону. Он обратился к халифу и сказал: “О повелитель правоверных, клянусь Аллахом, этого человека не будет

рядом с тобой в тот день. Побойся Аллаха и позаботься о себе”. Харун плакал так, что присутствовавшие на том собрании стали жалеть его, а хаджиб не проронил больше ни слова».

После таких проповедей даже самые легкомысленные люди начинали задумываться о душе. Халифы приближали к себе набожных людей и окружали себя богословами, отказывались от удовольствий, давали обеты и предавались посту. Иногда такие приступы покаяния проходили быстро, а иногда затягивались на месяцы и даже годы.

Кроме личного, существовало и официальное, показное благочестие, которое требовалось от халифов — «заместителей Аллаха» — по долгу службы. Правители всегда с подчеркнутым уважением относились к авторитетным улемам и факихам, цитировали хадисы и Коран, вершили справедливый суд и произносили проповеди. Каждая из пяти молитв отмечалась при багдадском дворе барабанным боем, звуком труб и грохотом литавр. Пренебрежение религиозным этикетом могло стоить халифу репутации, а порой и власти.

Среди особо ревностных верующих был распространен аскетизм. Некоторые давали обет никогда не выходить из дома, кроме посещения мечети в пятницу. Другие никогда не ложились в постель. Третьи никогда не поднимали головы, питались одной лепешкой в день и спали в кровати, утыканной острым железом, не ходили в баню и не брили головы. В старости многие удалялись от мира, бросали все свои прежние занятия и предавались покаянию и молитвам. Было принято перед смертью раздавать свое имущество беднякам и отпускать на волю рабов.

Так же ярко вера в Аллаха выражала себя через хадж. Паломничество в Мекку было опасным занятием, нередко приводившим к смерти. Хадж считался подвигом. В биографиях XI века часто встречается сообщение: умер во время хаджа. Путь паломников проходил через пустыню, которая кишела разбойниками и еретиками и где можно было умереть от жажды. В 1012 году бедуины лишили воды паломников, возвращавшихся домой через пустыню, спустив все расположенные по пути водоемы и забросав колодцы ядовитыми колючками. Тысячи человек погибли, другим пришлось пойти в рабство к бедуинам, чтобы выжить. Главарей этих бедуинов потом поймали, привязали к столбам и несколько дней кормили соленой пищей, пока они не умерли от жажды.

Несмотря на все эти трудности, набожные мусульмане накладывали на себя дополнительные обеты: идти только пешком, произносить у каждого путевого столба по две молитвы или, как суфии, не брать с собой ни денег, ни вещей.

С другой стороны, многие пытались облегчить или обойти тяготы паломничества тем или иным способом. Кто-то нанимал вместо себя паломника за деньги. Или же вместо Каабы посещали более близкие святыни, которые ценились меньше: например, десять хаджей в Ниневию равнялись одному хаджу в Мекку. Халиф аль-Мутаваккиль даже устроил в своей столице копию Каабы, чтобы местные жители могли совершать хадж, не отправляясь в Мекку.

Как и в христианстве, в исламе находились свои критики паломничества. Суфии призывали искать Бога в своей душе, а не в Каабе. Ученый и поэт аль-Худжвиври говорил: главное, быть с Аллахом, а в Мекке или у себя дома — неважно. Другой суфий сказал: лучше заботиться о своей матери, чем совершить хадж в Мекку.

Особенно высоко почиталась священная война за веру — джихад. Если ты сам не участвовал в джихаде, то мог способствовать ему своими средствами или трудами. Для воинов, идущих в поход против византийцев или тюрок, собирались огромные пожертвования, состоятельные люди держали для них постоянные дворы и снабжали их фуражом.

С благоговейным трепетом арабы относились к реликвиям. Один арабский шейх отдал все свое состояние за два волоса пророка. Халиф аль-Мамун рассказывал, что к нему часто приходили какие-то люди с куском дерева или доской и уверяли, что к ним прикасался посланник Аллаха, а он «из чистого почтения и любви к пророку» покупал их за 1000 динаров. Почитались плащ, посох, кубок, миска, шило пророка и особенно сандалии, каждая из которых, как считалось, обладала чудесным свойством защищать от всех несчастий. Изображение сандалии пророка часто использовали как оберег.

Среди наиболее почитаемых реликвий были пять первых Коранов, написанных при халифе Османе. Они хранились в мечетях Мисры, Куфы, Дамаска, Багдада и Кордовы. Самый ценный из них, кордовский Коран, содержал четыре листа из личного экземпляра самого Османа, который тот во время гибели обогрил своей кровью.

Глава 4. Дух и буква ислама

Основы веры

Свидетельство веры (шахада)

Первым в списке «пяти столпов» мусульманской веры стоит имя Мухаммеда. «Суть ислама, — говорится в одном из хадисов, — заключается в том, чтобы ты засвидетельствовал, что нет Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — посланник Аллаха, совершал молитвы, давал закят, соблюдал пост во время Рамадана и совершил хадж к Дому, если сумеешь сделать это». Мухаммед был послан к людям как последний пророк — «печать пророков», чтобы дать последнее и окончательное знание о Боге. Мусульмане говорили, что Моисей был справедлив, Иисус — милостив, а Мухаммед — и то, и другое, он полнота всего. Пророк — единственный, кто занимает у Аллаха положение «Василя», то есть человека, который имеет право заступничества за всех верных в Судный день.

Поэтому первый столп ислама — это шахада, краткое свидетельство веры, где говорится не только о Боге, но и о пророке: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его». Достаточно по-арабски произнести эту формулу при свидетелях и «с искренностью в сердце», чтобы стать полноправным мусульманином и встать на путь спасения своей души. Сам пророк засвидетельствовал это в хадисе: «Если раб встретит Аллаха, имея эти два свидетельства и не сомневаясь в их истинности, то войдет в рай».

Молитва (салат, на персидском — намаз)

После свидетельства веры самым важным действием мусульманина является салат, или намаз: пять ежедневных молитв, которые совершаются утром (*фаджр*), после полудня (*зухр*), вечером (*аср*), после заката (*магриб*) и ночью (*иша*). Согласно одному из хадисов, перед смертью пророк без конца повторял: намаз, намаз и еще раз намаз!

Намаз — первое деяние, по которому мусульманина будут судить в Судный день. В хадисах говорится: «Намаз — самое благое из ваших дел»; «Ключ от рая — намаз, а ключ к намазу —

чистота». Так же, как омовение, намаз стирает грехи, совершенные между молитвами. О пяти ежедневных молитвах пророк говорил: «Если по пять раз в день купаться в реке, останется ли на тебе грязь»? Невозможно перечислить все благие последствия намаза. Он закаляет волю, укрепляет дух, указывает путь к истинному знанию. Недостатки в исполнении намаза можно восполнить только дополнительными намазами. Если мусульманин по крови и рождению стал поздно совершать намаз, он должен совершить и все те намазы, которые пропустил со дня совершеннолетия.

Но нет никакой пользы в намазе, совершенном без благоговения и смирения. «Молящихся много, а совершающих истинный намаз мало», — говорил пророк. Надо приступать к молитве так, словно делаешь это в последний раз. Нельзя спешить, думать, что пора садиться за стол, теребить бороду или раскачиваться из стороны в сторону, как делают евреи. Пророк даже отказывался совершать намаз в цветастой рубашке, потому что ее узор отвлекал его от молитвы. Посланник Аллаха старался как можно больше продлить намаз и при этом рыдал так, что «от груди его исходил звук как от кипящего котла».

В намазе самое главное — земной поклон (*саджа*). За каждый земной поклон Аллах стирает один грех. Следы земных поклонов остаются навечно, и даже огонь ада не может их стереть.

В садже важен не только сам поклон, но и все связанные с ним движения. Правильная последовательность действий такова: поясной поклон — выпрямляешься — земной поклон — выпрямляешься — сидишь — снова земной поклон — выпрямляешься. Каждое движение нужно фиксировать на некоторое время. «Аллах не взглянет на намаз человека, который между поясным и земным поклоном не выпрямил спину должным образом». Такой намаз в будущей жизни будет скомкан, как тряпка, и брошен в лицо совершившему его.

Важно и то, чтобы намаз совершался вовремя, безо всяких задержек. Нет никаких уважительных причин, будь то сон, еда или важное дело, чтобы пропустить время намаза. Благочестивый торговец, услышав, оставляет свои весы, кузнец — бросает занесенный молот. Воин или странствующий купец в нужное время слезает с верблюда, а если идет дождь и кругом грязь, молится прямо на верблюде. Спящий немедленно встает с ложа и приступает к молитве. Муэдзин в утреннем азане возглашал: молитва

важнее сна! В одном из хадисов грешнику в аду без конца расплющивали голову камнем за то, что однажды он проспал намаз.

Даже на смертном ложе необходимо совершать молитву. Когда халиф Омар был смертельно ранен кинжалом и лежал без сознания, один из сподвижников подошел к нему и воскликнул: «О, предводитель мусульман, намаз!» Омар тут же сел и сказал: поистине, кто оставит намаз, тому нет доли в исламе! И после этого он совершил намаз, несмотря на то, что из раны у него хлестала кровь.

Коллективный намаз — *джамaat* — совершенней одиночного. Он превосходит одиночный намаз в 27 раз, ибо «община есть милость, а разделение — наказание». Надо как можно чаще ходить в мечеть и совершать молитвы вместе с другими верующими. Если кто-то может пойти в мечеть, но совершает молитвы в одиночестве, намаз его недействителен. Особо блаженны те, кто, совершив намаз в мечети, получают такое наслаждение, что не хотят оттуда уходить и готовы проводить там всю жизнь, тоскуя без молитвы.

Особо важен пятничный соборный намаз. В этот день все должны прийти в мечеть чистыми, опрятными, расчесав бороду, как на праздник. Желательно идти на пятничный намаз пешком — это больше подобает смирению верующего. Правильный пятничный намаз стирает грехи за десять дней.

Правила намаза. Суточный цикл намаза имеет сложную структуру и содержит много правил и предписаний, требующих больших знаний и внимания. В намазе шесть фардов (основных правил), четырнадцать ваджибов (обязательных действий, без которых намаз недействителен) и двадцать один суннат (необязательных, но желательных действий). К фардам относится начальная молитва «Аллах акбар», чтение аятов (одного длинного или трех коротких) и четыре положения тела: стоя с прямой спиной (кыйям), сидя (када), в поясном поклоне (руку) и в земном поклоне (саджа). Ваджибы включают чтение суры «Фатиха», строгий порядок движений и жестов, произнесение в нужное время разных молитв и т. д. Суннаты — дополнительные действия и жесты, когда верующий должен в определенные моменты поднять руки до ушей, держать правой рукой левую, сложив их ниже пупка, особым образом поджимать ноги, поворачивать голову и т. п.

Для удобства каждая из пяти молитв разбита на одинаковые части — ракаты, которые в разных молитвах повторяются от двух до пяти раз.

Кроме обязательных, в исламе есть целый ряд дополнительных намазов — *нафль*. Верующие принимают их на себя добровольно. Это может быть, например, ночной намаз (*таджухуд*) или утренний (*ишрак*), совершаемый после восхода Солнца. Особый намаз — *истихару* — совершают для того, чтобы получить от Аллаха помощь в решении какой-то трудной проблемы. После истихары читают специальную молитву, в которой молящийся просит Аллаха наставить его в том, с чем он не может справиться сам. Прибегнув к истихаре, человек тем самым полагается на волю Бога и освобождается от принятия решения по собственному разумению.

Если верующий не может совершить молитву в мечети, он обязан сделать это дома. Для этого он должен призвать к намазу свою жену и создать вместе с ней джамаат, в котором он исполнит роль имама.

Дуа и зикр

Кроме намаза, существуют молитвы *дуа* — прямое обращение к Аллаху и *зикр* — восхваление Аллаха. В *дуа* чаще всего содержится какая-то просьба. По этому поводу был дан хадис: «Обо всем, в чем вы нуждаетесь, просите у Аллаха, пусть это даже шнурок для сандалий!» Нельзя просить ничего греховного, сверхъестественного и избыточного, нельзя ждать, что Аллах непременно и быстро исполнит просьбу. Искренняя *дуа* всегда будет услышана, но это может проявиться по-разному, например, вместо исполнения просьбы Он может избавить просящего от зла, равноценного тому, о чем тот просит, или просто учесть его молитву в будущей жизни.

Особенно благочестивыми считались ночные молитвы. Пророк говорил, что каждую ночь бывает особый предрассветный час, когда Аллах выполняет все молитвы верующего. В это же время снятся самые правдивые сны. Шайтан, чтобы помешать ранней молитве, делает сон в этот час особенно сладким.

Не менее важно как можно чаще совершать *зикр* — то есть поминать и славословить Аллаха. Например: «Слава Аллаху

и хвала Ему! Слава Аллаху великому!» В хадисе сказано: «Пусть твой язык всегда будет влажным от поминания Аллаха». Вся вселенная постоянно совершает зикр, то же самое должны делать и люди. У одного человека двое сыновей погибли в боях за веру и стали шахидами, а третий спокойно умер в своем доме. Но именно он первым вошел в рай, потому что постоянно поминал имя Аллаха. Аллаха надо восхвалять и благодарить перед каждым делом, во время еды, «стоя, сидя и лежа на боку». Даже если Аллах отнял единственного ребенка, следует вознести Ему хвалу.

Пост (саум, на персидском — роза)

Еще одним столпом ислама является пост, совершаемый в месяц Рамадан. «Когда наступает Рамадан, открываются врата рая, врата ада закрываются, а шайтан сковывается цепями». В этот месяц мусульмане днем постятся, а ночью совершают особый намаз (*таравих*) и читают Коран. Кроме того, они проявляют особое терпение и милость к нуждающимся и не участвуют в спорах, говоря окружающим: я соблюдаю пост. «Запах изо рта постящегося, — говорил пророк, — приятней для Аллаха, чем аромат мускуса». На пути в рай есть особые врата, через которые пройдет только тот, кто соблюдал пост.

В Рамадан прощаются все совершенные ранее грехи. В некоторых хадисах говорится, что для этого достаточно только Ночи Предопределения, входящей в Рамадан, — то есть ночи, в которую был дан Коран. Никто не знает, какая именно из ночей Рамадана является Ночью Предопределения, но известно, что она приходится на последние семь или десять ночей поста. Приметы ее такие: в эту Ночь не холодно и не жарко, небо ясно, нет ветра и дождя, звезды не падают, а утром солнце восходит без блеска, «похожее на таз».

Ночь Предопределения лучше тысячи месяцев (то есть целой жизни длиной в 83 года и 3 месяца), и все доброе и благочестивое, что сделано в эту Ночь, считается сделанным в течение всего этого срока. В это время Аллах особо милостив к людям, благоволение Его разлито по всей земле, и люди защищены от всякого зла, пока не появится первая полоска зари на востоке. Сонмы ангелов во главе с Джабраилом спускаются с неба и определяют события, которые будут происходить в следующем году.

Противоположностью посту являются ночи Разговения и Жертвоприношения, когда следует «вдоволь есть, пить и поминать Аллаха». В эти и другие праздники дозволены игры и развлечения, не нарушающие приличий и не склоняющие к греху. Перед намазом, приходящимся на праздник, нужно чем-нибудь угоститься. Например, сам пророк угощался финиками, причем следил за тем, чтобы их было нечетное число. В праздник Жертвоприношения — Курбан-байрам — положено закалывать баранов, быков, коз и других домашних животных. «В дни курбани нет ничего более дорогого Всевышнему Аллаху, чем принесение в жертву животных. Жертва принимается Аллахом еще до того, как кровь польется на землю». Закалывание животных будет иметь важное значение в будущей жизни мусульманина. «Поистине животное будет приведено в День Суда со своей кровью, мясом и конечностями и будет увеличено по весу в семьдесят раз, а затем положено на весы деяний».

Милостыня (закят, садака)

Мусульманину следует выделять долю для бедных из своего имущества — закят. Делаящий это считается исполнившим свой долг перед Аллахом, и все остальное его имущество тем самым очищается и становится дозволенным. Если богач не будет выделять из своих средств закят, то в день Суда его богатство явится ему в виде облезлого змея с двумя черными пятнами на глазах, обовьется вокруг него и вопьется ему в щеки. Накопленное золото и серебро будет расплавлено и клеймами поставлено на его лоб, бока и спину.

Но и бедняк тоже должен давать милостыню — *садаку*: за все, что он пожертвовал, Аллах воздаст ему многократно и обеспечит щедрое пропитание. Кроме того, для дающего садаку Аллах закроет семьдесят врат бед и несчастий.

Еще больше наград за благотворительность ждет мусульманина в будущей жизни. На этот счет существуют многочисленные хадисы. «Закят есть мост между адом и раем. Кто выплачивал закят, пройдет мост и войдет в рай». «Как вода гасит огонь, так садака гасит грех». «Оградите себя от адского огня хотя бы половиной финика! А кто не найдет и этого — хотя бы добрым словом».

Паломничество (хадж)

Для совершения хаджа — паломничества в Мекку — мусульманину достаточно иметь запас продовольствия и средство передвижения. Совершивший хадж «вернется таким же безгрешным, как заново родившийся». В Судный день Черный камень обретет глаза и речь и будет свидетельствовать в пользу тех, кто касался его должным образом во время хаджа.

Хадж невозможен без *ихрама*. Это специальное белое одеяние для хаджа и в то же время сам процесс хаджа: тот, кто совершает хадж, находится в состоянии ихрама, то есть особой сосредоточенности и чистоты. Находясь в ихраме, нельзя заниматься торговлей и какими-либо мирскими делами, заключать браки, вступать в интимную связь, впадать в гнев, причинять вред животным и растениям, бриться, стричь волосы и ногти, умащаться благовониями и надевать украшения.

При совершении хаджа еще до вступления на Священную землю нужно в специальном месте, называемом микад (в четырех километрах от Каабы), облачиться в одежду паломника. Для мужчин она состоит из двух кусков белой ткани: одной обматывают бедра, другой спину и плечи. Женщины надевают просторные белые одежды и головной платок, оставляя открытыми только лицо, кисти рук и ступни ног.

Выражая благодарность за то, что достиг Каабы, следует совершить семикратный обход Каабы. Первый обход после прибытия называется *таваф кудум*. Во время первых трех обходов надо идти быстрым шагом. Такая ходьба называется *рамаль*. Возле места, называемого Макам Ибрахим, следует совершить намаз из двух ракатов. Затем надо совершить бег (*си*) между холмами Сафа и Марва — четыре раза туда и три раза обратно. В день Арафа необходимо совершить стояние в долине Арафат, потом отправиться в Муздалифа, а оттуда в Мина, бросить камни в шайтана, совершить жертвоприношение, потом постричь или обрить волосы и снова обойти Каабу.

Кроме этих обязательных действий желательно посетить священный колодец Замзам и могилу пророка. «Посетить меня после смерти все равно что посетить при жизни, — говорил Мухаммед. — Я обязательно заступлюсь перед Аллахом за такого человека».

Четыре могилы. Место погребения Мухаммеда вначале было скромно, как и соседние с ним могилы первых двух халифов, Абу Бакра и Омара: три низких холмика, посыпанных красным гравием. Рядом оставили четвертое место — для Христа, которого должны похоронить здесь после второго пришествия. Потом над этими могилами возвели мечеть и сделали красивые гробницы.

Кроме хаджа, существовала *умра* — малое паломничество, его осуществляли как часть большого хаджа или самостоятельно. В умру входили обход Каабы, целование Черного камня, пробег между холмами и т. д.

Ибадат

Ибадат — это образ жизни мусульманина, состоящий из поклонения и послушания. Религиозная жизнь продолжается в мирской, поэтому ибадат — это все, что мусульманин делает по воле Аллаха (даже если просто идет на работу). Так же, как миряне в христианстве, мусульманин живет обычной мирской жизнью, но она пронизана паузами, в которые он отвлекается от всего и посвящает себя только Богу. Благодаря этому и его мирская жизнь приобретает религиозное измерение.

Самым лучшим ибадатом считается *итикаф* — пребывание в мечети. Обычно это делается во время Рамадана, когда человек буквально переселяется в мечеть и проводит в ней дни и ночи. «Кто бы ни совершил итикаф в течение дня в поисках довольства Аллаха, Аллах откроет между ним и огнем ада три рва, ширина каждого из которых как расстояние между небом и землей». Когда верующий спит в мечети, даже его сон считается послушанием.

Еще один вид ибадата — ночная молитва. Ей придавалось огромное значение. В Коране сказано: «Простаивай в молитве ночь без малого, половину ночи или чуть меньше того, или чуть больше того». В другом месте упоминаются «богобоязненные», которые «спали лишь малую часть ночи, а перед рассветом молили о прощении». В одном из достоверных хадисов пророк говорит: «Да помилует Аллах человека, который поднимается ночью, совершает молитву и будит свою жену, а если она отказывается вставать, брызгает ей в лицо водой! Да помилует Ал-

лах женщину, которая поднимается ночью, совершает молитву и будит своего мужа, а если он отказывается вставать, брызгает ему в лицо водой!»

Подвижники ислама относились к ночным бдениям с особым рвением, считая сон врагом благочестия. Факих аш-Шафии с гневом обращался к своей постели, говоря: «Чтоб ты была разрушена! Ты всегда так мягка и притягательна!» Ас-Саури писал: «20 лет я вел джихад против самого себя. Я сражался, делал все, чтобы продолжать вставать на молитву ночью. За эти 20 лет я ни разу не испытал сладости от ночной молитвы. И только по прошествии 20 лет я нашел успокоение и сладость».

Семь смертных грехов ислама

«Берегитесь семи вещей, которые приводят человека к гибели! — призывал пророк. — Это придание Аллаху сотоварищей, колдовство, убийство человека, которое Аллах сделал запретным, ростовщичество, пользование имуществом сироты, побег с поля битвы, когда напал враг, обвинение целомудренной женщины в прелюбодеянии».

В разных хадисах смертные грехи звучат по-разному. Чаще всего это многобожие, неповиновение родителям, трусость, жадность, ложь. «Худшее, что есть в человеке, — скупость и трусость, — говорил пророк. — Вы никогда не увидите меня скупым, лживым или трусливым!» В другом месте он добавлял: «Мусульманин может быть трусливым или жадным, но не лживым». Мусульманину нельзя лгать даже в шутку и нельзя спорить, даже если он прав. Лжецам в аду будут втыкать в щеку железный крюк и разрывать рот до самого затылка.

В списке больших грехов упоминалось и самоубийство. Самоубийца вечно будет мучиться в аду, повторяя свое самоубийство: бросаться со скалы, вешаться, топиться и т. д.

Все, кто занимается ростовщичеством или участвует в нем, — прокляты Аллахом. Пророку было видение ада, в котором он увидел людей с огромными животами, наполненными змеями. «Кто это, Джабраил?» — спросил он. Ангел объяснил: «Ростовщики».

Ислам безусловно запрещает пьянство и проституцию. «Все, что опьяняет, запретно (харам)». «Алкоголь — мать бесстыдства, величайший из грехов. Кто выпьет, может блудодействовать

и с матерью». Нельзя не только пить, но и сидеть за одним столом с пьющими.

Ни один мужчина не должен оставаться наедине с женщиной. Когда мужчина остается вдвоем с женщиной, третий с ними — шайтан. Бросив взгляд на женщину, тут же отведи взгляд и больше не смотри. Первый взгляд тебе простится, второй — вменится в грех. Взгляд — это прелюбодеяние глаз, разговор — прелюбодеяние языка, прикосновение — прелюбодеяние рук. Мужчине с женщиной можно общаться только через занавесь или дверь.

Нельзя изменять и предавать людей, даже если они предали тебя. Нельзя присваивать себе лишние трофеи. Нельзя ни сплетничать, ни подглядывать, ни злословить, даже если твои слова — правда. Лучше просто промолчать, если не можешь сказать о человеке хорошее: «Или говори хорошее, или молчи». «Кто попрекнет другого в каком-то грехе, тот не умрет, пока сам не совершит тот же грех». «Тот, кто молчит, спасен!»

Гордыня в исламе, как и в христианстве, — страшный грех. «Горделивые люди в Судный день будут собраны в виде маленьких красных муравьев, имеющих человеческий облик. Их будет окружать огонь огня, и они будут пить напиток из крови, гноя и нечистот, который называется Тинатуль-хабаль». «Если в сердце человека есть хоть крупица гордыни, он не войдет в рай».

Пророк осуждал не только поступки, но и помыслы: «Берегитесь тех желаний, которые приходят в сердце прежде совершения греха! Потому что они являются началом греха». Тут же следует призыв к покаянию: «О люди! Кайтесь перед Аллахом. Ибо я каюсь перед Ним сто раз в день». «Воистину, Аллах любит кающихся и любит очищающихся».

Страшный суд, рай и ад

По учению ислама, после трубного гласа мертвые поднимутся из гробов и предстанут перед престолом Аллаха. Появятся весы и книга, где собраны все добрые и злые поступки каждого. Дальше воскресших ждет пропасть, а над пропастью — мост Сират, тонкий как паутина и острый как меч. Добрый перейдет по нему в рай, злой упадет в адскую бездну.

Ад в исламе представлен как «геенна огненная», глубокий ров с полыхающим огнем, где грешники пьют гнойную воду и кипяток, «рассекающий их внутренности». Питаются там только

плодами дерева Зуккум, на котором растут головы шайтанов. Грешники постоянно горят в огне, от которого «скручивается кожа», но сразу восстанавливается, чтобы их муки могли длиться вечно. Об устройстве ада говорится скупно, известно только, что в нем имеется семь кругов, каждый с отдельным входом, и чем ниже круг, тем сильнее и страшней огонь.

Рай описан более подробно. В Коране сказано, что Всевышний «купил жизнь верующих и их имущество, заплатив им раем». И награда эта поистине велика. Рай — это место, где праведники никогда не будут испытывать голода и жажды, питаясь самыми изысканными яствами на блюдах из золота и запивая их чистой проточной водой, молоком, медом и вином. Лежа на расшитых подушках и коврах в тени деревьев, они будут есть лучшие плоды и мясо птиц и пить напитки, «не вызывающие головной боли», которые разносят вечно юные мальчики с чашами, сосудами и кубками.

Рай — обитель чистоты, где «не будут ни плевать, ни сморкаться, ни испражняться». Съеденная праведниками пища будет превращаться в ароматный мускус. В раю все будут одного возраста (тридцати трех лет), а по некоторым толкованиям, даже одного роста. Среди наслаждений рая: прохлада тенистых садов, одежда из роскошных тканей («зеленые одеяния из атласа и парчи») и, конечно, гурии — черноокие девственницы, подобные жемчугу, «которых не коснулся до них ни человек, ни джинн». Что касается женщин-мусульманок, то в раю они либо сами превратятся в гурий, либо получат райских мужей. Но высшее блаженство праведных — это лицезрение Аллаха.

Коран, сунна и фикх

Коран

Коран — фундамент ислама, то же, что Библия у христиан. Коран не сотворен и существует изначально как Божье Слово: это подлинная и прямая речь Аллаха, переданная Мухаммеду на арабском языке через ангела Джабраила. Каждая буква в нем неизменна и священна, ни одну из них нельзя переставить или поменять. Вопрос переводов в исламе решается просто: подлинный Коран — только арабский, лишь на этом языке можно его цитировать и использовать в молитвах.

Ислам считает Коран итоговой религиозной книгой, дополняющей и отменяющей все предыдущие. Для того чтобы постичь волю Бога и спасти свою душу, не надо читать и не надо знать ничего, кроме Корана. В нем полнота всех знаний и решений, ответы на все вопросы и образец для всех возможных действий и поступков. Коран во всех смыслах — исключительная и неповторимая книга, не имеющая никаких подобий. «Если бы объединили усилия люди и джинны, чтобы сочинить нечто, подобное Корану, это им бы не удалось, если бы даже они и помогали друг другу» (17:88).

Коран в халифате был везде и во всем. Мусульманское обучение начиналось с Корана и нередко им же ограничивалось. Во всех случаях и во всех областях жизни использовались прямые и косвенные цитаты из Корана, отсылки и намеки на коранические фразы и сюжеты. На Коране клялись, на нем гадали, им лечили (сурой «Аль-Фатиха», например, излечивали от сумасшествия), его использовали в юриспруденции, политических речах и повседневной жизни. Коран изучали со всех возможных точек зрения, включая орфографию, стилистику, деление на части, варианты декламации и прочее. Несколько сотен объемистых трудов посвящены только способам чтения Корана вслух (традиционно их насчитывают ровно сто). Богословы говорили, что читать Коран — все равно что беседовать с самим Аллахом. Знание и чтение Корана настолько важно, что каждому, кто научит своего ребенка читать Коран, простятся все прошлые и будущие грехи. А в загробном мире и сам Коран в образе человека заступится за тех, кто его читал и следовал ему.

Толкование стихов Корана с точки зрения богословия, философии или истории составило отдельную науку — тафсир. Одно такое толкование могло состоять из нескольких томов. Самым знаменитым и авторитетным считается тафсир великого историка ат-Табари, насчитывающий тридцать книг. Но писали и больше — по 120 и 300 томов комментариев. Один толкователь написал такой огромный труд, что не смог найти даже переписчика, который согласился бы его переписать. Тогда он отдал его в единственном экземпляре в библиотеку, где тот так и остался лежать непрочтенным.

Деление Корана. Коран написан рифмованной прозой и состоит из 114 сур (глав), каждая из которых делится на аяты, или «стихи». Расположение сур в Коране в порядке умень-

шения — от самой длинной к самой короткой — до сих пор является предметом дискуссий. Некоторые богословы считают, что этот порядок сам по себе священен и послан с неба, другие находят ему разные «земные» причины. Для удобства восприятия и чтения Коран часто делят на 30 равных частей — джузов, включающих два хизба, — и печатают в 30 томах. Во время поста в месяц Рамадан в каждую из 30 ночей читается по одному джузу. Иногда Коран разделяют на семь частей — манзиль, — чтобы каждую часть можно было читать в течение дня, а весь хатим (то есть полное чтение Корана от начала до конца) совершать за неделю.

Хадисы

Ислам подчеркивает, что Мухаммед был таким же человеком, как и все, со своими слабостями и недостатками. В то же время его считают образцом и эталоном во всем, вплоть до того, какой рукой пророк мыл бороду. Любой его шаг, слово, движение приравниваются к религиозному закону. Поэтому хадисы — воспоминания окружавших пророка людей о его поступках и словах — быстро приобрели огромную важность для мусульман. Зная, как поступил пророк в той или иной ситуации, можно было понять, какое поведение благочестиво и угодно Аллаху, а какое — нет.

Каждый хадис сопровождается иснад — список людей, которые последовательно, из уст в уста, передали его от сподвижника, лично знавшего и слышавшего слова пророка, вплоть до человека, записавшего хадис. Иснад так важен, что составлялись подробные биографии каждого из цепочки передатчиков, ибо от их надежности зависела надежность и самого хадиса. Цепь надежных передатчиков в хадисах называлась *ривайа*, а сомнительных — *дирайа*. Хафиз аль-Хатиб славился тем, что мог доказать подложность хадиса, указав на анахронизмы в цепочке иснада.

За первые двести лет ислама было собрано несколько сотен тысяч хадисов (по другим подсчетам, их больше миллиона). В IX веке аль-Бухари и его ученик Муслим тщательно собрали два сборника хадисов с одинаковым названием — «Сахих» («Здоровый»). Составитель первого, аль-Бухари, говорил, что знал 600 тысяч хадисов, запомнил 200 тысяч, но признал толь-

ко 7397. Оба «Сахиха», особенно первый, считаются главным фундаментом ислама после Корана. Позже к ним добавили еще четыре каноничных, но не столь авторитетных сборника хадисов, составляющих вместе с двумя первыми основу мусульманского предания — сунны. После них появилось еще множество хадисов, однако их происхождение считается сомнительным, а содержание — ненадежным.

Хадисы классифицировались, сопоставлялись и проверялись по содержанию, методике отбора, тематике и пр. Существовала особая шкала оценки подлинности хадисов, которые в самом простом варианте делились на «сильные» (или «совершенные» — *сахих*), «хорошие» (*хасан*) и «слабые» (*заиф*). В более сложных системах таких классов было больше: надежный (*сика*), точный (*муткин*), солидный (*сабт*), авторитетный (*худжжа*), свидетельствующий о хорошей памяти (*адль хафиз*), достоверный (*дабит*), правдивый (*садук*), склонный к правдивости (*махаллуху ас-сидк*), не внушающий опасения (*ла бас бихи*) и т. д.

Хадисам уделяли не меньше внимания и усилий, чем самому Корану. Изречения пророка изучали в специальных школах, ими наполняли целые библиотеки, им посвятили даже отдельную науку — усул аль-хадис. Многие ученые всю жизнь занимались только тем, что изучали и толковали хадисы или комментарии к хадисам. Считалось, что каждый мусульманин должен знать не меньше сорока хадисов, поэтому выпускались популярные сборники по сорок штук, а также всевозможные сокращения и извлечения из многотомных книг.

К хадисам испытывали такое благоговение, что многие отказывались их озвучивать и передавать, боясь брать на себя такую ответственность. Кто-то считал, что нельзя преподавать хадисы, пока тебе не исполнилось 70 лет, другие утверждали, что чтение хадисов равносильно богослужению.

Многие ученые были «охотниками за хадисами»: они ездили по городам, собирая неизвестные высказывания пророка, и привозили их десятками, а порой и сотнями. Самый знаменитый, Ибн Манди, привез из своих странствий 1700 хадисов. Хадисы не только записывали, но и заучивали на память. Абдаллах ибн Сулайман знал наизусть 30 тысяч хадисов, Ибн Уква — 52 тысячи, а один кади из Мосула — 200 тысяч.

Фикх и факихи

В VIII — IX веках в Багдадском халифате начало формироваться государственное право — фикх, изучением которого занимались исламские юристы — факихи.

Самая идея создания исламского законодательства многим мусульманам поначалу казалась сомнительной и противоречащей исламу. Приверженцы «чистой веры» считали, что достаточно знать Коран и хадисы и опираться на них. До появления фикха в халифате существовали «передатчики» Корана и сунны, которые сами ничего не толковали и не считали нужным толковать, а лишь передавали то, что сообщил пророк или его сподвижники. Они говорили, что аят или достоверный хадис — это откровение и для него не требуется никаких разумных оснований или обсуждений: довольно того, что это сказано. Самая мудрая и полная вера — наивная, «детская», она по наитию сама выберет правильный путь: с верой в сердце невозможно ошибиться.

Но мусульманских государственных деятелей это не устраивало. Они считали, что обществу нужны четкие правила, что можно делать и что нельзя, и эти правила должны быть обязательны для всех. А для этого нужно в первую очередь их четко сформулировать. В человеческой жизни встречается много сложных практических и юридических вопросов, не озвученных ни в сунне, ни в Коране. Задача фикха — разложить все возможные ситуации и действия «по полочкам», определив, насколько они соответствуют или противоречат исламу. Факихи постарались создать своего рода юридическую сеть, которая фильтровала все многообразие жизни через несколько четких категорий: обязательного (*ваджиб*), желательного (*мустахаб*), дозволенного (*халяль*), нежелательного (*макрух*) и запретного (*харам*).

По учению ислама, фикх имеет четыре основы: Коран, сунну, иджму и кийас. О последних двух вспоминают только в тех случаях, когда недостаточно двух первых. В общем смысле все законы выводятся из Корана и хадисов, поэтому каждый юрист одновременно является и богословом. Но если возникают вопросы, не отраженные в этих источниках, допускается метод «подобия» или «сравнения» — *кийас* (от арабского «каса», сравнивать). В кийасе проблему решают по аналогии с уже существующими установлениями: берут сходные ситуации из Корана и сунны и приспособливают их к новым условиям.

Но одного кийаса недостаточно. Кто должен определять, насколько такие уподобления справедливы и оправданны? Один человек легко может ошибиться. Поэтому для более полного и надежного решения проблемы требуется согласованное мнение авторитетных факихов. Этот принцип называется *иджма* — единодушное решение, или согласование. Чтобы правильно разрешить вопрос, факих поочередно обращается сначала к *иджме сподвижников пророка*, потом их последователей (*табиинов*) и последователей их последователей (*таби ут-табиинов*). Иджма напоминает современный судебный «прецедент».

Но и это не исчерпывает всех проблем. Правила применения *иджмы* и *кийаса* сами по себе нуждаются в правилах. В каких случаях вообще допустимо прибегать к таким методам, а в каких — нет? Насколько свободно можно интерпретировать тексты Корана и хадисов? Разрешается ли прибегать к личным толкованиям, аллегориям, сравнениям? Какие мнения считать авторитетными, а какие лучше отвергнуть? Решением этих и других головоломных вопросов занимались разные юридические школы, или толки, *фикха* — *мазхабы*.

Мазхабы

Мазхабы различались по степени консерватизма и строгости подхода к толкованиям. Самые ортодоксальные обращались только к Корану и хадисам, избегая *иджмы* и *кийаса*. *Мазхаб захиритов*, например, вообще не признавал никаких толкований Корана и сунны, опираясь только на их буквальный смысл. *Захириты* говорили, что первым толкователем Корана был дьявол — *Иблис*. Можно только удивляться, как им удавалось разрешать сложные проблемы, не освещенные в двух этих источниках. Видимо, из-за этих трудностей *захиризм* со временем исчез.

По легенде, до IX века существовало 500 правовых школ, которые позже забылись. Долгое время мусульмане были фанатично преданны каждый своему *мазхабу* и не признавали все остальные, считая их чуть ли не еретическим. Сторонники одного толка отказывались молиться с имамом из другого и т. д. В мекканской мечети даже отвели разные уголки для разных *мазхабов*. Правителям тоже было удобней следовать правилам какой-то одной школы, а не учитывать их все, поэтому они выбирали самую «подходящую» и объявляли ее единственно правильной.

Но со временем проблема разных толков потеряла остроту. Различия между мазхабами свелись к особенностям шариата: как совершать омовение, делать дополнительные намазы и т. п. Приверженность той или иной школе стала больше вопросом традиции и этнографии, чем веры. Так, в Магрибе стал особенно популярен маликитский толк, в Египте — шафиитский, в Ираке — ханафитский и т. д. Шииты-имамиты придерживались своего джафаритского мазхаба (VIII век), хариджиты-ибадиты — своего.

До нашего времени дошли только четыре суннитских мазхаба: ханафитский, шафиитский, маликитский, ханбалитский.

Ханифитский толк, в честь Абу Ханифы, считается наиболее мягким и свободным: он допускает личные толкования священных текстов, часто прибегает к сравнениям и т. д. Маликитский, в честь Малика ибн Анаса, значительно строже; он буквально понимает Коран и хадисы. Шафиитский, в честь аш-Шафии, занимает между ними промежуточное положение. К этой школе относились такие крупные ученые, как аль-Ашари и аль-Газали. Ханбалитская школа, в честь ибн Ханбала, — самая жесткая и консервативная: в ней нет никаких толкований, кийас допустим очень редко, иджма — только от самых старых и ранних авторитетов и при полном их единодушии.

Сегодня все четыре суннитских школы признают друг друга как допустимые и правоверные, определяя единый для мусульман свод законов — шариат.

Шариат и итджтихад

Шариат по-арабски значит «правильный путь». Он объединяет все правила, которые управляют жизнью мусульманина, начиная с государственных законов и кончая семьей и бытом. Это универсальный кодекс, основанный на Коране и сунне и определяющий любые действия людей в их отношениях между собой и с Богом. Шариат регламентирует жизнь сверху донизу, не обходя вниманием ни одну из ее деталей и частей. Что бы ни делал мусульманин: торговал, вступал в брак, судился с соседом, платил налоги, отправлялся в путешествие, закалывал барана, — он следует множеству подробных предписаний и оговорок, обусловленных толкованиями и традицией. Для любого действия и поступка существует свой набор правил, который верующий

должен знать, а если не знает — выяснить прежде, чем предпримет это действие.

Если у мусульманина возникает вопрос или проблема в рамках шариата, он идет к *муджтахиду* — специалисту по исламскому праву. Процесс поиска и принятия правильного решения муджтахидом называется *иджтихад*. Чтобы ответить на заданный ему вопрос, муджтахид обращается, в порядке важности, сначала к Корану, затем к сунне (хадисам), а потом к иджме и кийасу. В зависимости от мазхаба, которого он придерживается, а также широты своих познаний, способности к рассуждениям и других факторов, муджтахид дает *фетву* — решение, максимально соответствующее духу и букве ислама.

Но бывает, что два муджтахиды принимают разные решения по одной и той же проблеме: тогда кто из них прав? Это трудный вопрос. Оба могут заблуждаться, или прав кто-то один, но кто — неизвестно, или правы оба, но каждый в своем смысле. Тогда в дело вступает шариатский суд, и мнение, которое он утвердил, считается единственно верным.

Обязанности перед Аллахом есть не только у каждого мусульманина (их называют *фард уайн*), но и у общины в целом (*фард кифайа*). К первым относятся молитва, пост и пр., ко вторым — обязанность похоронить умершего, участвовать в джихаде, помогать больным и пр.

Шариат содержит тысячи правил и норм, касающихся всех сторон жизни, от посещения мечети до интимного туалета. Соблюдение некоторых из них желательно, других — необходимо, и это разделение тоже надо знать и иметь в виду. Приведем некоторые из правил шариата, основанные на аятах и хадисах.

Жизнь по шариату

Правила омовения

Омовение — неотъемлемая часть шариата. «О вы, которые уверовали! Когда вы встаете на молитву, то мойте ваши лица и руки до локтей и обтирайте голову и мойте ноги до щиколоток» (5:6).

В одном хадисе говорится: «Когда раб Аллаха совершает омовение и ополаскивает свой рот, то грехи выходят изо рта. Когда он очищает нос, то грехи выходят из носа. Когда он моет свое лицо, грехи покидают его лицо, даже если они находятся под ресницами. Когда он моет руки, грехи выходят даже из-под

ногтей. И когда он протирает голову, грехи выходят из головы, пока не выйдут из ушей. Когда он моет ноги, грехи выходят из ног, даже если они находятся под ногтями».

Омывать тело надо именно в том порядке, в каком указано в Коране: нельзя вымыть сначала руки, а потом лицо. Голову нужно обязательно обтирать, а не мыть.

«Если кто-нибудь из вас совершает омовение, пусть втянет воду в ноздри, а затем выдует ее». Подносить воду к носу нужно правой рукой, а выдувать из ноздрей — левой.

«Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, прочесывал пальцами бороду».

«Когда делаешь омовение, сделай так, чтобы вода проникала промеж пальцев рук и ног».

В хадисе, переданном ат-Табарани, женщина спрашивает: «О посланник Аллаха, должен ли чистить рот беззубый?» Он ответил: «Да». Она спросила: «А как?» Он сказал: «Пальцем».

Когда омываешься, надо тщательно растирать руки и ноги. Начинать омовение следует с правой стороны.

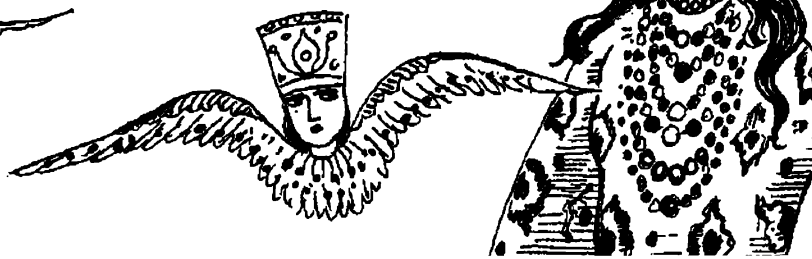
«Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, во время совершения омовения протер свою голову и уши изнутри и снаружи. Он также вставил свой палец во внутрь уха»

Надо также обтирать чалму и кожаные носки. Тут есть свои нюансы. «Джарир ибн Абдуллах справил малую нужду, затем совершил омовение и обтер кожаные носки. Его спросили: «Ты делаешь это после того, как справил малую нужду?» Он сказал: «Да, я видел как посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, справил малую нужду, затем совершил омовение и обтер свои кожаные носки». Точно так же можно обтирать и обычные носки, и даже сандалии.

Правила омовения следует соблюдать точно так, как они даны, ничего не убавляя и не прибавляя. «Таким является омовение: а кто сделал сверх этого, поступил неправильно, переступил границы и злоупотребил».

От правильного омовения напрямую зависит судьба мусульманина в будущей жизни. «Если кто-то совершит омовение должным образом и помолится в два rakata с сердцем и лицом, полностью обращенным к молитве, рай станет для него обязательным».

«Если кто-то из вас совершит омовение должным образом а затем скажет: “Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха

Единобожия, у которого нет сотоварищей, и свидетельствую, что Мухаммед Его раб и Посланник”, то для него откроются восемь ворот рая, и он сможет войти в любые из них, которые пожелает».

Стрижка и гигиена

«Отличайтесь от многобожников, — говорил пророк, — отращивайте бороды и сбривайте усы. Тот, кто с усами, — тот не из нас». На самом деле, усы не сбривали полностью, а только укорачивали. Какой же длины должны быть усы? Чтобы на них не застревала пища. А какой длины должна быть борода? Чтобы не выглядеть ни неряшливой, ни бритой. Халиф Омар брал бороду в кулак, и если часть ее торчала снаружи, сбривал лишнее.

Кроме волос на лице, надо выбривать или выщипывать волосы на лобке и под мышками. Не допускается оставлять неподстриженными или небритыми волосы на лобке и подмышках более сорока дней. Необходимо также стричь ногти, ухаживать за волосами, пользоваться зубочисткой, выглядеть опрятно. Надо красить волосы, потому что христиане их не красят.

Еда

Пища — дар Аллаха, поэтому не следует терять зря ни одной крошки. Пророк призывал после еды облизывать пальцы и очищать тарелку: «Поистине, вы не знаете, в какой частичке еды содержится баракат (благодать)».

Туалетные правила

Справлять нужду надо, укрывшись от взоров других людей, — именно так делал пророк. В отхожем месте нельзя стоять лицом или спиной к Мекке, нельзя вносить в него ничего, на чем есть имя Аллаха. Находясь в нем, нельзя говорить с другими. Нельзя мочиться в норки животных: пророк объяснил, что в них обитают джинны.

Аиша говорила, что пророк мочился только сидя. Но Хузайфа утверждал, что видел, как пророк мочился стоя. Поэтому можно делать и то, и другое (но сидя все-таки предпочтительней).

Нельзя забрызгаться мочой — в хадисах сказано, что большинство людей именно из-за этого мучаются в аду. Чтобы подтереться после большой нужды, надо использовать не меньше трех камней, причем делать это следует левой рукой. Выходя из отхожего места, следует говорить: «Прошу твоего прощения», — именно так делал пророк.

Гигиена в интимных отношениях

Омываться целиком нужно при любом семяизвержении, связанном с возбуждением, или когда мужчина входит в женщину, даже без семяизвержения. Женщине — во время месячных. С месячными нельзя находиться в мечети. Но был и такой эпизод: «Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал мне: “Передай мне мою одежду из мечети”. Я сказала: “У меня месячные”. Он сказал: “У тебя месячные не на руке”» (хадис от Аиши).

«Когда пророк, да благословит его Аллах и приветствует, купался после полового осквернения, он прежде всего мыл кисти рук, затем левой рукой мыл половые органы, поливая их водой из правой пригоршни, затем совершал омовение, какое совершается перед молитвой, затем брал немного воды и прочесывал пальцами корни волос, чтобы убедиться, что вода достигла корней волос, затем выливал на голову три пригоршни воды, затем наливал воду на тело».

Как закалывать животных

Животное в праздник Жертвоприношения должен заклать каждый взрослый мусульманин. Однако если он странник (*мусафир*), то может этого не делать. А кто считается странником? Тот, кто вышел в путь с намерением пройти не менее 78 кум (90 километров). Но если он задержался в каком-то месте дольше пятнадцати дней, то это уже не странник.

Разрешается приносить в жертву баранов (овец), коз, коров (быков), бизонов и верблюдов. Возраст коз, овец, баранов должен быть не меньше одного полного года, коров, быков и бизонов — не меньше двух лет, верблюдов — не меньше пяти лет. Одной коровы, быка, бизона или верблюда достаточно для принесения в жертву от семи человек, козы или барана хватит только для одного человека.

Жертвенное животное нужно покупать за несколько дней до заклания, чтобы человек успел к нему привязаться. Ведь Курбан-байрам — праздник в честь Авраама, который принес в жертву собственного сына, поэтому убивать нужно не что-то безразличное, а дорогое сердцу, близкое.

Жертвенное животное не может быть увечным, одноглазым, потерявшим «больше трети уха» (но с маленькими ушами —

можно), без ноги и т. д. Впрочем, если оно сумеет дохромать до места забоя, то годится для жертвы.

Музыка

Большинство богословов и факихов считает, что в исламе допускается только чтение нараспев Корана. Иное пение прямо или косвенно запрещено Кораном и сунной. «И появятся в моей общине люди, которые будут считать дозволенным прелюбодеяние, шелк, вино и музыкальные инструменты». «Поистине, Аллах запретил мне вино, азартные игры и барабан. И все, что одурманивает, — запрещено». «Колокольчики являются свирелями шайтанов». Пророк называл среди признаков приближения конца света широкое распространение музыкальных инструментов и певиц. Несмотря на это, некоторые богословы полагают, что по этому вопросу в исламе нет твердого мнения, поэтому музыка допустима.

Женщина в исламе

Брак

Пророк не одобрял безбрачие и считал, что «лучшим из того, что можно получить в пользование в этом мире, является праведная жена». Праведность — одно из важнейших качеств женщины. «Женщину берут в жены из-за четырех вещей: из-за ее богатства, из-за ее происхождения, из-за ее красоты и из-за ее религии».

В мусульманском браке у женщины есть, по крайней мере, одно право — дать или не дать свое согласие. Когда одна женщина пожаловалась пророку, что ее насильно выдали замуж, Мухаммед расторг этот союз. На вопрос Аиши, нужно ли спрашивать девушку, хочет ли она выйти замуж за своего жениха, он ответил, что да, но если из стыдливости она молчит, это следует принимать как знак согласия.

В обратную сторону это правило, однако, не действовало: жена не могла быть инициатором развода, таким правом обладал только мужчина.

Согласно шариату, в браке допустим какой угодно секс. «Ваши жены — нивы для вас, ходите на вашу ниву как пожелаете» (2:223). Этот стих из Корана возник по конкретному поводу. После бегства из Мекки в Медину мекканские мусульмане стали требовать от своих мединских жен разнообразия сексуальных

утех, к которым издавна привыкли. Консервативные и скованные мединки отказывали им в этом, боясь, что от таких «нестественных» соитий родятся косоглазые дети. Мухаммеду пришлось дать специальный аят на эту тему.

Во время месячных муж не должен касаться жены от пупка до коленей, но может удовлетворять свои желания другими способами. В хадисах сказано, что пророк в таких случаях был близок со своими женами в области, расположенной выше запретной.

Жена не должна уклоняться от своих супружеских обязанностей и отказывать своему мужу. «Если муж захочет удовлетворить свою сексуальную потребность с женой, то она всегда должна исполнять его желание, даже если бы она была занята выпечкой».

В то же время и муж должен заботиться о том, чтобы женщина получала физическое удовлетворение. «Обеспечение супружеской верности — обязанность мужа. Если он не сможет удовлетворить ее сексуальные потребности, то это подвергнет опасности ее супружескую верность».

Подробнее всего на эту тему писал аль-Газали в маленьком сочинении «Счастливый мусульманский брак». Он говорил, что во время полового акта нельзя быть совершенно обнаженным, разговаривать и лежать головой в сторону Каабы: это неуважение к святыне. Пророк Мухаммед в такие моменты укрывался с головой и предупреждал жену, что она должна хранить молчание. Перед каждым соитием следует произнести «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», потом прочитать суру «аль-Ихлас» и вознести молитву с просьбой дать хорошее потомство и уберечь от происков шайтана, а когда подходит время эякуляции — прошептать про себя: «Слава Аллаху, который создал из воды человека». Кроме того, желательно воздерживаться от близости в первую, среднюю и последнюю ночь месяца, а также в пятничные дни.

Можно иметь наложниц, но нельзя принуждать их к сексу. Трудно сказать, насколько соблюдалось это правило, поскольку прелюбодеяние могло быть доказано только при наличии четырех свидетелей.

Права женщин

Женщины по Корану имели свои права, но по принципу «две женщины равны одному мужчине» Например, при наследовании имущества один наследник-мужчина получал столько

же, сколько две наследницы-женщины, а в суде свидетельство одного мужчины равнялось свидетельству двух женщин.

Об этом говорится в хадисе, передаваемом аль-Бухари и Муслимом. «То ли в праздник жертвоприношения, то ли в праздник разговения посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, вышел из дома и направился к месту моления. По пути ему встретилась группа женщин, и он сказал им: “Раздавайте милостыню, женщины, потому что мне было дано увидеть, что вы составляете большинство мучеников ада!” Они спросили: “Почему же, посланник Аллаха?” Он сказал: “Потому что вы часто проклинаете других людей и проявляете неблагодарность по отношению к мужьям, и я не видел никого из тех, кому недостает ума и совершенства в делах религии, кто более вас был бы способен лишить благоразумного мужчину его разума!” Женщины спросили его: “А в чем же заключается наше несовершенство в делах религии и недостаток нашего ума, посланник Аллаха?” Он сказал: “Разве свидетельство женщины не приравнивается к половине свидетельства мужчины?” Они ответили: “Да”. Он сказал: “Это из-за того, что у нее недостает ума. А разве женщина не прекращает молиться и поститься, когда у нее начинается менструация?” Они ответили: “Да”. Он сказал: “А это свидетельствует о ее несовершенстве в делах религии”».

Ношение хиджаба

Шариат требует от женщин-мусульманок полностью закрывать свое тело и оставлять открытыми только руки и стопы. Волосы — тоже часть наготы и должны быть закрыты от глаз мужчин.

Для соблюдения этого правила используется хиджаб. В узком смысле хиджаб — это платок, которым покрывают волосы, уши и шею. В широком — любая одежда, дозволенная шариатом для ношения женщинами, не облегаящая и не подчеркивающая фигуру, но достаточно просторная, чтобы скрывать ее очертания. В правильно одетой женщине, по смыслу хиджаба, не должно оставаться ничего женственного — ничего, что может вызывать желание и соблазнять. «Праведные женщины покорны и хранят то, что положено хранить, в отсутствие мужей, благодаря заботе Аллаха» (4:34).

Понятно, что соблазнять может и само женское лицо, поэтому закрытие лица тоже иногда считается требованием шариата,

а его несоблюдение — слабостью, за которую женщинам следует молить Аллаха о прощении.

В самом общем смысле хиджаб — это достойное и скромное поведение в отношениях с противоположным полом. Сюда входит воздержание от непристойных разговоров, двусмысленных жестов или взглядов со стороны как женщин, так и мужчин.

На эту тему даны аяты: «Скажи верующим женщинам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди...» (24:31). «Пусть они не стучат своими ногами, давая знать об украшениях, которые они скрывают» (24:31).

То же касается и мужчин: «Скажи верующим мужчинам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Так будет чище для них» (24:30).

Джихад или мир

Pro u contra

Многие мусульмане считали и считают ислам миролюбивой религией и приводят в пользу этого аргументы. Тот факт, что халифат вел завоевательные войны, говорит о воинственности ислама не больше, чем крестовые походы — о воинственности христианства. В самом деле, трудно найти государство, которое бы не воевало и при возможности не желало бы расширяться за счет своих соседей: иначе оно просто не могло бы существовать. Сам по себе ислам не проповедует агрессивности: он говорит не о нападении, а о самозащите. Война для мусульман — это мера вынужденная, к ней прибегают лишь тех случаях, когда вопрос нельзя решить мирным путем. В доказательство цитируется множество аятов и хадисов, подтверждающих терпимость и миролюбие ислама.

«Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не преступайте. Поистине, Аллах не любит агрессивных» (2:190)

«Если кто преступает запреты против вас, то и вы преступайте против него, подобно тому, как он преступил против вас» (2:194).

«Тем, которые подвергаются нападению, дозволено сражаться» (22:39).

«И не сражайтесь с ними... пока они не станут сражаться с вами...» (2:187).

«А если они отойдут от вас, не сражаясь с вами, и предложат вам мир, то Аллах не дает вам никакого пути против них» (4:32).

«Когда отправляетесь по пути Аллаха, то различайте и не говорите тому, кто предложит вам мир: “Ты не верующий”» (4:96).

Но не меньше веских оснований приводят и те, кто видит в исламе религию войны. Сама история халифата говорит скорей о воинственности ислама, чем о его миролюбии. Ислам с самого начала поставил себе целью завоевать весь мир и силой оружия покорить тех, кто не признает Аллаха и Его посланника. Все земли, где не действовали законы шариата, назывались «дар аль-харб» — земля войны. У побежденных народов было только две возможности: стать мусульманами или платить дань. Такова была изначальная цель ислама, такой же — в теории — она остается и сейчас. Никакого мирного сосуществования с государствами другого вероисповедания не предусмотрено: мир с неверными — только временное состояние до полной победы приверженцев пророка. Радикалы вроде ваххабитов и салафитов могут с полным правом указывать на то, что сам Посланник Аллаха не только призывал, но и на практике насаждал ислам силой, и то же самое делали его сподвижники. Как же верующий может уклоняться от того, что совершали пророк и праведные халифы?

Воинственность ислама подтверждает и понятие джихада. Мусульмане говорили, что фундамент ислама — вера, а купол — джихад. Джихад в буквальном смысле и есть рвение, старание в распространении веры всеми возможными способами, в том числе войной. Война — лучший джихад, потому что он требует наибольших жертв. «Нет деяния более праведного, чем джихад».

Аятов и хадисов в пользу этого мнения тоже достаточно.

Про язычников: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее: а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (47:4)

Про евреев: «Посланник Аллаха сказал: “Вы мусульмане, будете сражаться с евреями, и когда кто-либо из них укроется за камнем, то камень скажет: О раб Аллаха, вот за мной находится иудей, убей его!”» Сахих Бухари, книга 52, хадис 176.

По другим хадисам, христиан и евреев достаточно просто изгонять, по крайней мере, из Аравии: «Я слышал, как посланник Аллаха сказал: Я изгоню всех евреев и христиан из Аравии и не оставлю никого, кроме мусульман» (Сахих Муслим, книга 19, хадис 4366).

Общий принцип отношения к иноверцам в Коране сформулирован так: «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его Посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными» (9:29).

После войны

Военная экспансия арабов закончилась к VIII веку. Халифат захватил огромное количество чужих народов и земель, и после того, как мусульманский мир устоялся в своих границах, возник вопрос об отношении к жившим в нем иноверцам. В это время ислам проявил себя если не благожелательным, то достаточно терпимым к другим религиям — заметно более терпимым, чем большинство современных халифату европейских государств. Отчасти это было связано с тем, что в эпоху завоеваний благосостояние государства зависело от джизьи, которую платили неверные: власти получали с них то, что хотели, а остальное их не беспокоило. Важное значение имело и то, что многие из подданных были «людьми писания».

Мусульмане делили иноверцев на христиан, евреев и «сабиев», то есть всех остальных. По мнению пророка, христиане и иудеи тоже получили божественное откровение через пророков Авраама, Мусу и Ису. В Коране говорилось: «Мы низвели Тору, в которой руководство и свет...» (5:48). «И отправили Мы по следам их Ису, сына Марьям, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором руководство и свет» (5:50). Но поскольку все эти

религии были раньше Мухаммеда, считалось, что их учения не такие совершенные, как ислам.

К сабиям мусульмане относили в основном зороастрийцев и индуистов. Наиболее известными сабиями были харранцы, давшие халифату многих известных ученых и философов: отсюда видно, что даже язычников не сильно ущемляли. В целом мусульмане относились к неверным как к временно заблудшим и видели в них скорее жертву неправильного воспитания: считалось, что каждый человек рождается «на фитре», то есть с естественным расположением к исламу, и только родители делают его иудеем, христианином или многобожником.

Соответственно этому в культуре проявлялись терпимость и интерес к чужим верованиям, в том числе в сравнительном богословии. Аль-Багдади написал подробную книгу «Секты и чужие религии», а аль-Бируни в «Истории Индии» описал религию индусов без всякого осуждения и опровержения, просто как факт. С другой стороны, на бытовом уровне к иноверцам часто относились с презрением, даже отвращением. Мусульмане говорили, что от иудеев всегда воняет, христиан считали пьяницами, а их монахинь и мальчиков — развратными.

Тяготы иноверцев

Веротерпимость мусульман имела большие ограничения. Мусульманин не мог перейти в другую веру — это каралось смертью. Представителям других религий нельзя было переходить ни в какую другую веру, кроме ислама (например, иудей не мог стать христианином). Мусульманка не могла выйти замуж за христианина, а христианка — за мусульманина: смешанные браки запрещались. Нельзя было оставлять наследство иноверцам («Между разными верами не может быть наследования», — сказал пророк).

Жизнь иноверцев в халифате часто была несладкой. Египетские копты, вначале с радостью принявшие власть арабов, вскоре убедились, что мусульманское иго ничуть не легче византийского. Чтобы платить огромные налоги, христианам пришлось продать серебряную и золотую утварь в храмах и перейти на стеклянную и деревянную. Патриарха заключили в кандалы за неуплату 3000 динаров, которые потребовал с него наместник Курра ибн Шарик. Эти деньги пришлось собирать

всей церковью в течение нескольких лет. Коптов сгоняли на принудительные работы для строительства дворцов и мечетей, забирали во флот, чтобы воевать с Византией. Подати стали настолько непосильны, что многие бросали свои дома и бежали, пытаясь укрыться от сборщиков налогов. Власти их находили, жестоко избивали и возвращали обратно. Дело дошло до того, что на священников и монахов — самую независимую часть населения — надели железные браслеты с указанием их места жительства и пометками о выплате налогов. Тем, у кого не оказывалось таких пометок, ломали ноги или секли до полу-смерти. Никто не мог покинуть свой дом и уехать, не предоставив свидетельства, что заплатил джизью. Некоторые для этого продавали все, что имели, вплоть до балок из крыши дома. В 725 году отчаявшиеся копты подняли восстание, которое было безжалостно подавлено. Целые районы в восточной дельте Нила, где начался бунт, полностью обезлюдели. В 735 году восстание повторилось, охватив уже весь Верхний Египет, но его снова утопили в крови.

В ислам не обращали насильно, но создавали такие условия, когда принятие ислама становилось максимально выгодно. Через триста лет после великих завоеваний быть мусульманином в халифате было так же естественно, как быть христианином в Византии через триста лет после принятия христианства Константином. Все законы, мораль, карьера, культура, общая структура общества подталкивали в этом направлении. Немусульманином в халифате был только тот, для кого было принципиально важно придерживаться другой веры. Но это никогда не относилось к большинству населения.

Ренегаты. Известно много случаев, когда христианские клирики принимали ислам из-за своих грехов, несовместимых с их церковным саном — мужеложства, многоженства и т. д. Мусульмане таких не уважали. «Христианин переходит в ислам из корысти, — писал поэт Абу-ль-Алла, — а не из любви. Он жаждет власти, боится наказания или хочет жениться». Наоборот, багдадский халиф с большим уважением отнесся к служившему у него христианину, который отказался принять от него в дар красивых рабынь для любовных утех, объяснив это тем, что не может предаваться блудодействию, поскольку у него есть жена.

Ислам с «человеческим лицом»

У всех этих тягот была и светлая сторона. Людей другой веры ни к чему не принуждали и, если они исправно платили джизью, предоставляли самим себе. Они могли жить в своих общинах как в отдельном государстве, почти не соприкасаясь с официальными властями. Шариат был рассчитан только на мусульман, а иноверцы жили по собственным законам. Подданные христианской веры решали все вопросы между собой, обращаясь за правосудием к своим епископам.

Запрета на профессию для разных вер не существовало. Христиане были в основном врачами и писцами, иудеи — банкирами, менялами или занимались ремеслом (красильщики, сапожники). Парадоксально, но христиане в Багдадском и Фатимидском халифатах часто занимали самые высокие посты, включая вазиров, казначеев и военных министров.

Монастыри в халифате не просто существовали, а процветали, владея садами, виноградниками и пахотными землями. В Багдаде и Каире было множество монастырей с просторными садами и трактирами, куда любили заглядывать мусульмане, чтобы «пображничать у попа». Пасхальные праздники отмечались с большим размахом и часто сопровождались массовыми попойками. В Вербное воскресенье мусульмане вместе с христианами ходили с пальмовыми и оливковыми ветками, которые, как считалось, приносили благословение. Страстной четверг называли «чечевичным», потому что в этот день все ели постную чечевицу, или «четвергом яиц», потому что на улицах продавали крашеные яйца. В саму Пасху багдадцы собирались в саду монастыря Самалук и пили так, что «земля становилась похожа на корабль».

Не только Пасха, но и все крупные христианские праздники превращались мусульманами в веселье. Рождество, Крещение, канун Великого поста были хорошим поводом выпить и погулять. В «ночь погружения», как называли Крещение, в египетской Мисре зажигались тысячи огней. Аль-Масуди пишет: «В эту ночь на Ниле были сотни тысяч мусульман и христиан, одни — в барках и в прилегающих к реке домах, другие на берегу. Там можно было увидеть все, что только мог показать человек, из еды, питья, одежд, золотой и серебряной посуды, драгоценных камней, музыки, игры на флейте и танца. В Мисре это самая прекрасная и самая радостная ночь, когда не закрывают улицы.

Большинство людей погружаются в Нил, считая, что это оберегает их от болезни».

Некоторые монастырские праздники в том же Багдаде превращались в оргии, которые длились по три дня подряд. Местные жители разбивали палатки у стен монастыря на берегу Тигра, провозили с собой вино и певич, пили и веселись при свечах и т. д. В последний день Масленицы проходила «ночь ощупывания», когда мужчины и женщины смешивались в одной толпе и «никто ни от чего не удерживал свою руку». Она была полна вина, танцев и шуток. Женщины не отставали от мужчин и порой напивались до такой степени, что слуги уносили их домой в корзинах.

В Новый год, праздновавшийся как мусульманами, так и христианами, было принято дарить друг другу подарки, раздавать одежду, деньги и еду. Развлекались представлениями мимов и театром теней, для чего ставились деревянные балаганы в несколько ярусов, устраивались шествия и уличные угощения. В Египте выбирался «новогодний эмир», который, набелив лицо мукой, ездил на осле по улицам и взимал дань с богачей, а тех, кто отказывался, поливал водой или чем-то похуже.

Получалось, что пока на рубежах воины халифата и византийцы бились насмерть и рубили друг друга во имя веры, в арабском тылу царили праздник и веселье и мусульмане чуть ли не в обнимку с христианами пили вино и радовались жизни, забыв про все свои разногласия.

Заключение

На этой позитивной ноте мы поставим точку. В эпоху Аббасидов мусульманский мир достиг своего расцвета, но это была еще не самая высокая его вершина. История ислама находилась только в начале своего грандиозного пути, на протяжении которого ему предстояло пережить невероятные взлеты и чудовищные катастрофы. Всего сто лет спустя большая часть Востока была завоевана малограмотными турками-сельджуками, а чуть позже нахлынуло еще более грозное и страшное нашествие монголов, которое в корне изменило положение вещей. После этого раздробившаяся на части мусульманская империя создала новые центры власти и культуры, где исламская цивилизация собрала воедино все свои главные достижения и силы. Жизнь в этой яркой вселенной была ключом: появлялись новые халифаты и династии, набирал силу блестящий персидский ренессанс, переживала подъем утонченная Бухара, процветали сияющий роскошью Каир, суровый Марракеш и великолепная Кордова. На востоке Чингисхан и Тимур устрашали народы и перекраивали карту мира, в Египте правили великие Фатимиды и мамлюки, в Андалусии зарождался новый магрибский стиль, а суфизм только начинал эпоху своего расцвета.

Но все эти и другие важные события заслуживают отдельной книги, а мы закончим наше повествование тем, чем арабские авторы обыкновенно заканчивали свои труды: «Аллах знает лучше» и «об этом все».

С материалами, по разным причинам не вошедшими в книгу, можно ознакомиться на историческом портале «Дилетант»:
<https://diletant.media/profile/74430/posts>

Содержание

Предисловие	5
Часть I. На пути Аллаха	
Глава 1. Аль-Джазира	9
Глава 2. И Мухаммед — пророк Его	26
Глава 3. Четыре праведных халифа (и один под вопросом)	49
Глава 4. Первая династия	69
Глава 5. Культура Омейядов	94
Глава 6. Золотой век	100
Глава 7. Смуты	112
Часть II. Россыпи самоцветов, или Жизнь при халифате	
Глава 1. Знакомство со столицей	132
Глава 2. Арабская культура	164
Глава 3. Как они жили	199
Глава 4. Дух и буква ислама	227
Заключение	258

Соколов В.

С59 Львы и розы ислама. Историческое путешествие от Мекки до Багдада / Владимир Соколов. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 264 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-516-6

Книга Владимира Соколова — это популярный рассказ об эпохе раннего ислама с ее незаурядными личностями, сказочной роскошью и драматическими событиями, сопровождавшими взлет и падение Арабского халифата. Она насыщена красочными подробностями повседневной жизни мусульманского Средневековья, среди которых нашлось место устройству жилищ, ремесленным занятиям, способам постижения знаний, кулинарным рецептам и правилам посещения бань. Здесь же набросанные широкими мазками портреты халифов, эмиров и возвысившихся евнухов, сведения о придворном этикете, описания гаремных интриг, дворцовых пиров и многое, многое другое. При этом рассказывается о предписаниях шариата и немало внимания уделено фундаментальным началам ислама — Корану, суннам и фикху. Книга основана на оригинальных арабо-персидских хрониках и трудах выдающихся востоковедов старого и нового времени.

Владимир Соколов — историк, писатель, автор дилогии «Занимательная история Древней церкви» (2015, 2016), вышедшей в издательстве «Ломоносовъ».

УДК 94(53)

ББК 63.3(5)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Владимир Соколов

Львы и розы ислама

Историческое путешествие от Мекки до Багдада

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 01.03.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 800 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87